

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
Сибирского отделения Российской академии наук

На правах рукописи

Ширапов Алдар Амаголонович

**История формирования и развития банковской системы
Западного Забайкалья (40-е гг. XIX в. – 1917 г.)**

5.6.1 – отечественная история

Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук, доцент
А.М. Плеханова

Улан-Удэ – 2021

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ЗАРОЖДЕНИЕ И ФОРМИРОВАНИЕ БАНКОВСКОЙ СИСТЕМЫ ЗАПАДНОГО ЗАБАЙКАЛЬЯ В XIX В.	52
1.1. Условия и предпосылки становления кредитных отношений в Западном Забайкалье. Первая попытка создания банка	52
1.2. Влияние финансовой реформы Александра II на образование кредитных организаций в регионе в 1860–1880-е гг.	80
1.3. Роль государства в формировании региональной банковской системы в 1890-е гг. в контексте смены внешнеполитического вектора Российской империи	107
ГЛАВА 2. СПЕЦИФИКА РАЗВИТИЯ БАНКОВСКОЙ СИСТЕМЫ ЗАПАДНОГО ЗАБАЙКАЛЬЯ В 1900–1917 ГГ.	135
2.1. Особенности банковской системы региона в начале XX в. Роль финансово-кредитных организаций в продвижении российского влияния в страны Внутренней Азии	135
2.2. Активизация частной инициативы в организации банковских учреждений в предвоенный период (1909–1913 гг.)	169
2.3. Влияние Первой мировой войны на развитие банковского сектора	201
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	225
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	232
ПРИЛОЖЕНИЯ	266

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. Банковская система – одна из важнейших и неотъемлемых структур экономики. Ее формирование происходило в процессе хозяйственной эволюции в тесном симбиозе с развитием товарного производства и обращения. Финансово-кредитные учреждения, выступая посредниками в перераспределении капиталов, существенно повышали общую эффективность производства, способствуя росту производительности труда. В настоящее время банки продолжают играть важную роль в функционировании экономики, постоянно при этом реформируясь и совершенствуясь. Степень развития банковской системы является своеобразным индикатором уровня зрелости всей экономики.

Исследование истории формирования и развития банковской системы является одним из важных и актуальных направлений в современной исторической науке, привлекающим внимание многочисленных исследователей. Без анализа особенностей функционирования финансово-кредитных институтов в разнородных социально-экономических и политических условиях, в различные исторические периоды, в отдельных государствах и регионах невозможно понять специфику формирования и функционирования экономических систем.

Особый интерес представляет история становления и развития отечественной банковской системы в дореволюционный период. Несмотря на то, что первая кредитная организация – Земская изба – появилась на территории России еще в XVII в., по-настоящему развитие отечественных финансово-кредитных институтов началось только в середине XIX столетия. В результате финансовой реформы (1860–1864 гг.) сформировалась банковская система, действовавшая с некоторыми изменениями вплоть до революции 1917 г. Во главе системы находился Государственный банк (1860–1917 гг.), выступавший в роли

регулятора и контролера, которому подчинялись остальные кредитные организации страны – акционерные коммерческие и городские банки, общества взаимного кредита, ссудные кассы и другие кредитные организации. Исследование сложившейся в дореволюционный период многоуровневой банковской системы, представленной как государственными, так и частными финансово-кредитными институтами, позволит глубже понять процесс эволюции экономики России, выявить особенности ее развития в сравнении с общемировым опытом.

К концу XIX в. в процесс банкообразования была вовлечена вся территория Российской империи. Главной задачей сложившейся системы являлось обеспечение стабильного экономического роста всей державы и отдельных регионов путем финансирования торгово-промышленного сектора. При этом экономический подъем регионов зависел не только от финансовой поддержки местных бизнес-сообществ, огромное значение имела исторически сложившаяся специфика хозяйственного развития конкретных регионов.

Западное Забайкалье, расположенное на границе Российской империи с Монголией и Китаем, отличалось своеобразной моделью экономического развития, ориентированной на обеспечение глобальной транзитной торговли между Европой и Азией. Местное население было вовлечено в обеспечение экспортно-импортных операций со странами Внутренней Азии. Данные обстоятельства обусловили уникальные черты хозяйственного развития Западного Забайкалья в целом и его банковского сектора в частности. Их исследование позволит понять механизм воздействия банковских институтов на развитие торгово-промышленного сектора региона.

Степень разработанности темы. Историографию, обозначенной в настоящем исследовании проблемы, можно разделить на три периода: дореволюционный, советский и современный. Помимо хронологической периодизации историография темы может быть представлена в проблемном ключе, в связи с чем считаем возможным внутри указанных периодов выделить

отдельные блоки: 1) работы, посвященные исследованию банковской системы Российской империи в целом; 2) труды, в которых рассматривается история деятельности различных видов финансово-кредитных институтов (государственные, коммерческие, городские общественные, земельные банки и т.д.), образующих банковскую систему страны; 3) работы, предметом исследования в которых является деятельность отделений и филиалов банков в различных регионах империи и за ее пределами.

Дореволюционная историография становления и развития банковского сектора Российской империи многочисленна и разнообразна. В работе Д.А. Толстого «История финансовых учреждений России со времени основания государства до кончины императрицы Екатерины II» рассматривается начальный период формирования отечественной банковской системы в XVIII столетии [Толстой, 1848]. Несмотря на то, что автор рассматривает период лишь с 1733 по 1796 гг., исследование содержит важные сведения о первых российских финансово-кредитных институтах – Монетной конторе, Медном и Артиллерийском банках, Вдовьей казне и ряде других учреждений. Автор одним из первых исследователей выдвинул тезис о том, что отечественная банковская система изначально создавалась с целью решения финансовых проблем государства. Так, главной задачей Дворянского заемного банка (1754–1786 гг.) была поддержка дворянского сословия: «дабы помещики деревень и при самых крайних своих нуждах исправиться могли, не лишаясь продажей оных недвижимых своих имений» [Там же: 233–234]. Работа Д.А. Толстого стала одной из первых, посвященных истории отечественной банковской системы, заложив основы для дальнейшего изучения данной проблемы многочисленными авторами.

В исследовании П.П. Мигулина получило дальнейшее развитие утверждение Д.А. Толстого о том, что российская банковская система является инструментом правительства империи для решения стоящих перед ним финансовых проблем. В качестве одного из примеров автор приводит деятельность Государственного ассигнационного банка, созданного властными

кругами страны для покрытия государственных расходов путем выпуска бумажных банкнот ввиду дефицита серебра и сложности расчета медной монетой. С 1768 по 1796 гг. банк выпустил ассигнаций на сумму более 157 млн. руб., из которых на негосударственные нужды пошло всего 17 млн. руб. [Мигулин, 1899: 27]. Несмотря на то, что в исследовании П.П. Мигулина деятельность кредитных организаций практически не рассматривается, несомненным достоинством является подробный анализ механизма работы финансовой системы Российской империи с внутренним и внешним долгом. Данная информация крайне важна для формирования общей картины истории развития российского финансового рынка.

В монографии А.Н. Гурьева подробно исследован процесс формирования и развития отечественных государственных и негосударственных кредитных организаций с момента создания Монетной конторы в 1733 г. и вплоть до начала XX столетия. По его мнению, реальное кредитование купцов и промышленников в Российской империи началось только в 1797 г. с организацией при Ассигнационном банке учетных контор [Гурьев, 1904: 10–11]. До этого «заботы правительства в области организации кредита направлялись исключительно на устройство земельного кредита, для организации же коммерческого кредита не сделано было ничего» [Там же: 10]. А.Н. Гурьев считает, что первая половина XIX в. проходила с преобладанием в государственной финансовой политике интересов казенных банков над частными, а свободный коммерческий кредит смог появиться в России только после 1860 г. Особенный интерес в работе представляет обзор операций Государственного банка Российской империи и ряда других крупных учреждений – Дворянского и Крестьянского земельных банков. Дан очень подробный анализ ссудных операций Государственного банка представителям золотодобывающей промышленности, соло вексельных (ссуд сельским хозяевам), промышленных и на приобретение сельскохозяйственных товаров и орудий, под залог хлебных грузов и др. [Там же: 91–124]. К сожалению, автор уделил мало внимания деятельности других финансово-кредитных институтов, особенно частных коммерческих банков.

Исследователи дореволюционного периода не обошли своим вниманием и деятельность отдельных видов банков, составлявших систему финансово-кредитных институтов Российской империи. Исследование В.Я. Ососова является одним из первых, посвященных изучению процесса развития городских общественных банков на территории Российской империи с конца XVIII в. и до 1872 г. Особую ценность в работе представляют цифровые данные о результативности деятельности городских банков. На основе проведенного анализа годовых отчетов, предоставленных правлением 120 городских банков, автор приходит к выводу о том, что указанные учреждения смогли развернуть крайне успешную деятельность по привлечению вкладов у населения. Если в 1864 г. на процентных депозитных счетах клиентов городских банков находилось чуть более 850 тыс. руб., то уже в 1871 г. эта цифра превысила 53 млн. руб. [Ососов, 1872: 67]. В то же время В.Я. Ососов отмечал, что городские общественные банки наряду с положительной ролью в виде аккумуляции свободных капиталов не всегда использовали их в целях развития торговли и промышленности. По его мнению, члены правления городских банков зачастую использовали полученные средства в личных целях или открывали кредит только близким им предпринимателям, «чему служит доказательством не изменившаяся нищета мещан и часто скандальные обогащения некоторых тузов из губернского и уездного купечества» [Там же: 105].

Наиболее развернутым и содержательным исследованием, посвященным деятельности частных акционерных банков, является работа И.И. Левина. Ее значимость заключается в том, что автор смог рассмотреть и проанализировать историю акционерных коммерческих банков с начала зарождения частного коммерческого кредита в России в 1860-х гг. и вплоть до начала 1910-х гг. [Левин, 1918: 76–301] При этом И.И. Левин не концентрирует свое внимание исключительно на финансовой активности банков, а подробно исследует их деятельность в контексте событий, происходивших в российской экономике. Начавшееся в конце 1880-х гг. укрепление российского рубля автор связывает с

хорошим урожаем сельскохозяйственных культур, представлявшим в то время основной источник пополнения бюджета страны. Оздоровление финансового рынка страны, как подчеркивает И.И. Левин, привело к улучшению инвестиционного климата и привлекло в страну иностранные капиталы. Их приток привел к появлению интереса к российскому финансовому рынку со стороны крупных европейских банков, активизировавших сотрудничество с отечественными кредитными организациями [Там же: 247–250].

В дореволюционной историографии наиболее широко представлены работы, посвященные изучению деятельности отдельных финансово-кредитных институтов. В трудах А.Н. Гурьева, М. Плотникова, Ф.Ф. Воропонова, А.В. Красика, А.Н. Зака и др. подробно исследуется работа Крестьянского (1882–1917 гг.) и Дворянского (1885–1917 гг.) поземельных банков, сыгравших, по общему мнению авторов, важную роль в развитии отечественного земельного рынка.

Большой интерес вызывает работа М. Плотникова, в которой проведена оценка результатов работы Государственного дворянского земельного банка, созданного с целью поддержки землевладения потомственных дворян. К моменту создания банка процесс сокращения дворянского землевладения набрал значительные темпы. В период с 1861 по 1897 гг. только в 6 из 46 российских губерний наблюдалось увеличение доли земельных участков, принадлежавших дворянам. По мнению М. Плотникова, с началом работы Дворянского банка данная тенденция сохранилась. С 1895 по 1897 гг. из 55 млн. дес. дворянских земель было заложено в банке 21,7%. При этом еще в 1893 г. доля заложенных участков составляла лишь 15% [Плотников, 1898: 187–188]. Неуклонно увеличивался процент поступающих в банк перезаложенных имений. В 1896 г. 84% земель, принятых в залог, были уже обременены долгами [Там же: 189]. Как отмечал М. Плотников, «землевладельцы точно торопятся и закладывать, и перезакладывать свои земли в последние годы: по сумме, выданной по перезалогам, 1896 год превысил все предшествовавшие годы и достиг 50 млн. руб., что составляет около половины всей суммы выданных в этом году ссуд»

[Там же: 188]. При этом дворянство отнюдь не спешило с выкупом своих участков и демонстрировало очень низкую финансовую дисциплину, постоянно срывая сроки платежей по взятым кредитам. По мнению автора, это было связано с крайне лояльным отношением руководства Дворянского банка к своим должникам. Несмотря на инструкции банка, согласно которым в случае просрочек платежей по кредиту заложенное имение должно было реализовываться через аукцион, данная процедура была крайне редкой. Количество имений, проданных с аукциона, к общему числу заложенных в 1891 г. составляло около 6%, в 1896 г. – 1% [Там же: 189–190].

Из работ, посвященных анализу результатов деятельности Крестьянского поземельного банка, наибольший интерес представляет работа А.Н. Гурьева. По мнению автора, правительство империи преследовало цель обеспечения земельными участками крестьян в долгосрочной перспективе: «путем правительственного посредничества между продавцами и покупателями земель, на началах банковского ведения дела, т. е. путем льготного ипотечного кредита» [Гурьев, 1894: 9]. Однако за девять лет работы Крестьянского поземельного банка площадь крестьянского землевладения увеличилась всего на 1,2%, ежегодный прирост составил 0,13% [Там же: 10]. Основную причину столь скромных результатов автор видел в постепенном введении банком дополнительных ограничений на выдачу ссуд ввиду значительного роста непогашенных кредитов [Там же: 13–14]. Обстоятельства, которые привели к росту недоимок, по мнению А. Н. Гурьева, заключались в отсутствии предварительной проверки отделениями фактических условий покупок земельных участков. Зачастую крестьяне покупали значительно больший, чем было необходимо, земельный надел ввиду отказов продавца предоставить менее крупный надел. Еще одной причиной стали высокие выкупные цены на землю, переплата за одну десятину достигала 5 руб. Сыграли свою роль и мошеннические действия продавцов земли, вынуждавших покупателей принимать заведомо невыгодные условия, и крайне высокие проценты, взимаемые банком – от 7,5 до 8,5%. Автор видел причину

постепенного свертывания кредитования банком своих клиентов в отсутствии у них финансовой дисциплины, выразившейся в несвоевременной уплате процентных платежей [Там же: 19–33]. Именно в исправлении указанных недочетов А. Н. Гурьев видел залог будущей успешной работы Крестьянского поземельного банка.

Истории становления и развития отечественных ссудо-сберегательных товариществ посвящены труды Н.П. Колюпанова, В.Ф. Лугинина, А.И. Васильчикова, П.А. Соколовского и др. Особенный интерес представляет совместная работа Н.П. Колюпанова и В.Ф. Лугинина, которые придерживались мнения, что для эффективного развития сельского хозяйства страны необходимо «обеспечить платежные силы крестьянского населения и для того развить в их среде промышленность путем доставления им удобного и дешевого кредита» [Колюпанов, Лугинин, 1869: 193]. Главным источником кредитования крестьянства, по мнению авторов, могли бы стать ссудо-сберегательные товарищества. В 1865 г. В.Ф. Лугинин принял непосредственное участие в организации первого в Российской империи ссудо-сберегательного товарищества – Рождественского [Там же: 171–187]. Членами-пайщиками созданного учреждения стали местные крестьяне, занимавшиеся заготовкой и сплавом древесины [Там же: 172]. Деятельность товарищества была достаточно удачной, число его членов со 138 (с капиталом в 1000 руб.) в 1867 г. [Там же, с. 174] увеличилось до 180 (с капиталом в 3287 руб.) в 1868 г. [Там же: 180]. Анализируя полученный практический опыт, В.Ф. Лугинин пришел к выводу о том, что для успешного внедрения в экономическую систему страны ссудо-сберегательных товариществ необходимы: 1) компетентное и ответственное руководство, знакомое с банковской работой; 2) операционный капитал в размере не менее 3000 руб., занятых под проценты не выше казенных, т.е. под 5% (при меньшем капитале или больших процентах у товарищества не хватит средств покрыть издержки); 3) хороший кассир (желательно из фельдшеров или учителей); 4) ограничение на выдачу прибыли членам (вносить их на паевой счет) до полного

погашения паев; 5) неприкосновенность паевых взносов. По мнению автора, только при соблюдении данных условий ссудо-сберегательные товарищества могут действовать эффективно и плодотворно [Там же: 186–187].

Очень подробно исследователями дореволюционного периода изучена деятельность главного финансово-кредитного института империи – Государственного банка. В работе А.С. Залушпина сделан акцент на анализе изменений банковского законодательства Российской империи в конце XIX в., в частности, на новом уставе Государственного банка, принятом 6 июля 1894 г. В своем исследовании автор сосредоточился на изучении изменений банковского законодательства Российской империи в конце XIX в. Проводя анализ нового Устава Государственного банка, автор высоко оценивал закрепленные в данном документе меры, призванные способствовать расцвету отечественных торговли и промышленности: «составители нового устава сделали все возможное, чтобы разлить блага кредита на все отрасли хозяйственной жизни» [Залушпин, 1896: 16–17]. Одновременно А.С. Залушпин отмечал, что введение нового Устава, помимо упомянутой цели в виде стимулирования экономики империи, ведет к постепенному лишению Государственного банка прежней самостоятельности и способствует его подчинению Министерству финансов, что негативно сказывалось на доверии к государственному кредиту империи [Там же: 21–25]. Автор подчеркивал, что участие Государственного банка в кредитовании торгово-промышленного сектора империи вкупе с исполнением им обязанностей по проведению денежной эмиссии может привести к очень печальным результатам. Исследователь считал, что функции по кредитованию торговых и промышленных предприятий России следует возложить исключительно на коммерческие банки [Там же: 26–32].

Одной из главных особенностей дореволюционного периода историографии является наличие большого количества работ, посвященных описанию особенностей создания и работы отдельных финансово-кредитных институтов. Это стало отражением активного развития финансовой системы в Российской

империи, что способствовало приобщению к деятельности банков все более широкого круга лиц. Увеличение числа кредитуемых предпринимателей, рост числа вкладчиков, активная реклама финансовых услуг в средствах массовой информации – все это вызывало повышенный интерес к банкам со стороны населения. Следствием этого стало появление значительного количества работ практического характера, призванных удовлетворить появившийся спрос. В этом ряду необходимо особо остановиться на исследованиях Э. Барклай-де-Толли, Е.П. Вознесенского, В.А. Дмитриев-Мамонова, З. Евзлина и других авторов.

Э. Барклай-де-Толли на основе правоустанавливающих документов наиболее успешных обществ взаимного кредита – Пензенского, Новочеркасского, II-го Харьковского и Варшавского – составил подробное пособие заинтересованным лицам для организации подобных финансово-кредитных институтов. Автор скрупулезно рассматривал каждый этап процесса создания общества взаимного кредита. Например, в Положении о проекте им было указано не только необходимое для его организации количество членов (50) и адрес, куда должно было направлено прошение об учреждении (Особенная канцелярия по кредитной части Министерства финансов в Санкт-Петербурге), но даже количество (7) и цена марок (1 руб. 25 коп.), обязательных для конверта [Общества взаимного кредита..., 1912: 3–4]. Не менее подробно разобраны и остальные элементы организации и работы общества взаимного кредита – особенности и порядок приема членов, их права и обязанности, тонкости выхода из состава, основные операции, состав управления (общее собрание, совет, правление, приемный комитет, ревизионная комиссия), формы отчетности и порядок ликвидации [Там же: 9–85].

Е.П. Вознесенским было проведено исследование деятельности коммерческих банков Российской империи. Автор подробно разобрал механизм формирования и характеристики основного капитала банков, уделяя пристальное внимание главному инструменту его создания – выпуску акций. Им был исследован и механизм комплектации запасного капитала банка,

формирующегося путем отчислений из чистой прибыли учреждения [Вознесенский, 1914: 18–35]. Прекрасно проиллюстрированы Е.П. Вознесенским основные операции коммерческих банков – вкладные операции, учет и переучет векселей и торговых обязательств, кредитование, выдача ссуд и перезалог, покупка и продажа ценностей, корреспондентские сношения (переводы, покупка и продажа ценностей по требованию клиентов) и ряд других [Там же: 36–161]. Труд Е.П. Вознесенского является хорошим пособием для изучающих механизм функционирования коммерческих кредитных организаций.

Исследование В.А. Дмитриев-Мамонова и З. Езлина посвящено анализу особенностей процесса делопроизводства в коммерческом банке. В работе подробно описаны внутреннее устройство банка (дирекция, отделы – вексельный, фондовый, курсовой, товарный, вкладов и текущих счетов, корреспонденции и хозяйственный, касса и бухгалтерия), распорядок работы, основные операции и обязанности служащих [Организация и техника..., 1916: 32–357]. Особенное внимание в работе, в отличие от других трудов схожей тематики, авторы уделили описанию технической оснащённости специальной аппаратурой банковских офисов (телефонная связь, печатные машинки, самопишущие арифмометры и счетчики, проектографы и др.) [Там же: 9–21].

Необходимо особо отметить, что данные работы, представляющие немалую ценность с точки зрения исследования истории развития банковского дела в России, имеют и практическое значение. Многие положения, особенно в области создания и организации рабочего процесса финансово-кредитных институтов, не теряют своей актуальности и сейчас.

В целом, дореволюционная историография формирования и развития российской банковской системы представлена трудами, достаточно хорошо освещающими различные аспекты функционирования отечественных кредитных организаций в XVIII – начале XX вв. Введенный исследователями в научный оборот огромный массив данных служит фундаментом для последующих работ, посвященных данной проблеме. Несомненным достоинством работ

дореволюционного периода является наличие в них большого количества цифровых данных, отражающих динамику развития финансовых операций различных банков. Авторами достаточно тщательно и беспристрастно проанализирована деятельность крупных финансово-кредитных институтов империи – Государственного, Крестьянского и Дворянского поземельного банков и ряда других. К числу слабых сторон дореволюционного периода историографии можно отнести практически полное игнорирование авторами деятельности региональных банковских отделений, в особенности расположенных в азиатской части страны. Сведений относительно истории формирования и развития банковской системы Западного Забайкалья практически не встречается. Лишь небольшое количество справочной информации содержится в отдельных трудах. В работе А.К. Голубева имеются данные об открытии в Верхнеудинске временного филиала Государственного банка в 1895 г. на время действия ярмарки в период с 18 января по 4 февраля. Автор сообщает о наличии в указанный период в городе сберегательной кассы при местном казначейском отделении [Русские банки. Справочные..., 1896: 6–8]. В исследовании А.Н. Гурьева имеется упоминание об открытии в 1844 г. городского общественного банка в Кяхте [Гурьев, 1904: 38].

Советский период историографии проблемы характеризуется сильным влиянием коммунистической идеологии, в рамках которой дореволюционные финансово-кредитные институты рассматривались как спекулятивные учреждения, направленные на эксплуатацию трудового народа. В.И. Ленин охарактеризовал банки как «главные нервные узлы всей капиталистической системы народного хозяйства...», которые «тесно и неразрывно срослись с торговлей (хлебной и всякой иной) и промышленностью...» [Ленин, 1967, т. 34: 38]. Работы советских историков представляют значительный интерес с точки зрения исследования обозначенной нами проблемы, так как вводят в научный оборот существенный пласт фактического материала.

В работе И.Ф. Гиндина исследуется эволюция отечественной банковской системы в контексте развития экономики Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв. Автором подробно проанализирована деятельность акционерных коммерческих банков. Высоко оценивая результаты их финансовой активности, он достаточно критически относился к роли коммерческих банков в развитии экономики страны. Анализируя их деятельность в условиях экономического подъема 1890-х гг., И.Ф. Гиндин отмечал, что «после застоя 1880-х годов кредитная система выросла и окрепла» [Гиндин, 1948: 101], но в то же время «банки мало сумели сделать для преодоления отсталого характера русской торговли и удовлетворения ее специфических нужд, о чем свидетельствует продолжающаяся переписка векселей, пролонгация кредитов и слабое развитие подтоварных ссуд» [Там же]. По мнению автора, отечественные кредитные организации в своей деятельности руководствовались быстрым получением прибыли в ущерб долговременным капиталовложениям. Наглядным примером тому служили показатели деятельности банков в 1900-е гг., когда они начали «широко осуществлять товаро-комиссионные операции и торговлю за собственный счет и, наоборот, почти полностью прекратили финансирование промышленности и кредитование ее производили в ограниченных размерах, что усиливало хозяйственный застой» [Там же: 140]. В исследовании И.Ф. Гиндина содержится большое количество статистической информации о результатах и направлениях деятельности российских банков. Автор приводит данные о динамике изменения ресурсов системы отечественных коммерческих банков в период с 1881 по 1914 гг. с указанием общего размера их капиталов, средств на депозитных, корреспондентских, текущих счетах и т.п. [Там же: 259].

В работах Б.А. Романова и Б.В. Ананьича исследуется тема участия российских акционерных коммерческих банков в продвижении российского влияния в Иране и странах Внутренней Азии (Китае и Монголии). Б.А. Романов подробно рассмотрел деятельность Русско-Китайского банка, являющегося важным инструментом проводимой самодержавием политики закрепления

Российской империи в Китае. Автор отмечает, что стоявший у истоков создания банка министр финансов С.Ю. Витте – один из главных инициаторов экспансии России в Китай, рассчитывал получить «гибкое и послушное орудие своей политики, прикрытое двойным покрывалом: 1) частного и 2) преимущественно иностранного кредитного учреждения, и поднимавшее дальнейшее развертывание этой политики до уровня последнего слова политической методологии крупнейших европейских держав в Китае» [Романов, 1928: 91]. Главной задачей Русско-Китайского банка было его участие во внешнеполитических схемах русской дипломатии. Как отмечает автор, результаты финансовых операций учреждения на территории Китая были достаточно скромными. По результатам 1901 – первой половины 1902 гг. банк из сделанных им заявок на получение концессий по разработке 16 месторождений полезных ископаемых получил разрешение только на один запрос. Финансовая деятельность банка заключалась главным образом в выдаче подарков коррумпированным китайским чиновникам [Там же: 374–375].

Исследование Б.В. Ананьича посвящено истории Учетно-ссудного банка, действовавшего на территории Ирана и России на рубеже XIX–XX вв. Автор считает, что деятельность данного финансово-кредитного института можно разделить на два этапа. Первый этап – до 1903 г., когда банк являлся частной кредитной организацией, пользующейся поддержкой имперского правительства. Вторым этапом ознаменовался активизацией в 1903 г. действий российских властей, направленных на перевод банка под свой полный контроль. В результате учреждение сосредоточило «в своих руках все операции, связанные с ввозом и продажей в Персии русских товаров, выступая преимущественно в качестве посредника между русскими фабрикантами и персидскими купцами – клиентами банка в Персии» [Ананьич, 1962: 286] и превратилось в «орудие экономической политики царизма в Персии» [Там же]. Как отмечал автор, «основная черта русской экономической политики в Персии, проводником которой явился Учетно-ссудный банк Персии, накануне русско-японской войны состояла в том, что

решающая роль здесь принадлежала как в торговле, так и в вывозе капитала государству. Черта эта, характерная также, хотя и в меньшей степени, для Маньчжурии, являлась одной из особенностей колониальной политики царизма на Востоке и вытекала из экономической отсталости царской России и относительной слабости российского капитализма» [Там же: 303].

Значительное внимание в советской историографии уделялось исследованию истории крупных финансово-кредитных институтов, имевших сословный характер. Работы Д.А. Батурина и В.А. Вдовина посвящены изучению деятельности Крестьянского поземельного банка. По обоюдному мнению авторов, деятельность данного банка, несмотря на свое название, заключалась в поддержке дворянского и кулацкого землевладения. В.А. Вдовин подчеркивает, что банк «твердо и последовательно защищал интересы помещиков и использовался ими исключительно для выгодной продажи через него той части земли, которую они не смогли удержать из-за больших долгов» [Вдовин, 1959: 94]. Д.А. Батурина отмечает, что к 1917 г. Крестьянский банк стал в основном средством поддержки не столько «маломощным и нуждающимся крестьянам, сколько зажиточным и кулакам» [Батурина, 1925: 132]. Исследования указанных авторов содержат важные данные о динамике развития кредитных операций Крестьянского поземельного банка. Д.А. Батурина приводит данные за 1906–1916 гг. с указанием количества выданных ссуд, купленной земли и ее стоимости [Там же: 127].

Особое место в советской историографии занимает тема влияния зарубежных капиталов на российскую банковскую систему. Сходясь во мнении, что иностранные банки преследовали цель в виде получения контроля над экономикой Российской империи, исследователи разнятся в оценке степени зависимости российских банков от зарубежных кредитных организаций. С.Л. Ронин считал, что российские банки являлись полностью подконтрольными европейским финансовым структурам. По мнению автора, отечественные банки были созданы на средства западноевропейских кредитных организаций: «уже у

колыбели русских банков стоял иностранный капитал» [Ронин, 1931: 18]. Н.Н. Ванаг и Л.Я. Эвентов рассматривали русские финансово-кредитные институты как проводников зарубежных банков в российский промышленный сектор с целью получения над ним контроля. Н.Н. Ванаг констатировал, что «охват русской промышленности международным банковым капиталом совершался в утонченной форме, скрывавшей от постороннего наблюдателя существо происходившего. Международный банковый капитал внедрялся в русскую промышленность при посредничестве русских акционерных банков, скрывавших свою вывеской не национальный характер процесса сращивания промышленного капитала с банковым»; «при помощи сети «посредников» европейский банковый капитал настолько овладел русской промышленной системой, что превратился в монопольного вершителя судеб основных отраслей капиталистической промышленности в России» [Ванаг, 1925: 56]. Точку зрения Н.Н. Ванага полностью разделял Л.Я. Эвентов, считавший, что «русские акционерные банки все больше вовлекались в систему международных финансовых интересов и в свою очередь сами являлись форпостом мирового финансового капитала на русской почве... В результате переплетение в ряде важнейших отраслей хозяйства сделалось настолько тесным, что трудно было сказать, где кончаются русские интересы и где начинаются иностранные» [Эвентов, 1931: 42].

Совсем иной точки зрения придерживался И.Ф. Гиндин, отмечавший большую самостоятельность русских банков, которые сами выступали инициаторами привлечения в российскую экономику иностранных инвестиций. Автор особо подчеркивал, что «участие русских банков в том или ином предприятии становится для иностранных банков и тех рантье, чье помещение капитала находится под сильным влиянием банков, гарантией солидности дела и верности помещения капитала. Тем самым прилив иностранных капиталов перестает зависеть от инициативы иностранных банков, которым нелегко (и часто даже невозможно) решиться на самостоятельное финансирование в чужой стране, а тем более проводить там сложные финансовые комбинации» [Гиндин, 1927: 62].

Советский период историографии отмечен работами, посвященными истории отдельных региональных финансово-кредитных институтов. Некоторые данные о деятельности сибирских городских банков содержатся в работах И.Г. Мосиной и Г.Х Рабиновича. И.Г. Мосина считает, что главными инициаторами создания сибирских городских банков были представители небогатого местного купечества, испытывавшие потребность в долгосрочном и стабильном кредитовании. Причина учредительной активности предпринимателей объяснялась тем, что отделения Государственного банка кредитовали лишь на короткие сроки, а это в условиях Сибири с ее протяженными расстояниями и суровыми климатическими условиями было невыгодно местным предпринимателям. Основным фактором, сдерживавшим развитие городских банков, по мнению автора, стала «известная консервативность уставов городских общественных банков» [Мосина, 1975: 223].

Г.Х Рабинович является одним из первых исследователей, обратившимся к деятельности таких известных сибирских кредитных организаций, как банк при сиропитательном доме имени Елизаветы Медведниковой в Иркутске и Общественный Сибирский банк Поповых в Томске, предоставив интересные сведения о клиентах банков и схемах их кредитования. Например, первым пяти заемщикам банка при сиропитательном доме имени Елизаветы Медведниковой было выделено 80% от общего количества кредитов (более 800 тыс. руб.). При этом остальные 362 клиента банка, обратившиеся за ссудой, получили около 280 тыс. руб., что составило всего 20% от общего количества кредитов, выданных учреждением [Рабинович, 1976: 50].

Необходимо отметить, что исследований, посвященных формированию и развитию банковского дела в Западном Забайкалье в советский период, не проводилось. Некоторая информация содержится в работе И.А. Асалханова, посвященной особенностям социально-экономического развития Юго-Восточной Сибири. Автор приводит данные об особенностях развития кредитных отношений в сельской местности. Единственным видом кредитования, доступным

населению, была простая ссуда, которая могла выдаваться и погашаться не только наличными деньгами. Как отмечал И.А. Асалханов, «у кулаков бедняки занимали не только деньги, но и покупали на разорительных условиях хлеб для пропитания и для посева» [Асалханов, 1963: 243]. В качестве залога зачастую выступал скот – в 1871 г. крестьянин Куналейской волости Б. Ковалев требовал в качестве уплаты за выданную ссуду в размере 123 руб. взыскать с должников «рогатый скот» [Там же]. Официальные кредитные организации, действовавшие на территории Западного Забайкалья, упоминаются автором всего один раз. Описывая торговые операции нойонов-купцов И.А. Асалханов отмечает, что они «пользовались кредитами в отделениях Государственного и Русско-Китайского банков, находящихся в Чите и Верхнеудинске» [Там же: 297].

Советскими историками был внесен значительный вклад в исследование процесса формирования и развития банковской системы Российской империи. Накопленный в советской историографии материал, особенно количественные данные о развитии экономики страны, составляют основу фундамента обозначенной проблемы. К несомненным достоинствам работ данного периода следует отнести введение в научный оборот большого количества архивных и иных неопубликованных источников, обогащение историографии темы значительным статистическим материалом. Заслугой авторов советского периода стало существенное расширение географии исследования финансово-кредитных институтов – появились работы, посвященные деятельности региональных банков.

Слабой стороной советского периода историографии является значительное сужение тематики исследований. В отличие от дореволюционных авторов, уделявших внимание самым разнообразным аспектам функционирования финансовой системы, советские исследователи сконцентрировали свое внимание лишь на нескольких основных – оценке работы крупных банков, влиянии иностранного капитала на отечественные кредитные организации, взаимосвязи банков и промышленных предприятий. В связи с господством идеологических

установок заметна однобокость оценок советских историков деятельности русских банков, зачастую в весьма негативном ключе.

В современный период отечественная историография проблемы пополнилась весьма значительно. Пришедшая на смену социалистической – плановой – экономике рыночная модель ее развития привела к коренной перестройке финансового сектора страны. С падением монополии Государственного банка СССР стартовал бурный процесс формирования новой отечественной банковской системы с многообразием форм различных кредитных организаций. Расцвет банковской системы заметно увеличил интерес исследователей к истории формирования и развития финансово-кредитных институтов в досоветский период.

Современными исследованиями охвачены практически все аспекты истории становления и развития банковской системы Российской империи. Начальный этап зарождения отечественных банков в XVIII в. подробно изучен в работах В.А. Андриевской, Ю.Ф. Борисова, Л.А. Муравьевой, Н.В. Фадейкиной, И.Н. Демчук и других ученых. Особый интерес представляет исследование Н.В. Фадейкиной и И.Н. Демчук, которые ввели в научный оборот значимые сведения о датах основания, размерах капитала и процентных ставках первых кредитных организаций в России, каковыми являлись Дворянский заемный, Купеческий и другие банки. Особую ценность представляют данные о прежде малоизвестных отечественных банках. Одним из таких учреждений был Банк артиллерийского и инженерного корпусов (Артиллерийский банк), основанный в 1760 г. и просуществовавший всего три года. Отличительной чертой данного учреждения было то, что его капитал состоял из медных монет, отчеканенных из старых пушек. В числе причин краткого существования банка авторы называют незначительность капитала учреждения, слабое развитие вкладных операций и краткосрочный характер выдаваемых ссуд [Фадейкина, Демчук, 2014: 571]. Авторы подробно проанализировали причины неудачной деятельности сословных банков, которые заключались не только в их либеральном отношении к

заемщикам из числа аристократии. Первопричиной убыточной работы Дворянского заемного банка стали массовые невозвраты помещиками взятых ссуд и совершение ими мошеннических действий для получения новых кредитов [Там же: 570]. Однако в работе соавторов недостаточно полно освещены вопросы устройства и организации финансово-кредитных институтов, результаты их деятельности; не проанализирована работа Монетной конторы – кредитной организации, по времени предшествовавшей Дворянскому и Купеческому банкам.

Стоит особо отметить, что на данный момент среди исследователей нет единого мнения относительно начала основания в России банковской системы. В.А. Андриевская, Н.В. Фадейкина и И.Н. Демчук придерживаются мнения о том, что первый банк в России появился в 1754 г. [Андриевская, 2000: 77; Фадейкина, Демчук, 2014: 569]. Ю.Ф. Борисов, Л.А. Муравьева считают первой официальной кредитной организацией Монетную контору, осуществлявшую свою деятельность с 1729 по 1733 гг. [Борисов, 2005: 114; Муравьева, 2008: 73]. По нашему мнению, наиболее обоснованной и обобщенной является точка зрения Н.С. Россиной, согласно которой официальное открытие банков в России состоялось в царствование Елизаветы Петровны (1709-1761 гг.), при том что предпосылки складывания банковской системы оформились уже в предшествующий период [Россиина, 2004: 128].

Исследования, посвященные развитию банковского сектора Российской империи во второй половине XVIII в., представлены работами А.А. Артемьева, И.Н. Демчук, Л.А. Муравьевой. Л.А. Муравьева считает, что основной целью деятельности государственных банков являлась поддержка господствующего класса: «Видя в дворянстве главную опору трона, власть стремилась сохранить за ним ведущее положение в народном хозяйстве» [Муравьева, 2010: 76]. Автор отмечает, что основными финансово-кредитными институтами в Российской империи были банки, организованные государством. Единственной частной кредитной организацией был Вологодский общественный банк, чей капитал на

момент открытия составлял всего 2263 руб., собранных представителями купечества, мещанства и ремесленников [Там же: 77].

Исследование А.А. Артемьева представляет интерес ввиду нестандартного подхода автора к определению даты зарождения сети банков Российской империи. Он придерживается мнения, что российская банковская система появилась с момента вступления в силу Вексельного устава (1729 г.), положившего «начало формированию банковской системы Российской империи, поскольку взимание ссудного процента получило правовую основу» [Артемьев, 2008: 69]. По мнению автора, только после появления официально вступивших в силу правовых актов, четко декларирующих правила проведения кредитных операций возможно формирование банковской системы. Еще одной особенностью работы А.А. Артемьева является определение главных мотивов создания властями империи финансово-кредитных институтов. Наряду с общераспространенными утверждениями о желании казны получить для себя легкодоступный кредит и организовать экономическую поддержку дворянства автор называет стремление властей сбить вызывающий всеобщее недовольство высокий ростовщический процент [Там же: 70]. Тем самым А.А. Артемьевым затрагивается малоизученная тема столкновения государственных интересов с ростовщическим сообществом, занимавшим до появления банков монопольное положение на кредитном рынке страны.

История банковской системы Российской империи до финансовой реформы 1860–1864 гг. так же не обойдена вниманием современных исследователей, из работ которых особо следует выделить труды Е.В. Ивониной и Л.А. Муравьевой. В исследовании Л.А. Муравьевой основное внимание сфокусировано на анализе деятельности Государственного коммерческого банка, открывшего свои действия в 1817 г. Автор доказывает, что в основе его создания лежала идея о «насыщении торгово-промышленного рынка страны оборотными средствами» [Муравьева, 2011: 77]. Однако с данной целью банк не справился. Основными операциями учреждения являлись прием и обслуживание вкладов, по остальным

направлениям его деятельности наблюдался постепенный регресс. Если в 1836 г. банком было учтено векселей на сумму 36 млн. руб., то в 1854 г. эта цифра снизилась до 23 млн. руб. [Там же]. Л.А. Муравьева обоснованно считает, что банковская система России в первой половине XIX в. оставалась сословно-ориентированной и была направлена на обслуживание в первую очередь дворян-помещиков, интересы же купцов и промышленников учитывались в последнюю очередь.

Исследование Е.В. Ивониной посвящено анализу развития банковского сектора экономики Российской империи в период правления трех самодержцев – Павла I, Александра I и Николая I. В отличие от Л.А. Муравьевой Е.В. Иволина придерживается мнения о том, что реальная поддержка российских предпринимателей путем предоставления им государственного кредитования началась в период правления Павла I. Открывшиеся 18 октября 1797 г. при Государственном Ассигнационном банке три Учетные или Эсконтные конторы (контора на векселя, контора на товары и страховая учетная контора) имели перед собой задачу «к усилению и всепомоществованию ремесел и торговли преимущественно русским купцам, заводчикам и фабрикантам» [Иволина, 2009: 36]. Автор высоко оценивает деятельность Учетных контор, отмечая хорошо проработанную организацию кредитного процесса [Там же: 37]. Еще одним достоинством работы Е.В. Ивониной является анализ деятельности одного из наиболее малоизвестных российских финансово-кредитных институтов – Конторы придворных банкиров. Созданная по инициативе Павла в 1798 г., Контора занималась внешнеторговыми переводами казенных сумм, осуществлением платежей и комиссий правительственных структур и частных лиц. Объемы деятельности Конторы были весьма значительны, в общей сложности в период с 1798 по 1816 гг. через нее было переведено за границу 67 млн. руб. При этом работа учреждения отличалась высокой рентабельностью, доход составил 1,9 млн. руб. [38]. Автор уделяет крайне мало внимания истории развития банковской системы в период правления Николая I, отмечая, что

«система государственных кредитных учреждений не подвергалась существенным преобразованиям» [Там же: 42].

Еще одним направлением в исследовании проблемы на современном этапе является анализ факторов, повлиявших на те или иные изменения, произошедшие в финансовом секторе страны. В исследованиях Ю.Л. Грузицкого, Н.В. Фадейкиной и И.Н. Демчук проведен анализ финансовой реформы Александра II (1860–1864 гг.). По мнению авторов, одной из главных причин проведения реформы банковского сектора империи стало несоответствие предоставляемых им услуг требованиям нового времени. Прежняя схема кредитования, основанная на привлечении казенными банками вкладов от населения и выдаче из этих средств ссуд помещикам под залог имений, полностью себя исчерпала. К 1857 г. в финансовой системе страны сложилась парадоксальная ситуация: в казенных банках на счетах вкладчиков находилось более 1 млрд. руб., но данные средства лежали под спудом, не использовались реальным сектором экономики страны. Ю.Л. Грузицкий отмечает, что «возможности банков выплачивать установленные 4% (годовых) стали ограниченными». Попытка правительства разрешить ситуацию путем снижения процентной ставки до 3% привела к катастрофическим последствиям: отток средств из банков с 229 млн руб. в 1858 г. увеличился до 355 млн. руб. в 1859 г. [Грузицкий, 2003: 59–60]. Как результат, казенные банки стали массово объявлять о своей неплатежеспособности, что и вынудило власти страны пойти на коренную перестройку всей финансовой системы.

Н.В. Фадейкина и И.Н. Демчук связывают реформу финансового сектора империи с реализацией крайне необходимой для стратегического, экономического и инфраструктурного развития России «Концепции развития железнодорожного транспорта», утвержденной Александром II в 1857 г. Согласно основным положениям документа, планировалась прокладка в течение десяти лет 4000 верст железнодорожного пути. Для воплощения столь масштабного проекта требовались огромные средства, предоставить которые дореформенная банковская система была не в состоянии. Авторы подчеркивают, что в результате

появилось осознание необходимости поиска путей, «которые должны были учитывать хотя бы основные предстоящие реформаторские преобразования, в том числе отмену крепостного права» [Фадеекина, Демчук, 2010: 3–4].

Дальнейшее развитие получили исследования, связанные с историей сословных финансово-кредитных институтов – Дворянского земельного и Крестьянского поземельного банков. Деятельность Дворянского земельного банка и его роль в сохранении помещичьего землевладения в России подробно исследуется в работе М.Н. Езжевой. По мнению автора, только благодаря льготным условиям, созданным правительством империи (в 1894 г. процент роста по ссудам был понижен до 4% годовых, в 1897 г. до 3,5%), банк смог обеспечить сохранение института помещичьего землевладения. Благодаря дешевому кредиту к 1897 г. дворянские имения составляли 57,2% от общего количества находящихся в частной собственности земельных участков [Езжева, 2007: 16, 20].

С.В. Ильин концентрирует внимание на ссудных операциях Крестьянского поземельного банка с наделами крестьян, которые до ноября 1906 г. находились вне оборота земельного рынка империи. Автор подчеркивает, что разрешение на выдачу ссуд под залог крестьянских имений было вызвано стремлением активизировать переселенческое движение крестьян из перенаселенных европейских в свободные азиатские районы страны [Ильин, 2015: 273].

Не осталась без внимания современных исследователей история городских общественных банков. Особый интерес представляет работа Ю.Л. Грузицкого. Автор считает, что активное развитие городских общественных банков началось после отставки в 1844 г. министра финансов Е.Ф. Канкрин, являвшегося сторонником ограничения частных кредитных организаций, составлявших конкуренцию государственным [Грузицкий, 2002: 59]. Если в конце 50-х годов XIX в. действовало около 20 городских общественных банков, то к концу столетия их число составляло 240 [Там же: 56, 61]. Организуемые при непосредственном участии членов городских дум банки осуществляли широкий круг финансовых операций: прием вкладов, учет векселей с двумя подписями,

выдача ссуд под залог ценных бумаг, недвижимости, драгоценностей. Благодаря столь универсальному характеру предоставляемых услуг, клиентами банка были не только состоятельные купцы, но и представители среднего класса [Там же: 59].

Одной из отличительных черт современного периода историографии является переосмысление проблемы влияния банковского капитала на торгово-промышленный сектор экономики империи в 1890–1914 гг., получившее отражение в работах Ю.П. Петрова, П.А. Бойко, А.С. Чумаковой и других ученых. В отличие от авторов советского периода, в основном негативно оценивавших деятельность банков в развитии российской промышленности, современные исследователи придерживаются иной точки зрения, доказывая, что банковский капитал смог придать новый импульс развитию индустрии и позволил ей добиться существенных успехов. Следует особо выделить труд Ю.П. Петрова, в котором исследуются общие тенденции развития российских коммерческих банков на рубеже XIX–XX вв. Как отмечает автор, периоды экономического подъема в конце 1890-х гг. и с 1909 по 1913 гг., благодаря которым Россия стала одной из наиболее индустриально-развитых стран мира, «были во многом связаны с кредитно-инвестиционной активностью отечественных банков» [Петров, 2010: 25]. К примеру, Русско-Азиатский банк к 1914 г. активно участвовал в развитии таких промышленных гигантов империи, как Путиловский завод, Невский и Русско-Балтийский судостроительные заводы. Совокупная сумма акционерных капиталов, патронируемых банком 160 акционерных компаний, составляла свыше 1 млрд. руб. [Там же: 27].

Наибольшее развитие на современном этапе развития историографии получило исследование деятельности отдельных финансово-кредитных институтов. Особо следует отметить тот факт, что авторами подробно изучаются не только широко известные столичные банки, но и прежде малоизученные провинциальные кредитные организации.

Деятельность наиболее известных и состоятельных банков, находившихся в столичных городах империи – Москве и Санкт-Петербурге, исследуется в трудах

М.Н. Барышникова, С.А. Саломатиной и Е.Д. Тужиловой, В.В. Морозана, С.А. Лизунова и других ученых. В работах С.А. Саломатиной и Е.Д. Тужиловой рассматривается деятельность московского отделения Русско-Китайского банка в конце 1890-х гг. Анализируя данные о клиентах банка, авторы пришли к выводу, что в своей деятельности банк путем инсайдерского кредитования смог решить ряд важнейших вопросов. Посредством выдачи кредитов предпринимателям, близких к руководству учреждения, «банк решил проблему оценки заемщиков и формирования клиентской сети» [Саломатина, Тужилина, 2016: 58]. Например, член правления банка И.К. Прове являлся родственником владельцев торгового дома «Л. Кноп», занимавшего 1-е место по учету векселей в Московском отделении [Там же: 52]. Руководство отделения через допуск к прямому учету векселей в Москве наиболее крупных предпринимателей Сибири смогло открыть путь капиталам московских купцов на рынки региона. Благодаря работе отделения Даниловская и Коншинские мануфактуры получили возможность в Москве учесть векселя своих покупателей из Восточной Сибири и с Дальнего Востока. Таким образом, объемы продаж московских товаров в азиатской части России значительно выросли [Там же: 59].

Среди трудов, посвященных деятельности петербургских банков, следует выделить работу С.А. Лизунова. Автор рассматривает особенности процесса трансформации частной кредитной организации (банкирского дома) в акционерный коммерческий банк. Банкирский дом «Г. Вавельберг», открытый в 1848 г., был одним из старейших частных банков Российской империи и имел характер семейного предприятия. С.А. Лизунов считает, что резкий рост конкуренции со стороны располагавших большими финансовыми возможностями акционерных коммерческих банков стал основной причиной, вынудившей представителей клана Вавельберг реорганизовать семейное дело [Лизунов, 2019: 21]. В 1911 г. на основе банкирского дома был создан С.-Петербургский Торговый банк [Там же: 11]. Особенный интерес работа вызывает ввиду того, что автор не ограничился анализом только финансовой активности банка, которая была весьма

успешной. Общий оборот за 1914 г. составил свыше 3 млрд. руб. [Там же: 12-15]. В исследовании С.А. Лизунова прекрасно иллюстрированы условия организации рабочего процесса банка с указанием количества отделов, числа сотрудников, описанием архитектурного стиля и технического оснащения здания банка и ряд других интересных деталей [Там же: 7–13].

А.Н. Соляниченко, Ю.Л. Грузицкий, В.В. Демченко, М.З. Гибадуллин, М.И. Роднов, А.А. Ишкина, Е.А. Ганжов, К.А. Горбик, С.А. Саломатина и другие ученые исследуют разнообразные аспекты деятельности банков в европейской части Российской империи. Особый интерес, на наш взгляд, представляет работа М.И. Роднова, посвященная истории начального периода деятельности Уфимского отделения Волжско-Камского банка, которое помимо учета векселей, выдачи ссуд под залог, покупки и продажи ценных бумаг специализировалось на операциях, связанных с вкладами. Автор подчеркивает, что именно депозитные операции являлись главной особенностью банка: «Волжско-Камский банк оценивается специалистами как уникальное учреждение среди акционерных коммерческих банков столицы. Абсолютное их большинство сразу же стали деловыми или спекулятивными, с малым числом филиалов (или вовсе без них), с оборотным капиталом, который формировали главным образом корреспонденты. Эти банки направляли свои активы в спекуляцию ценными бумагами и учредительство. Волжско-Камский банк сформировался как исключительно депозитный банк наподобие Креди Лионнэ [...]. Основу пассива банков такого типа составляют вклады» [Роднов, 2017: 88]. Услугами банка пользовался широкий круг клиентов, включая аристократию, крупное купечество, чиновников, домовладельцев, мелких предпринимателей. При этом владельцы промышленных предприятий региона практически не прибегали к услугам банка. Так, Уфимское отделение обслуживало лишь два наиболее близких к городу медеплавильных завода [Роднов, 2017: 107–108].

Исследования истории становления и развития банков на территории Кавказа и Средней Азии, Сибири и Дальнего Востока представлены трудами Р.А.

Губахановой, К. А. Горбика, Б.А. Алимджанова, Л.В. Кальминой, В.П. Шахерова, Н.И. Гавриловой, Е.В. Плотниковой и других ученых.

Исследованию особенностей деятельности Русско-Азиатского банка на территории Дагестана посвящена работа Р.А. Губахановой. Автор отмечает, что отделение учреждения в г. Петровске (совр. Махачкала) занималось широким кругом вопросов – от выдачи ссуд до приема на хранение деловой документации своих клиентов. Банк активно сотрудничал с предприятиями по добыче нефти и рыбообработке, содействовал развитию транспортных и акционерных компаний, вел дела с обществами взаимного кредита из Екатеринбурга, Ростова и Вильно [Губаханова, 2009: 64–66]. По мнению автора, деятельность Петровского отделения Русско-Азиатского банка оказала положительное влияние на развитие торгово-промышленного сектора экономики Дагестана.

В работах Б.А. Алимджанова подробно освещаются различные аспекты деятельности отделений российских банков в Средней Азии. В исследовании, посвященном Самаркандскому отделению Русско-Азиатского банка, автор анализирует не только услуги учреждения, связанные с кредитованием и размещением средств клиентов на текущих и депозитарных счетах, но и его самостоятельную торговую активность, в частности операции по скупке и дальнейшей перепродаже продуктов питания и сырья – чая, сахара, зерна, кож, шерсти, хлопка и др. Особый интерес имеет информация об активизации в годы Первой мировой войны торговых операций отделения с виноградом, цена на который с 1914 по 1916 гг. выросла в 10 раз. Быстро оценив конъюнктуру рынка, Самаркандский офис с 1916 г. увеличил финансирование экспорта винограда, выделив для этого 4 млн. руб. [Алимджанов, 2019: 173].

История правового противостояния первой на территории Сибири постоянно действующей кредитной организации – банка при сиропитательном доме Е. Медведниковой в Иркутске и местных городских органов самоуправления исследуется в работе Е.В. Плотниковой. Основанное в 1836 г. на частные пожертвования и формально причисленное к городским общественным банкам,

учреждение практически 60 лет находилось вне зоны действия юрисдикции местных муниципальных властей. Созданный с целью финансирования благотворительных проектов, банк развернул успешную коммерческую деятельность. В 1868 г. проценты с капитала, размещенного в банке Е. Медведниковой, составили более 24 тыс. руб., к 1890 г. эта цифра была уже свыше 60 тыс. руб. Учреждение, занимаясь поддержкой и обеспечением своих проектов, практически не участвовало в финансировании нужд города. Лишь в 1895 г. после долгих десятилетий тяжб и споров городским властям Иркутска удалось получить контроль над банком [Плотникова, 2019: 124–129].

В совместной работе В.П. Шахерова и Н.И. Гавриловой исследуется история развития финансово-кредитных институтов Иркутской области со времен Российской империи и до наших дней. Несмотря на то, что главный акцент сделан на деятельности местного отделения Государственного банка, в исследовании прекрасно проиллюстрирован и ранний период эволюции кредитных отношений в регионе (XVIII – начало XIX вв.). Приведены ценные данные об иркутских приказах общественного призрения, действовавших с 1775 г., и «променной конторе», созданной при Государственном Ассигнационном банке в 1779 г. Фактически именно эти учреждения стали первыми кредитными организациями, чьи услуги ввиду относительной географической близости были доступны предпринимателям Западного Забайкалья. Так, приказы общественного призрения помимо приема вкладов могли выдавать краткосрочные (на 1 год) небольшие ссуды (0,5–1 тыс. руб.). В качестве обеспечения кредита использовался залог недвижимого имущества [Шахеров, Гаврилова, 2019: 7–9].

Большой интерес представляет работа Л.В. Кальминой, где впервые в отечественной историографии подробно проанализирована история становления и развития одной из первых кредитных организаций Западного Забайкалья – Верхнеудинского общественного городского банка. Действовавший всего четыре года, с 1882 по 1886 г., банк оказал значительное влияние на развитие финансовой системы Западного Забайкалья. Автор, проведя подробный анализ кредитных

операций банка, приходит к выводу, что в основе ликвидации учреждения лежали причины не финансового характера, а изменения в государственном законодательстве и безответственное отношение к нему со стороны местных муниципальных властей [Кальмина, 2017: 82–84]. Л.В. Кальмина высоко оценивает работу учреждения и особо подчеркивает, что «банк не обанкротился, а ликвидировал свои дела. Принципиальная разница заключается в том, что он сумел рассчитаться с вкладчиками, выдав им 63828 руб. Оставшиеся средства (наличные, векселя, имущество) на сумму 19101 руб. 69 коп. были переданы городской управе» [Там же: 83].

Еще одной особенностью современного периода историографии проблемы является появление значительного количества работ иностранных авторов. Главной сферой их исследовательского интереса выступает деятельность Русско-Китайского (Азиатского) банка, оставившего заметный след в истории мировой финансовой системы. Наиболее полно деятельность Русско-Китайского банка освещена в работе К. Яго, в которой содержатся ценные количественные данные о деловой активности его российских и зарубежных филиалов [Яго, 2012: 298–311]. На основе анализа финансовых отчетов учреждения автором сделан вывод о том, что если в начале своей деятельности банк был международным финансово-кредитным институтом, то после поражения в войне с Японией стал внутрироссийским банком. В качестве доказательства своей позиции автор приводит статистику распределения активов по отделениям на 1 января 1898–1910 гг., на основе анализа которой делает вывод о том, что с 1898 г. (30%) по 1904 г. (более 50%) доля зарубежных отделений неуклонно росла, а после 1905 г. начался процесс роста российских отделений в регионах и свертывание зарубежной деятельности. В 1910 г. доля активов российских филиалов составляла уже более 30% (около 15% в 1904 г.), а на зарубежные отделения приходилось менее 40% [Там же: 299].

Особая ценность работ зарубежных авторов, посвященных деятельности Русско-Китайского банка, заключается в исследовании малоизвестных страниц

его истории. В отечественной историографии проблемы внимание в основном уделяется деятельности банка в контексте политической активности российского правительства, направленной на установление своего влияния над территорией Северного Китая. Иностранцев больше интересует экономическая активность зарубежных отделений Русско-Китайского банка.

В статье С. Ичжи изучаются вопросы, связанные с эмиссионной деятельностью Русско-Китайского банка, который благодаря соглашению с правительством Цинской империи обладал возможностью выпуска китайских денежных знаков. Русско-Китайский банк занимался продвижением российского рубля на зарубежных финансовых рынках, печатал китайские билеты, медные и серебряные монеты. Как отмечает автор, «банк стремился охватить все уровни денежного обращения Китая» [Ичжи, 2018: 335]. Кроме того, учреждение занималось чеканкой на территории Российской империи с последующим вывозом в Китай иностранных монет, таких как мексиканский доллар, имевший в странах Азиатско-Тихоокеанского региона большое распространение [Там же]. По мнению автора, эта возможность позволяла банку конкурировать с иностранными кредитными организациями. В 1920 г. уже после падения Российской империи шанхайское отделение Русско-Азиатского банка входило в топ-16 финансово-кредитных институтов бизнес-столицы Китая [Там же: 337].

Не осталась без внимания иностранных исследователей и деятельность Русско-Китайского банка после его реорганизации в 1910 г. в Русско-Азиатский банк. Особый интерес представляет работа Д.Ф. Уотсона (J.P. Watson), посвященная истории ликвидации Русско-Азиатского банка после событий Октябрьской революции 1917 г. По мнению автора, даже в условиях объявления правительством большевиков Декрета о национализации банков в декабре 1917 г. [Декреты Советской власти, 1957: 230] у Русско-Азиатского банка сохранялись шансы продолжить свою деятельность. В начале 1918 г. вице-президент банка, представитель французской части его руководства, Морис Верстрат вышел на Ф.Э. Держинского с докладом, в котором «описал международную роль Русско-

Азиатского банка и предложил способ продолжения его деятельности к взаимной выгоде банка и правительства» [Watson, 1993: 41]. Переговоры получили продолжение и уже в мае Верстрат предложил большевистскому правительству компромиссное соглашение. Французская сторона соглашалась с национализацией российских отделений банка, но настаивала на сохранении зарубежной сети филиалов [Там же: 42]. Советская сторона должна была выплатить французским владельцам банка компенсацию за национализированное в России имущество учреждения. Верстрат особо подчеркивал важность и необходимость сохранения Русско-Азиатского банка в качестве «ценного канала связи между Россией и остальным миром» [Там же]. План французов не был принят советской стороной, и судьба банка была решена. Парижское отделение Русско-Азиатского банка после нескольких лет угасания было окончательно закрыто в 1926 г.

Таким образом, современный период историографии можно охарактеризовать как наиболее плодотворный. Опираясь на достижения авторов дореволюционного и советского периодов, современные исследователи смогли существенно развить ранее уже поднимавшиеся темы – деятельность Государственного и крупных акционерных банков, взаимодействие финансового капитала и торгово-промышленного сектора, развитие сети городских банков. Благодаря введению в научный оборот ранее неопубликованных архивных материалов удалось значительно расширить географию исследований, осветив малоизученные аспекты истории банковской системы Российской империи в ее отдаленных регионах – Сибири, Средней Азии, Кавказе и Дальнем Востоке. Увеличение внимания иностранных авторов к исследованию истории отечественной банковской системы свидетельствует о неослабевающем интересе и перспективности изучаемой проблемы.

Среди слабых сторон современного периода историографии можно назвать пока еще не столь полное выявление и освещение особенностей становления и развития отечественной банковской системы в регионах Российской империи. К

числу малоисследованных в данном проблемном ключе регионов можно отнести Западное Забайкалье. К настоящему времени недостаточно подробно проанализирована работа временного отделения Государственного банка, открывавшего свои действия на время проведения Верхнеудинской ярмарки. Отсутствует полная характеристика деятельности региональных отделений крупных акционерных банков – Русско-Китайского (Азиатского), Сибирского торгового и Ярославско-Костромского банков. Практически не изучена работа местных обществ взаимного кредита. Не выявлены причины открытия накануне первой Мировой войны постоянного отделения Государственного банка в Кяхте. И, самое главное, отсутствуют комплексные исследования, посвященные истории формирования и развития банковской системы на территории региона в дореволюционный период. Вышеперечисленные научные труды не решают проблему, сформулированную в настоящем диссертационном исследовании, а именно, не раскрывают в полной мере историю формирования и развития банковской системы на территории Западного Забайкалья в XIX – начале XX вв.

Целью диссертационного исследования является выявление специфики становления и развития банковской системы на территории Западного Забайкалья в 40-е гг. XIX в. – 1917 г. Достижение этой цели предполагает решение следующих исследовательских **задач**:

– выявить и проанализировать условия и предпосылки становления кредитных отношений в Западном Забайкалье в XVIII – первой половине XIX вв.; определить роль частной инициативы в зарождении банковской системы;

– исследовать особенности эволюции системы кредитных организаций региона после проведения финансовой реформы Александра II в 1860–1880-е гг.; оценить влияние геополитических процессов, происходивших в странах Внутренней Азии, на формирование региональных банков;

– определить роль государства в формировании региональной банковской системы в 1890-е гг. в контексте смены внешнеполитического вектора Российской империи в направлении стран Азиатско-Тихоокеанского региона;

– охарактеризовать банковскую систему региона в начале XX в.; определить роль российских финансово-кредитных институтов в продвижении российского влияния в страны Внутренней Азии;

– установить специфику развития банковских институтов Западного Забайкалья в период экономического подъема 1909–1913 гг.;

– выявить влияние Первой мировой войны на развитие банковского сектора региона.

Объектом исследования является банковская система Западного Забайкалья в 40-е гг. XIX в. – 1917 г.

Предметом исследования выступает история формирования и развития банковской системы Западного Забайкалья в 40-е гг. XIX в. – 1917 г., деятельность финансово-кредитных организаций, направленная на развитие региональной экономики.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 40-х гг. XIX в. до 1917 г. Начальная дата исследования обусловлена попыткой создания в 1844 г. на территории Западного Забайкалья первой кредитной организации – Кяхтинского городского общественного банка. Конечная хронологическая граница связана с принятием ВЦИК 14 декабря 1917 г. декрета «О национализации банков», завершившего историю имперской финансовой системы.

Территориальные рамки исследования охватывают Западное Забайкалье, в основном совпадающее с территорией современной Республики Бурятия. До 1851 г. его территория в составе четырех уездов – Верхнеудинского, Селенгинского, Троицкосавского и Баргузинского – являлась частью Иркутской губернии. С образованием в 1851 г. Забайкальской области территория Западного Забайкалья в пределах указанных уездов вошла в ее состав.

Источниковая база. При работе над диссертационным исследованием использовался широкий круг источников, различных по происхождению и специфике воспроизведения действительности. По типу и информационному

содержанию использованные данные были объединены в несколько групп: законодательные и нормативные акты, делопроизводственные документы, статистические сведения, периодическая печать, материалы личного происхождения. Привлекались как опубликованные источники, так и архивные материалы, выявленные в фондах Российского государственного исторического архива [РГИА], Государственных архивов Республики Бурятия [ГАРБ] и Иркутской области [ГАИО].

Наибольшую значимость представляют *законодательные и нормативно-правовые акты*, определявшие содержание и направления кредитно-финансовой политики государства. Эти документы, регулирующие функционирование финансово-кредитных институтов, представлены в Полном собрании законов Российской империи [ПСЗРИ] а также в Собраниях узаконений и распоряжений правительства, издаваемых при Правительствующем Сенате [Собрание узаконений...].

Первым документом, регламентирующим деятельность городских банков, стала изданная в 1785 г. «Грамота на права и выгоды городам Российской империи», более известная как Жалованная грамота городам [ПСЗРИ, 1830, т. 22: 358–384]. Согласно п. 153 данного документа городские власти получили право создавать на свои средства кредитные организации – банки [Там же: 382].

В Полном собрании законов Российской империи содержится еще один очень значимый в истории банковского сектора Российской империи документ – Указ от 31 мая 1860 г. об учреждении Государственного банка Российской империи – главного и самого крупного финансово-кредитного института державы, основная задача которого состояла в регулировании денежного обращения в стране [Там же: 1862, т. 35: 644–659]. Создание Государственного банка заложило основы российской финансовой системы, просуществовавшей на территории всей страны, в том числе и Западного Забайкалья, вплоть до 1917 г.

Законодательные и нормативно-правовые акты служат ценным источником сведений для выявления дат и причин создания/ликвидации финансово-

кредитных институтов, внутреннем устройстве и предоставляемых услугах. Так, в результате утверждения в апреле 1883 г. мнения Государственного Совета Российской империи «Об изменении и дополнении нормального Положения о городских общественных банках» [Там же: 1886, т. 3: 207–211] коренным образом изменилась ситуация в сегменте кредитных организаций, находившихся в ведении муниципальных властей. Утвержденные положения были обнародованы в «Собрании узаконений и распоряжений правительства, издаваемых при Правительствующем сенате» [Собрание узаконений..., 1883: 1273]. Изменения заключались в установлении жесткого контроля за деятельностью банков со стороны государства – вводилась строгая отчетность, существенно ограничивались операции с активами, ужесточались требования к кредитованию ряда лиц из числа сотрудников и работников муниципальных органов власти [Там же: 1277–1282]. Привлечение данного документа позволило установить, что введенные им нововведения послужили главной причиной ликвидации Верхнеудинского городского общественного банка в 1886 г. спустя всего четыре года с момента открытия в 1882 г.

Большое значение для проведения исследования имели законодательные акты, не относящиеся напрямую к банковскому делу, но оказавшие влияние на экономическое развитие Западного Забайкалья, поскольку вносили изменения в содержание финансово-торговой политики государства. Так, с 1 августа 1855 г. были разрешены ранее запрещенные расчетные операции между российскими и китайскими предпринимателями посредством наличных денег [ПСЗРИ, 1856, т. 30: 528–529]. В результате были созданы предпосылки для ускорения процесса развития финансово-кредитных институтов ввиду появления важного финансового инструмента – наличного расчета с иностранными партнерами.

Еще один законодательный акт уже нового – советского – правительства позволил подтвердить дату завершения истории имперской финансовой системы. Декретом ВЦИК о национализации банков от 14 декабря 1917 г. банковское дело было монополизировано государством, существовавшие на момент принятия

декрета учреждения объединялись с Государственным банком, в чье ведение передавались все их активы и пассивы [Декреты Советской власти, 1957: 230].

Другой важной группой источников, на которой базируется настоящее исследование, являются *делопроизводственные материалы*, включающие:

1) организационные документы – уставы, приказы, циркуляры и распоряжения, содержащие важные данные относительно дат основания, характера деятельности и внутреннего устройства кредитных организаций. Так, в Уставе Русско-Китайского банка 1895 г. помимо данных о целях создания учреждения, предоставляемых им услугах и размере капитала имеются ценные сведения об особенностях внутреннего устройства, позволившие установить, что российские и зарубежные филиалы банка располагали разным набором полномочий и прав. Причем возможностей у зарубежных отделений было намного больше, в частности, китайским отделениям разрешалось производить чеканку местной монеты [Устав..., 1895: 12].

Значительное количество различной документации организационного характера хранится в архивных фондах. Фонд 224 «Верхнеудинское отделение Русско-Азиатского банка, г. Верхнеудинск (1898–1919)» Государственного архива Республики Бурятия содержит большой пласт организационно-распорядительной документации, анализ которой позволил выявить нетипичные услуги, предоставляемые банком своим клиентам. В деле № 146 имеется циркуляр Правления учреждения от 26 июля 1906 г., который содержит информацию, разосланную во все отделения банка, о начале сотрудничества со страховой компанией «Саламандра». В результате с 1 августа 1908 г. офисы банка в Сибири, Северном Китае и Средней Азии начали оказывать услуги страхования имущества клиентов [ГАРБ, ф. 224, оп. 1, д. 146, л. 67, 70]. Указанная дата может считаться официальным началом страхового дела на территории региона.

К сожалению, значительная часть дел фонда № 224 имеет плохую сохранность. Самые ранние документы, датированные 1898 г., представлены в рукописной форме с большим количеством помарок [Там же: д. 1]. Практически

отсутствует информация о деятельности банка в период с 1900 по 1908 гг. Начиная с 1908 г. появляются относительно полные данные о работе отделения, его устройстве и клиентах [Там же: д. 43а].

2) протокольные документы – журналы заседаний правлений, общих собраний, ревизионных комиссий и иных органов, составляющих внутреннюю структуру финансово-кредитных институтов. В них содержатся представляющие немалый интерес данные практически обо всех аспектах деятельности и особенностях устройства различных банковских организаций. Информационной насыщенностью отличаются документы фонда 10 ГАРБ (Верхнеудинская городская управа, г. Верхнеудинск (1875–1920), который помимо полноты и разнообразия содержащихся сведений, отличается хорошей сохранностью документов. Благодаря документам фонда удалось практически полностью реконструировать историю деятельности Верхнеудинского городского общественного банка (1882–1886 гг.), начиная с открытия [ГАРБ, ф. 10, оп. 1, д. 352] и завершая отчетами ликвидационной комиссии [Там же: д. 460]. Согласно протоколу собрания членов правления от 18 июля 1882 г. стало возможным установить точное число сотрудников учреждения и их штат [Там же: ф. 10, оп. 1, д. 352, л. 19].

3) учетная документация в виде журналов, бухгалтерских книг представлена практически полностью материалами архивных фондов. Динамика развития учетно-ссудных и сберегательных операций временного отделения Государственного банка в Верхнеудинске в период 1894–1896 гг. и 1900–1901 гг. составлена на основе документов фонда 154 Государственного архива Иркутской области (Иркутское отделение Государственного банка, г. Иркутск Иркутской губернии, 01.11.1865–1916 гг.) Документы фонда отличаются хорошей сохранностью и информативностью, единственным неудобством является зачастую неразборчивый почерк некоторых сотрудников банка. Кроме того, в фонде отсутствуют данные о периоде работы отделения банка в Верхнеудинске с

1896 по 1900 гг. и с 1901 по 1906 гг., что помешало дать исчерпывающую оценку его деятельности.

Немалую ценность представляют учетные документы Кяхтинской таможни из фонда 102 ГАРБ. Исходя из анализа таможенного журнала, удалось установить, что Кяхтинское отделение Русско-Китайского банка в начале XX столетия активно сотрудничало с российскими золотопромышленниками в Монголии [ГАРБ, ф. 102, оп.1, д. 127].

4) отчетная документация – различные виды отчетов и иные документы, содержащие ценные сведения об истории и результатах деятельности кредитных организаций. Были подробно проанализированы отчеты Русско-Китайского банка за 1897–1910 гг. [Отчет Русско-Китайского...], Сибирского торгового банка за 1899–1903 гг. [Отчет Сибирского Торгового...], Ярославско-Костромского земельного банка за 1899–1901, 1906, 1908 гг. [Отчет Ярославско-Костромского...]. Официальные отчеты Сибирского торгового банка, кроме данных о финансовой деятельности учреждения, представляют особый интерес в связи с тем, что содержат сведения о количестве филиалов учреждения и датах их открытия, благодаря чему удалось установить точную дату появления отделения банка на территории Западного Забайкалья – 1910 г. [Отчет Сибирского Торгового..., 1911: 6].

Помимо официальных общих отчетов всего учреждения немаловажное значение имеют документы, содержащие итоговые данные о результатах деятельности отдельных филиалов банков. Наиболее полный массив данных о работе отделений Русско-Азиатского банка в Западном Забайкалье содержится в фонде 630 «Русско-Азиатский банк» Российского государственного исторического архива. Сводные данные за 1911 – 1917 гг. по всем отделениям банка, включая Верхнеудинское и Кяхтинское, позволили выявить и сравнить динамику развития отделений в период экономического подъема 1909–1913 гг. и Первой мировой войны 1914–1918 гг.

Ценные сведения о работе отделений Русско-Китайского банка в Западном Забайкалье имеются в фонде 632 «Русско-Китайский банк». Особый интерес представляют данные не только об обычных кредитных и сберегательных услугах, предоставляемых учреждением, но и некоторых видах банковских продуктов, отражающих специфику местной торговли. Например, согласно отчету, по состоянию на 13 октября 1908 г. отделением было выдано ссуд на сумму 8900 руб. под залог товаров, главным образом верблюжьей и бараньей шерсти весом свыше 2 тыс. пудов, [РГИА, ф. 632, оп. 1, д. 283, л. 85 об, 86].

Несмотря на информационную насыщенность, работа с документами фондов 630 и 632 затруднена в связи с плохим состоянием значительной их части. Большинство дел фонда перенесено на микроплёнку, однако зачастую их содержимое прочесть невозможно.

Еще одной группой источников, привлекавшейся в процессе исследования, являются *статистические данные*. Особо следует отметить ежегодные обзоры и памятные книжки Иркутской губернии и Забайкальской области, которые содержат ценные статистические материалы о социальном и экономическом развитии Западного Забайкалья и сопредельных с ним регионов (о состоянии местной промышленности, сельского хозяйства, торговли, демографии, общественного здоровья и др.) Данные сведения позволили проследить изменения в уровне развития экономики исследуемого региона, выявить ее специфику. В памятных книжках имеется информация о финансово-кредитных институтах Западного Забайкалья, например, установлено, что в 1914 г. в регионе действовало 37 сельских кредитных товариществ, в которых состояло свыше 11 тыс. членов [Памятная книжка..., 1914: 254–256].

Помимо памятных книжек и обзоров большой массив статистических данных содержат документы, хранящиеся в фондах 282 «Верхнеудинское городское казначейство, г. Верхнеудинск (1870-1920)» и 225 «Кяхтинское уездное казначейство, г. Троицкосавск Троицкосавского уезда Забайкальской области (1775–1918)». Важное значение имеют заполнявшиеся ежемесячно журналы

основных балансов частных финансово-кредитных институтов Западного Забайкалья. Так, в деле 177 из фонда 282 приведены данные о состоянии главных счетов всех негосударственных кредитных организаций Верхнеудинска в 1913 г. [ГАРБ, ф. 282, оп. 1, д. 177, л. 1–55].

Важным источником информации стала *периодическая печать*. Были использованы материалы официальных правительственных печатных изданий, в частности, «Вестника финансов, промышленности и торговли» – журнала, выходившего в Санкт-Петербурге с 1885 по 1917 гг. Являясь официальным органом Министерства финансов, журнал публиковал данные о состоянии дел крупнейших российских финансово-кредитных институтов, анализ которых позволил определить основные тенденции развития общероссийской банковской системы. Не менее ценными являются данные, содержащиеся в «Журнале Министерства внутренних дел». Несмотря на то, что указанный журнал, выпускавшийся ежемесячно с 1829 по 1861 гг., выходил под эгидой Министерства внутренних дел Российской империи, на его страницах освещалась не столько деятельность учредителя, сколько публиковались статьи, содержащие сведения о культуре, истории, краеведении, статистике и здравоохранении. Информация о подробностях и размерах ущерба гигантского пожара, произошедшего в 1845 г. в Кяхте, которая была почерпнута в выпуске журнала соответствующего года [Журнал министерства..., 1845, ч. 11: 119–121], помогла установить одну из причин неудачной попытки кяхтинского купечества создать собственный городской общественный банк.

Значительный интерес представляют сведения, публиковавшиеся на страницах региональной периодической печати. В газете «Забайкальские областные ведомости», еженедельно выходившей в Чите с 1865 по 1919 гг., периодически публиковались данные о повседневной работе различных кредитных организаций и их результатах. Так, в одном из номеров за 1894 г. имелась заметка об удачной работе временного отделения Государственного банка в период время проведения Верхнеудинской ярмарки. Отмечалось, что

«торгующее купечество не встречало ни малейших затруднений по переводу денег и учету векселей», отделение заработало солидную прибыль за три недели работы – 2 тыс. руб. [Забайкальские областные..., 1894: № 16].

Материалы личного происхождения стали еще одним ценным источником для настоящего исследования. Дневник российского дипломата И.Я. Коростовца, находившегося в служебной командировке в Монголии в 1912–1913 гг., содержит полезные данные о деятельности на ее территории русских банков, в частности, упоминается факт получения Кяхтинским отделением Русско-Китайского банка осенью 1912 г. у монгольского правительства концессии на добычу золота [Коростовец, 2009: 186].

В мемуарах итальянского журналиста Луиджи Барзини, принимавшего участие в составе команды князя Сципиона Боргезе в международной автогонке «Париж–Пекин», проходившей в 1907 г., приводятся представляющие особый интерес факты об Ургинском и Кяхтинском отделениях Русско-Китайского банка. Члены итальянской команды во время автопробега останавливались и пользовались услугами указанных филиалов учреждения. Благодаря мемуарам Л. Барзини точно установлено, что офис Кяхтинского отделения банка располагался в доме его директора И.Д. Сеницына [Barzini, 1907: 298–299].

Использование всех групп источников в совокупности дало возможность всесторонне изучить избранную тему.

Методология и методы исследования. Методологической основой исследования стала теория модернизации, согласно которой общество в своем развитии переживает переход от традиционного (аграрного) общества к индустриальному (городскому). Одним из индикаторов индустриального общества является наличие разветвленной многоуровневой банковской системы. По нашему мнению, экономическую политику государства и одно из ее направлений – финансовую политику, необходимо рассматривать как один из инструментов, способствующих или препятствующих модернизации.

В новый этап исторического развития, стержнем которого стала индустриальная модернизация, Россия вступила после отмены крепостного права в 1861 г. Старт модернизационным преобразованиям в банковской сфере был дан финансовой реформой Александра II, их активная фаза на рубеже XIX–XX вв. сопровождалась бурным процессом банкообразования. Модернизационный подход позволил проанализировать эти процессы, в частности, проследить эволюцию кредитных услуг: от простых вещевых ссуд до создания современных банков. Организация финансово-кредитных институтов и формирование банковской системы государства стали важными показателями модернизационных изменений.

Привлечение в качестве методологического инструментария системного подхода, направленного на раскрытие целостности объекта и выявление многообразных связей, позволило изучить историю банковской системы Западного Забайкалья комплексно, во взаимосвязи и взаимовлиянии специфики экономической модели развития региона и направлений внешней и внутренней политики государства.

Исследование основывается на принципах историзма и объективности. Принцип историзма дал возможность исследовать исторический опыт формирования банковской системы Западного Забайкалья в динамике, с учетом влияния восточноазиатского направления внешней политики Российской империи. Принцип объективности позволил провести всесторонний анализ всего комплекса источников; опираясь на конкретные исторические факты, выявить доминировавшие в исследуемые периоды тенденции развития банковской системы региона.

На основе проблемно-хронологического метода разработана структура исследования, определены его задачи. Общая проблема истории становления и развития банковской системы Западного Забайкалья разделена на ряд частных вопросов, анализ которых осуществлен во временной последовательности – от

устных договоров о займе между частными лицами в XVIII в. до современных кредитных организаций, действующих по всему миру в начале XX в.

Метод периодизации позволил разработать периодизацию изучаемой проблемы и сформировать структурный каркас исследования, разделив его на временные периоды: XIX в. как время зарождения и формирования банковской системы региона; 1900 – 1917 гг. – расцвет и завершение истории имперской банковской системы.

Историко-генетический метод дал возможность проследить эволюцию государственной политики самодержавия в отношении банков – от создания первых, нацеленных на обслуживание аристократии, полностью зависимых от власти учреждений в XVIII в. до банков начала XX в., чьи услуги были доступны широкому кругу лиц и проводивших в известной степени независимую финансовую политику.

При помощи сравнительно-исторического метода исследован процесс эволюции финансово-кредитных институтов в Западном Забайкалье на разных исторических этапах и проведено сравнение с аналогичными процессами в соседних регионах, в Сибири, в целом в Российской империи, установлены закономерности и выявлены особенности.

Статистический метод позволил выявить и проанализировать количественные данные о финансовых операциях учреждений, составлявших банковскую систему региона на разных этапах развития. Полученные результаты были использованы для составления таблиц, материал которых позволил выявить результативность деятельности отдельных учреждений и установить степень влияния, оказанного банковской сферой на развитие экономики Западного Забайкалья.

Использование комплекса методологических подходов, принципов и методов позволило выявить наиболее точные коннотации ряда терминов и понятий. Термин «банк» используется в диссертации для обозначения кредитно-финансового учреждения, аккумулирующего денежные средства физических и

юридических лиц, предоставляющего указанные средства от своего имени и за свой счет на условиях возвратности, платности, срочности, осуществляющего открытие и ведение банковских счетов и другие операции [Экономический словарь, 2011: 18]. В качестве термина-синонима использовано следующее определение: «Кредитная организация – юридическое лицо, которое для извлечения прибыли как основной цели своей деятельности имеет право осуществлять банковские операции. Кредитная организация образуется на основе любой формы собственности как хозяйственное общество. Кредитные организации подразделяются на банки, осуществляющие весь спектр банковских операций, и небанковские кредитные организации, имеющие право осуществлять отдельные банковские операции» [Там же: 168–169].

Понятие «банковская система» используется в диссертации для обозначения совокупности различных видов национальных банков, банковских институтов и кредитных учреждений, действующих в рамках общего денежно-кредитного механизма в той или иной стране в определенный исторический период. Банковская система – составная часть кредитной системы. Включает сеть государственных и коммерческих банков, не банковских кредитных организаций и других кредитно-расчетных центров [Там же: 21]. В качестве термина-синонима использовано следующее понятие: финансово-кредитные институты (сеть, система) – частные и государственные организации, осуществляющие различные финансовые операции: кредитование, привлечение вкладов (депозитов), расчетные операции и др. [Там же: 359]

Научная новизна исследования. Диссертация представляет собой первое комплексное исследование истории формирования и развития банковской системы Западного Забайкалья на протяжении длительного исторического периода – с 40-х гг. XIX в. и до 1917 г. Ее научная новизна состоит в следующем:

- Разработана периодизация истории становления и развития банковской системы Западного Забайкалья в дореволюционное время, включающая два периода: первый (1840-е гг. – 1900 г.) начинается с попытки кяхтинского

купечества в 1844 г. организовать городской общественный банк, характеризуется организацией первых кредитных организаций в регионе и началом формирования банковской системы; второй (1900–1917 гг.) – отличается бурным развитием финансово-кредитных институтов и заканчивается революционными событиями 1917 г., в основном завершившими историю имперской банковской системы. Внутри каждого периода выделено по три этапа и дана их характеристика.

- Выявлена специфика эволюции банковской системы Западного Забайкалья в дореволюционное время, заключающаяся в значительной роли частной инициативы в процессе создания региональных кредитных организаций. Установлено, что в предпринятой в 1844 г. попытке создания на территории региона первого собственного финансово-кредитного института – Кяхтинского городского общественного банка – главную роль играли местные купцы.

- На основе анализа и верификации разных групп источников, в том числе архивных материалов, впервые вводимых в научный оборот, установлено значительное влияние экономических факторов и геополитических условий на процесс банкообразования в Западном Забайкалье. Определено, что полноценный процесс становления банковской системы региона стартовал лишь в 1890-е гг. в связи со сменой геополитического вектора империи в сторону Азиатско-Тихоокеанского региона. Выявлено, что появление на территории региона филиалов Русско-Китайского (Азиатского) и Сибирского торговых банков, открытие в Кяхте полноценного офиса Государственного банка, начало проведения операций агентами Ярославско-Костромского земельного банка – все это стало возможным лишь после прокладки Транссибирской железнодорожной магистрали и включения региона в единый экономический организм страны.

- В научный оборот введены архивные документы, в значительной степени расширяющие представления о важной роли финансово-кредитных институтов Западного Забайкалья в продвижении российского влияния в страны Внутренней Азии в конце XIX – начале XX в. Приведены новые факты, свидетельствующие о содействии Кяхтинского отделения Русско-Китайского (Азиатского) банка

развитию российских золотодобывающих предприятий на территории Северной Монголии.

- Внесены важные уточнения в даты основания банков, в биографии известных купцов П.Т. Трунева и И.Д. Сеницына, успешно руководивших региональными отделениями Русско-Китайского (Азиатского), а также других забайкальских предпринимателей, сыгравших важную роль в процессе становления и формирования банковской системы Западного Забайкалья.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. В истории формирования и развития банковской системы Западного Забайкалья в дореволюционное время можно выделить два основных периода:

I период (1840-е гг. – 1900 г.), характеризующийся началом формирования банковской системы региона, состоит из трех этапов: 1) 1840-е – 1860 г. – созревание условий и предпосылок появления финансово-кредитных институтов: от частных ссуд к попытке создания городского общественного банка в Кяхте; 2) 1860 – 1880-е гг. – попытки создания на территории Западного Забайкалья собственной кредитной организации после финансовой реформы 1860–1864 гг.; открытие и непродолжительный период работы Верхнеудинского городского общественного банка (1882–1886 гг.); 3) 1890-е гг. – включение региона в общероссийское экономическое пространство в результате строительства Транссибирской железнодорожной магистрали; открытие филиалов крупнейших банков – временного отделения Государственного банка в Верхнеудинске (1894 г.) и агентств Русско-Китайского банка в Верхнеудинске и Кяхте (1898 г.); формирование основной структуры региональной банковской системы.

II период (1900–1917 гг.) характеризуется бурным развитием финансово-кредитных институтов и также подразделяется на три этапа: 1) 1900-е гг. – господство на финансовом рынке Западного Забайкалья Русско-Китайского банка; ликвидация временного офиса Государственного банка в Верхнеудинске (1906 г.); попытки казначейских отделений составить конкуренцию частным банкам; неудачная попытка Ярославско-Костромского земельного банка

установить господство на региональном рынке недвижимости в 1900-е гг.; 2) 1909–1913 гг. – расцвет банковской системы Западного Забайкалья в условиях общероссийского экономического подъема; увеличение доли частных кредитных организаций на финансовом рынке региона по отношению к государственным; открытие офиса Сибирского торгового банка в Верхнеудинске (1910 г.), Верхнеудинского (1911 г.) и Кяхтинского (1913 г.) обществ взаимного кредита; 3) 1914–1917 гг. – попытки усиления роли государства на финансовом рынке региона: открытие в Кяхте отделения Государственного банка (1914 г.); испытание финансово-кредитных институтов Западного Забайкалья в период Первой мировой войны; революции 1917 г.: завершение истории имперской банковской системы.

2. Особенности становления и развития системы кредитных организаций Западного Забайкалья были обусловлены трансграничным положением региона, его удаленностью от европейской части страны, спецификой функционирования местной экономики. Активное формирование банковской системы Западного Забайкалья в конце XIX – начале XX в. стало результатом смены геополитического вектора Российской империи, направленного в Азиатско-Тихоокеанский регион.

3. Главной движущей силой в процессе становления банковской системы региона стала частная инициатива местного купечества. Господствующее положение на финансовом рынке Западного Забайкалья занимали частные кредитные организации в отличие от большинства других регионов, где ведущие позиции занимали отделения Государственного банка Российской империи.

4. Главным результатом деятельности финансово-кредитных учреждений на территории Западного Забайкалья стал вклад в развитие его экономики.

Теоретическая значимость исследования обусловлена использованием модернизационной теории в качестве методологической основы диссертации, что подтвердило ее широкие познавательные возможности, позволяющие изучать исторические процессы не только на макроуровне, но и на материалах отдельных

стран и регионов. Важность проведенного исследования заключается в пополнении региональной историографии новыми фактическими данными и выводами.

Практическая значимость. Основные положения и выводы настоящего диссертационного исследования могут быть использованы для дальнейших исследований истории экономического развития Западного Забайкалья, а также при подготовке учебных пособий, направленных на изучение истории банковской системы региона.

Степень достоверности и апробация исследования. Основные теоретические положения и выводы исследования обсуждались на конференциях разного уровня: региональной научной конференции «Сибирь в XVII–XXI веках: история, образование, экономика, туризм» (Улан-Удэ, 2019), всероссийской научной конференции «XXII Историко-экономические чтения, посвященные памяти Вадима Николаевича Шерстобоева» (Иркутск, 2021), международной научной конференции «Россия и Монголия в XX–XXI вв.: к 100-летию Монгольской революции и установления дипломатических отношений» (Улан-Удэ, 2021), международной научной конференции «100 лет дипломатических отношений между Россией и Монголией: от дружественных отношений к всеобъемлющему стратегическому партнерству» (Москва, 2021).

Результаты диссертационного исследования нашли свое отражение в одиннадцати научных статьях. Пять работ опубликованы в рецензируемых изданиях, входящих в перечень ВАК, три – в журналах, индексируемых в международной базе данных Web of Science, три – включены в базу данных РИНЦ.

Структура диссертации состоит из введения, двух глав (в каждой по три параграфа), заключения и библиографического списка использованных источников и литературы.

ГЛАВА 1. ЗАРОЖДЕНИЕ И ФОРМИРОВАНИЕ БАНКОВСКОЙ СИСТЕМЫ ЗАПАДНОГО ЗАБАЙКАЛЬЯ В XIX В.

1.1. Условия и предпосылки становления кредитных отношений в Западном Забайкалье. Первая попытка создания банка

Формирование экономической модели Западного Забайкалья

Западное Забайкалье – историко-географическая область Российского государства, расположенная на юго-востоке Восточной Сибири. В XVII столетии территория региона была включена в состав России став одним из основанных опорных пунктов международной торговли между Европой и Азией. Как отмечал В.К. Андриевич, Западное Забайкалье было очень удобно как место, «из которого удобнее всего было вести торг с Китаем» [Андриевич, 1887: 136]. С 1703 г. центром формирования российских караванов в Китай стал г. Селенгинск. Затем, южнее его, в районе Чикойской стрелки в 1727 г. была построена Петропавловская крепость, где собирались караваны, дислоцировались охраняющие их казаки, хранились товары, была построена церковь [Березницкий, 2017: 9–10]. С 1728 г. – с момента постройки Кяхтинской крепости [Военная энциклопедия, 1914, т. 14: 446] – регион окончательно становится основным пунктом, через который проводилась русско-китайская торговля. В Западное Забайкалье из остальной России потянулись переселенцы более склонные к торговому делу, чем к занятию сельским хозяйством, что привело к началу формирования той особой специфики экономики региона, отличающей его от других уголков державы [Андриевич, 1887: 136].

Вся жизнь Западного Забайкалья в той или иной степени была связана с русско-китайской торговлей, которая определяла его развитие. Немалая часть населения региона была непосредственно вовлечена в торговые операции. Основная масса жителей поселений, расположенных вдоль тракта, по которому проходили торговые обозы, занималась извозным промыслом, обслуживая

перевозки грузов, что давало хороший доход и обеспечивало сносное существование [Паликова, 2015: 88]. Даже в конце XIX столетия извозный промысел значился как важная отрасль экономики региона, с которой было связано немалое число местных жителей [ГАРБ, ф. 10, оп. 1, д. 1030, л. 12 об]. Вдоль торгового тракта активно процветало «дворничество» – содержание постоянных дворов, где торговали фуражом и продовольствием, занимались кузнечным, тележным, кожевенным делом [Шахеров, 2015: 116]. Многие уроженцы Западного Забайкалья служили при торговых складах, были работниками у купцов. Рост чайной торговли увеличил спрос на продукцию местного населения – кожи. Если раньше купцы закупали у местных жителей мерлушку, пушнину и кожи для продажи их китайским купцам, то с ростом оборотов чайной торговли кожа стала массово использоваться в качестве упаковочного материала [Силин, 1947: 166]. Наличие доступных и дешевых китайских товаров напрямую влияло на развитие промышленности региона, делая невыгодным производство многих видов продукции, в частности, текстильной [Шахеров, 2015: 116].

Русско-китайские коммерческие отношения значительно влияли на жизнь основных торговых центров Западного Забайкалья – городов. Увеличивающееся благосостояние купечества региона отразилось на развитии и благоустройстве населенных пунктов. В планировке и застройке основных городских центров значительное внимание стало уделяться формированию деловых центров. Ядром их обычно становились торговые площади с большими гостиными дворами, торговыми рядами, лавками, рынками, таможенными помещениями [Там же: 116–117].

Город Верхнеудинск – административный центр региона – к середине XIX столетия имел вид уездного города европейской России. В нем были городские улицы, геометрически правильные, вымощенные камнем, имелась площадь с каменными домами и торговыми рядами. В середине XIX в. городское хозяйство

включало 21 улицу, три каменные церкви, 697 домов без административных, торговых, общественных и складских помещений [Цыденова, 2015: 255].

От степени развития торговли с Китаем напрямую зависело существование того или иного поселения. В XVII в., когда транзитная торговля с Маньчжурской империей осуществлялась посредством отправки караванов, главным экономическим центром региона был г. Селенгинск. Первоначально торговые отношения Западного Забайкалья с Китаем носили исключительно частный характер. В 1674 г. в Селенгинске был собран караван купцов из 43 человек, отправившийся в Поднебесную [Курц, 1929: 39–40]. Впоследствии в Селенгинске располагались резиденция воеводы, канцелярия пограничных дел и таможенное управление. В подчинении городского магистрата находились Удинский острог и Кяхта. Однако существующий формат торговли не мог удовлетворить растущую потребность в увеличении объемов товарооборота. Помимо этого, китайские купцы не торговали непосредственно на территории России, что значительно тормозило развитие бизнес-отношений [Там же: 55–56]. Ситуация изменилась после заключения 21 октября 1727 г. российским посланником С.В. Рагузинским с представителями Цинской империи Кяхтинского трактата, согласно которому предусматривалось учреждение на границе двух постоянных торговых пунктов – в Нерчинске и Кяхте. Торговля на территории Западного Забайкалья приобрела обоюдный характер [Русско-китайские отношения..., 1958: 17–22]. Одним из результатов этого стало начало постепенного угасания Селенгинска, который уже в 1822 г. был переведен в разряд «заштатных городов» Верхнеудинского уезда [Шахеров, 2011: 38–39].

Однако степень зависимости от торговли с Маньчжурской империей у населенных пунктов Западного Забайкалья была довольно разной. Так, городом, полностью зависимым от торговли с Китаем, являлась Кяхта. Своим появлением она обязана началу нового этапа в развитии российско-китайских дипломатических и торговых отношений. В ходе обмена взаимными ратификациями в 1728 г., происходившего в окрестностях Кяхты, российскими

дипломатами было предложено китайской стороне основать здесь совместный товарный склад и перенести торговые операции из Урги в новое место – Кяхту. Данное событие послужило началом становления Кяхты как главного центра торговли России с Китаем [Мартенс, 1881: 25]. Первый торг в Кяхте состоялся 25 августа 1728 г., когда из Пекина возвратился русский торговый караван. Русские купцы предложили к обмену китайским партнерам оставшиеся от продажи в Пекине меха. Всего в торге приняли участие десять русских и четверо китайских купцов. В 1730 г. около Кяхты, приблизительно в 60 саженях от нее, началось строительство китайского городка Маймачена, на долгие годы ставшего для нее главным торговым партнером [Попова, 2013: 29]. Уже к 1737 г. Кяхта смогла окончательно перехватить лидерские позиции в торговле у Нерчинска, чему в немалой степени способствовал практически монопольный ввоз из Монголии ценного лекарственного растения – ревеня [Андриевич, 1887: 156]. Общий рост объема торговли выражался в следующих цифрах: ежегодно с 1736 по 1740 гг. в Кяхту доставлялось в среднем 1430 телег и 96 саней русских товаров, 806 телег и 37 саней китайских. В 1741–1745 гг. количество русских товаров составило 1200 телег, китайских – 944 [Попова, 2013: 30]. С 1743 г. Кяхта получила статус торговой слободы, став первым постоянным пограничным пунктом для торговли с Китаем [Балдано, 2018: 96].

Развитие кяхтинской торговли было стеснено излишним контролем государства. Операции по экспорту пушнины, как наиболее востребованного российского товара, регулярно – в 1726 и 1731 гг. – объявлялись государственной монополией, что провоцировало незаконную добычу и продажу мехов китайским торговцам. Один из караванов, прибывший в Пекин в 1736 г., не смог выгодно реализовать свои товары из-за переизбытка на рынке пушнины, привезенной китайскими купцами из Кяхты, где они ее неофициально приобрели у частных лиц [Силин, 1947: 45–47]. В итоге к 1756 г. государственная караванная торговля прекратилась.

Как отмечал Е.П. Силин, именно с этого момента «начинается настоящая торговля в Кяхте, начинается фактически и ее история, так как история Кяхты, есть прежде всего история ее торговли» [Там же: 51]. Ежегодно стали нарастать торговые обороты. Если в 1755 г. было реализовано русских товаров на 606 тыс. руб., а китайских приобретено на 230 тыс. руб., то в 1760 г. эти цифры составили 699 и 656 тыс. руб. соответственно. Как и ранее, основным предметом экспорта из России служила пушнина. Импортировалась в основном текстильная продукция, шелк, чай и сахар [Самойлов, 1854: 7]. В итоге во второй половине XVIII в. около 70% всего экспорта Цинской империи приходилось на долю партнера Кяхты – Маймачена – единственного пункта внешней торговли Китая с Россией [Балдано, 2018: 96].

К началу XIX в. в русско-китайской торговле изменились приоритеты в номенклатуре поставляемых из Китая товаров. Если ранее основными предметами ввоза в Россию были шелк и хлопчатобумажные ткани, то теперь в связи с резко возросшим спросом среди русских и европейских клиентов первое место в китайском экспорте занял чай. В 1811 г. экспорт чая в Россию составлял 80 тыс. пудов, спустя всего девять лет – в 1820 г. – эта цифра составила более 100 тыс. пудов. Торговля чаем занимала 88% общего объема российско-китайской торговли. Товарооборот через Кяхту вырос с 2 млн. руб. в 1769 г. до 16 млн. руб. в 1824 г. [Скворцова, 2018: 93–94]. Столь значительно возросшие торговые обороты способствовали значительному увеличению деловой активности местных предпринимателей. В 1830 г. торговлей в Кяхте занимались 53 российских, в том числе 17 сибирских, купцов, среди которых были и местные предприниматели – Курбатовы и Титовы из Верхнеудинска, Баснины, Игумновы, Молчановы и Котельниковы из Кяхты [Шиловский, 2019: 28]. О размахе их деятельности красноречиво свидетельствуют данные об объемах закупаемой ими чайной продукции. В 1830-х гг. купцами Калашниковыми была получена партия чая в размере 650 ящиков стоимостью 330 тыс. руб. [Комлева, 2018: 117].

Начало XIX столетия ознаменовалось для Кяхты еще одним событием, закрепившим ее статус ключевого центра торговли – началом поставок пушнины Русско-Американской компанией. Основанная указом императора Павла I от 8 июля 1799 г. [ПСЗРИ, 1830, т. 25: 699] компания, опираясь на огромные природные ресурсы Аляски, быстро заняла лидирующие позиции на мировом рынке меховых товаров. Из-за запрета на торговлю через морские порты Китая, североамериканская пушнина реализовывалась через Кяхту. В 40-е годы XIX столетия сбыт колониальной пушнины в Кяхте достигал 69% от всей пушной торговли Русско-Американской компании. Практически все шкурки речных бобров и выдры сбывались в Кяхте, здесь обменивалось более половины всех морских бобров (каланов) и морских котиков. Только 31% пушнины продавался непосредственно в России [Ермолаев, 2011: 23].

Меховые товары не реализовывались за наличные деньги, а обменивались на чай, который затем компания сбывала в Нижнем Новгороде или Москве. Несмотря на достаточно высокие накладные расходы из-за сложного и длительного пути из Аляски в Кяхту, а оттуда в европейскую часть России, доходы от этой операции были весьма солидными. За полученные в 1843 г. 6654 места чая Русско-американская компания, при стоимости одного места в Нижнем Новгороде в 155 руб., могла выручить 1 млн. 31 тыс. руб. [Пименов, 2018: 224–225].

В 30-е годы XIX столетия Кяхта превратилась в важнейший пункт сбыта российской промышленной продукции – текстильной. С 1833 по 1835 гг. через Кяхту было экспортировано в Китай хлопчатобумажных тканей на сумму 489 тыс. руб., в 1837–1839 гг. эта цифра составляла уже свыше 665 тыс. руб. [Краткий очерк..., 1896: 49]. В итоге изделия из тканей стали вытеснять из структуры российского экспорта в Китай меховые товары. Если в 1824–28 гг. доля пушнины в российских товарах составляла около 50%, то уже к 1849–1851 гг. данный показатель упал до 20% [Там же: 57].

К 50-м гг. XIX в. произошел настоящий расцвет Кяхты. В 1850–1860-е гг. ее торговый оборот составлял более 30 млн. руб. в год. В 1862 г. в городе насчитывалось 165 торговых лавок. Из 5430 жителей 276 были купцами. Из-за уровня благосостояния Кяхтинскую слободу в те годы называли поселком миллионеров [Попова, 2013: 34].

В отличие от Кяхты с ее абсолютной ориентацией на торговлю с Китаем, развитие Верхнеудинска проходило по несколько иному сценарию. Если Кяхта была основана в интересах международной торговли, то Верхнеудинск (заложен в 1666 г.) был создан как место для сбора ясака, военного укрепления и административного центра, что отразилось на его развитии [Паликова, 2015: 19]. Немалую роль сыграло и расположение Верхнеудинска в составе большого Московского тракта, обеспечивающего внутреннюю торговлю.

Вместе с тем экономика Верхнеудинска, как и всего региона, была сильно зависима от торговли с Китаем и Монголией. Город, расположенный на пересечении основных водных и сухопутных магистралей Западного Забайкалья, являлся основным перевалочным и товарораспределительным центром на торговом пути во Внутреннюю Азию. Именно в Верхнеудинске осуществлялся контроль торговых операций с Китаем и Монголией и взимались пошлины [Балдано, 2018: 96]. Благодаря развитию торговли с Китаем в начале XIX в. увеличилось число предпринимателей. Если в начале века в городе насчитывалось всего 20 купцов, то в 1819 г. их было уже 65. В 1844 г. в городе проживало 69 гильдейских купцов. Постоянно увеличивалось количество торговых лавок. Если в середине 1820-х гг. их было 40, то к 1856 г. – 110 [Цыденова, 2019: 254].

Доминантой верхнеудинской торговли была знаменитая ярмарка, учрежденная в 1768 г. и проводившаяся два раза в год. На протяжении многих десятилетий она формировала торговую репутацию города как центра торговли, рассчитанной на внутренний рынок региона [Кальмина, Плеханова, 2016: 193]. Верхнеудинская ярмарка была эпицентром забайкальской торговли на всем протяжении XIX в., а сам город – одним из узловых межрегиональных

ярмарочных центров, связанных с общероссийскими ярмарками и местами пограничной торговли, вокруг которых выстраивались «ярмарочные цепочки» более мелких сезонных и специализированных ярмарок [Кальмина, 2015: 421]. Как отмечал Е.П. Силин, ярмарка являлась «регулятором цен не только для Забайкалья, но и для Иркутского района» [Силин, 1947: 164]. Ее посещало большое количество купцов не только из Сибири, но из Москвы, Нижнего Новгорода, Суздаля и других городов Российской империи. Для предпринимателей из центральной части России ярмарка была выгодна как место сбыта готовой промышленной продукции (металлические изделия, фабричный текстиль, хрусталь, зеркала, кожаные изделия и др.) и источник качественного и дешевого сырья (мясо, пушнина, мед, кожи, хлеб и др.) [Улан-Удэ – 350..., 2016, т. 1: 107–109]. Ко второй половине XIX в. определилась основная специализация Верхнеудинской ярмарки – продажа мануфактурных изделий московских производителей. В соответствии с циркуляром 1829 г. она входила в число «знатнейших», как ярмарка, чей оборот превышал 2 млн. руб., а в губернаторских отчетах стабильно фигурировала как «находящаяся в довольно порядочном состоянии». Обороты ярмарки, хотя и были нестабильны, тем не менее, согласно подсчетам чинов полиции, надзиравших за порядком на ярмарке, даже при существенных колебаниях составляли до 3 млн. руб. [Кальмина, 2015: 421–422].

Верхнеудинск являлся центром развитого в сельскохозяйственном отношении района, поставлявшего одну треть всех зерновых хлебов Забайкалья [Паликова, 2015: 21]. Около 93% горожан в регионе занимались земледелием, из них 40% проживало в Верхнеудинске и Селенгинске [Там же: 39].

Начиная с 40-х годов XIX столетия на приисках Верхнеудинского округа стала активно развиваться добыча золота. В начале 1860-х гг. здесь было добыто более 286 пудов драгоценного металла, в следующем десятилетии – более 384 пудов, что составляло около четверти всей золотодобычи Восточной Сибири [Улан-Удэ – 350..., 2016, т. 1: 116–118].

Примером населенного пункта Западного Забайкалья, зависимого от торговли с Китаем в наименьшей степени, был Баргузин. Основанный в качестве острога в 1648 г., Баргузин в отличие от Кяхты и Верхнеудинска находился вдали от крупных экономических центров и китайской границы. Основой благосостояния местных жителей и главными промыслами являлись разработка и добыча полезных ископаемых, рыбная ловля, заготовка пушнины. Подъем Баргузина в XIX в. был связан не с активизацией торговли с Китаем и Монголией, а с подъемом золотодобычи в регионе в 1840-е гг., когда начали разрабатываться первые прииски по системе рек Чикой, Цыпа и Цыпикан. При этом в Западном Забайкалье добыча драгоценного металла сформировалась как частное предприятие с привлечением вольнонаемной рабочей силы. Этим организация добычи золота в регионе выгодно отличалась от соседнего Восточного Забайкалья, где прииски принадлежали казенному ведомству и основывались на использовании каторжного труда заключенных. На пике добычи в 1862 г. в Баргузинском округе было добыто более 131 пуда драгоценного металла [Кальмина, Плеханова, 2015: 30]. Баргузин стал играть важную роль как база снабжения золотых приисков различными припасами и товарами, став одновременно и центром вербовки рабочей силы [Паликова, 2015: 26]. К 1878 г. в городе насчитывались две мелочные, две торговые лавки, два магазина мануфактурной торговли и оптовый склад [Там же: 105–106]. Жители Баргузина занимались извозом и вели торговый обмен с бурятскими улусами, поставляя охотничьи снасти и провизию. При этом Баргузин в своих торговых связях опирался не столько на города Западного Забайкалья, сколько на Иркутск. Продукцию своей рыбопромышленности местные жители возили в столицу Принагарья, где получали за нее муку [Кальмина, 1972: 115–116]. Добытое золото так же отправлялось в Иркутск, где с 1871 г. действовала собственная золотосплавочная лаборатория [Шахеров, 2018: 412]. Здесь поставщики сдавали золото, расчет с ними производился так называемыми ассигновками (документ для получения денег в банке). Затем драгоценный металл переплавляли в слитки и

отправляли на Монетный двор, расположенный в Петропавловской крепости Санкт-Петербурга [Дикун, 2018: 92].

Баргузин не остался в стороне от участия в магистральном направлении экономики Западного Забайкалья – торговле с Китаем. Баргузинские предприниматели реализовывали жителям округа закупленные ими в Верхнеудинске китайские товары. Намытые нелегальными старателями на приисках Баргузинской тайги сотни пудов драгоценного металла контрабандными тропами пересекали российско-китайскую границу [Кальмина, Плеханова, 2015: 30].

Таким образом, к середине XIX в. на территории Западного Забайкалья сложилась достаточно динамично развивающаяся экономическая система, основанная на транзитном обслуживании товарных потоков глобальной международной торговли и эксплуатации природных ресурсов. Дальнейшее развитие экономики подразумевало устойчивый рост торговых оборотов и числа предпринимателей, что было возможно при условии увеличения оборотных капиталов представителей бизнес-сообщества посредством их доступа к источникам стабильного кредитования. Однако, как будет показано ниже, сложившаяся система кредитования не могла в полной мере удовлетворить запросы торгово-промышленного сектора региона.

*Кредитные услуги в Западном Забайкалье
в последней четверти XVIII – первой половине XIX вв.*

В экономическом плане Западное Забайкалье было тесно встроено в финансовую систему Сибири, находясь под влиянием происходивших на ее территории процессов в ходе становления собственных кредитных организаций. Кредитная система Сибири, как и всей Российской империи, состояла из двух секторов – государственного и частного. Первые государственные финансовые учреждения, оказывающие кредитные услуги, на территории Сибири появились в последней четверти XVIII в. – после учреждения в 1772 г. в г. Ярославле

банковской конторы под управлением Государственного Ассигнационного банка (1768–1843 гг.). Согласно принятому законодательному акту предусматривалось создание подобных контор во всех местах, «где будет чувствоваться в них надобность» [ПСЗРИ, 1830, т. 19: 540–541]. Помимо размена денежной массы данные учреждения могли изымать поддельные и обменивать на медную монету ветхие банкноты [Там же: 541–542]. В 1776 г. была учреждена банковская контора в Тобольске с капиталом в один миллион рублей, а в 1779 г. – в Иркутске с полумиллионным капиталом [Толстой, 1848: 247]. Однако деятельность данных учреждений оказалась неудачной. У сибирских предпринимателей из-за отсутствия необходимого для получения ссуды обеспечения не было возможности брать кредиты в нужных размерах. Рассчитывая на большие объемы и высокую рентабельность бизнеса, связанного с покупкой-продажей пушнины, правительство империи не учло должным образом многие факторы, такие как трудность транспортного сообщения, неразвитость инфраструктуры и засилье меновой торговли. Как итог – обменные операции сибирских банковских контор были незначительны, а сами они убыточны для казны. Предоставленные капиталы использовались в ростовщических целях или заимствовались местными властями. В 1786 г. Иркутские губернские власти взяли займы в местной банковской конторе 69 тыс. руб. для пополнения продовольственных запасов Нерчинских заводов. Значительный объем медной монеты так и остался невостребованным [Шахеров, 2015: 682]. В результате в 1788 г. конторы в Иркутске и Тобольске были ликвидированы [Толстой, 1848: 247].

Кредитными функциями были наделены приказы общественного призрения (1775–1918 гг.), в ведении которых находились вопросы народного образования и здравоохранения, организация сиротских приютов и смиренных домов. В качестве обеспечения деятельности приказы получали капитал в размере 15 тыс. руб., кроме того они имели право принимать пожертвования от частных лиц. Из данных средств учреждения могли выдавать ссуды под залог объектов недвижимого имущества. Полученные доходы приказы расходовали на

обеспечение своей деятельности [Печерин, 1894: 19–20]. В 1802 г. Иркутским приказом было выдано 13 кредитов местным предпринимателям на общую сумму более 28 тыс. руб. [Гаврилова, Шахеров, 2019: 9]. В качестве обеспечения ссуд, наряду с закладными на дома, торговые и промышленные заведения, клиенты приказа использовали и ценные бумаги – акции Российско-Американской компании [Там же]. Однако сравнительно небольшой размер капитала, из которого выдавались ссуды, существенно ограничивал кредитную деятельность приказов. Стесняли их работу условия, по которым осуществлялось кредитование. Так, ссуды под залог недвижимого имущества выдавались лишь под объекты, которые находились в границах губернии [Печерин, 1894: 19–20]. Кроме того, не каждый клиент мог позволить себе залог своего недвижимого имущества.

Единственным банком общероссийского масштаба, чьи услуги были доступны сибирским клиентам, являлось отделение Государственного коммерческого банка (1818–1860 гг.), открывавшего свою деятельность на время проведения зимней Ирбитской ярмарки [ПСЗРИ, 1848, т. 22: 48]. Однако непродолжительный период действия отделения в течение года, а также дальний путь следования до его месторасположения делали его услуги недоступными для большинства предпринимателей, нуждающихся в круглогодичном кредитовании.

На территории Западного Забайкалья специализированные учреждения, кредитующие бизнес и население, отсутствовали вплоть до 1880-х гг. Долгие годы единственным региональным финансовым институтом, до открытия аналогичного учреждения в Кяхте в 1862 г. [ГАРБ, ф. 221, оп. 1, д. 9, л. 1], было Верхнеудинское уездное казначейство (1790–1920 гг.). Однако данный финансовый орган не оказывал населению кредитных или сберегательных услуг.

Уездные казначейства были созданы в 1775 г. в рамках реформы административно-территориального управления Российской империи [ПСЗРИ, 1830, т. 20: 229–304]. Согласно положениям данной реформы, в каждой губернии создавалась казенная палата [Там же: 232], в ведении которой находился широкий

круг финансовых и административно-хозяйственных функций: перепись податного населения, обработка данных о поступивших доходах и производимых расходах, проверка счетов, управление доходными статьями, заведование зданиями и публичными строениями, контроль за соблюдением закона при осуществлении сборов и их сохранностью [Там же: 240–241]. На местах функции приема и хранения налоговых поступлений возлагались казенными палатами на уездных казначеев [Там же: 241]. Согласно учетной книге Верхнеудинского уездного казначейства за 1790 г., учреждение принимало сборы от продажи гербовой бумаги [ГАРБ, ф. 221, оп. 1, д. 1, л. 1]. Уездные казначеи назначались на должность по представлению казенной палаты сроком на три года [ПСЗРИ, 1830, т. 20: 235]. В 1837 г. деятельность уездных казначейств стала регламентироваться специальной инструкцией [Там же: 1837, т. 12: 989–1001]. Согласно ее положениям, на казначейства возлагались обязанности по хранению всех существующих в уезде доходов и приему всех сборов (на земские повинности, на обеспечение народного продовольствия, в пользу Кабинета Его Императорского Величества, приказов общественного призрения, Военного министерства и т.д.). Кроме того, казначейства занимались продажей гербовой бумаги (в том числе и вексельной) и выдачей торговых свидетельств и паспортов. Так же уездные казначейства принимали на хранение средства, принадлежащие присутственным местам и должностным лицам. Как и ранее, уездные казначейства состояли в подчинении казенной палаты [Там же: 989–990].

В начале XIX столетия казначейская система империи была реформирована. 2 февраля 1821 г. был создан Департамент государственного казначейства при Министерстве финансов Российской империи. В обязанности Департамента входили прием, хранение и выдача государственных денежных средств. Во главе структуры департамента находилось Главное казначейство. В его подчинении находились губернские казначейства, в свою очередь подразделявшие на уездные отделения [Там же: т. 37: 593]. На уездные казначейства возлагались, как и ранее, обязанности по приему и хранению всех существующих в уезде доходов,

принадлежащих государственному казначейству, приему сборов на земские повинности, на обеспечение народного продовольствия, в пользу Кабинета Его Императорского Величества, приказов общественного призрения, Военного министерства и других мест. Уездные казначейства продолжали осуществлять прежний круг своих обязанностей. В хранилищах уездных казначейств находились средства, принадлежащие присутственным местам и должностным лицам. Различные платежи, производимые государственными учреждениями, также находились в ведении уездных казначейств. Все частные кредитные учреждения отправляли регулярные отчеты о своей деятельности в местные казначейские отделения [ГАРБ, ф. 282, оп. 1, д. 233, л. 2, 3, 4, 6 об].

Казначейские отделения, располагавшиеся на территории Западного Забайкалья, до 1851 г. находились в подчинении Иркутской казенной палаты. После образования в 1851 г. Забайкальской области региональные казначейства стали подотчетны Забайкальской казенной палате. Вплоть до 1860-х гг. в регионе казначейское отделение было только в Верхнеудинске, пока в 1862 г. не открыл свои действия Кяхтинский филиал [Там же: д. 9, л. 1].

Таким образом, уездные казначейства являлись налоговыми органами, в ведении которых находились прием и хранение государственных денежных средств. Кредитование торговли и промышленности или прием вкладов от частных лиц не входили в число их обязанностей.

Основу негосударственного кредитования в Сибири, как и по всей России, составляли частные ссуды. В качестве участников кредитных отношений выступали практически все слои населения – купцы, чиновники, дворяне, крестьяне и др. Например, в начале XIX столетия иркутский купец П. Солдатов взял кредит в размере 5 тыс. руб. у гражданского губернатора А. Толстых. Брели в долг крупные суммы, торговавшие в Иркутске, курский купец А. Полевой – 12 тыс. руб. у надворной советницы Штевенговой и сольвычегодский купец С. Пьянков – более 3 тыс. руб. у губернского секретаря Боброва [Шахеров, 2014: 677].

Подобным образом обстояли дела и в Западном Забайкалье. В 1847 г. кяхтинский предприниматель М.Ф. Немчинов начал собственное дело благодаря получению у местных купцов ссуды, которая позволила ему провести выгодные операции купли-продаж лекарственных растений. Его доход составил 2 тыс. руб. [Жиров, 1998: 318].

Зачастую кредит брался не в денежной форме, а в виде товаров, под расписку. Так, в ноябре 1866 г. енисейский купец И.М. Башуров «принял» из магазина томского торгового дома «Петров и Михайлов» разного товара на 3823 руб. серебром с отсрочкой платежа до 1 мая 1867 г. [Комлева, 2014: 92].

Среди представителей бизнес-сообщества кредитные отношения зачастую оформлялись путем устной договоренности, без юридического оформления документации. В случае нарушения должником условий кредитного соглашения с ним, как правило, полностью прекращались какие-либо деловые связи, что в итоге заканчивалось его разорением [Щеглова, 2002: 172]. Однако это не служило гарантией безопасности средств займодавца. В 1818 г. кяхтинские купцы 1-й гильдии Н.Т., П.Т., и Д.Т. Баснины, занимавшиеся обменом пушнины, отечественной и европейской мануфактуры на китайские товары стали жертвой мошеннических действий со стороны своего должника – московского купца И.И. Ливенцова. Взяв в кредит у Басниных крупную партию привезенного из Китая товара с целью реализации его на Нижегородской ярмарке, И.И. Ливенцов объявил себя банкротом. Для возврата долга братьям Басниным пришлось прибегать к помощи сибирского генерал-губернатора М.М. Сперанского [Комлева, 2018: 19–21].

В сельской местности частное кредитование также имело довольно широкое распространение. При этом зачастую ссуды выдавались и погашались не наличными деньгами, а различными вещами – зерном или скотом. Крестьяне Верхнеудинского округа в 1866 г. взяли в долг у состоятельного селянина Козозоева зерно на сумму 115 руб. В качестве обеспечения ссуды ими были предоставлены несколько голов скота. Для погашения взятой ссуды должники из

числа крестьянства могли взять обязательство оказать кредитору различные услуги или выполнить определенные работы. В 1867 г. жители Киренского округа крестьяне Тарасовы, взяв в долг у богатого крестьянина И. Барановского 150 пудов ржаной муки, обязались погасить его «зверенным промыслом» (охотой) в течение двух лет [Асалханов, 1963: 207–208].

Данная форма кредитования имела ряд существенных недостатков. В случае получения ссуды купцом, должник уплачивал кредитору солидные проценты – иногда до 30%. Помимо этого, для получения кредита требовалось наличие поручителей, количество которых четко не определялось. Оно зависело от суммы займа, социального положения заемщика, степени знакомства, а значит, доверия кредитора должнику и т. д. Если должник не погашал кредит с процентами в указанные в письменном обязательстве сроки, то кредитор получал долг с поручителей. Те, уплатив указанную сумму, самостоятельно разбирались с должником. К нему применялись различные меры воздействия, вплоть до обращения в суд [Муравьева, 2008: 61]. Зачастую кредитор, пользуясь своим положением, мог предоставить ссуду на достаточно тяжелых для должника условиях. Например, в сельской местности должники для уплаты долга кредитору были вынуждены отдавать свои земельные участки и дома [Асалханов, 1963: 208].

Таким образом, к середине XIX столетия на территории Западного Забайкалья частные ссуды являлись практически единственным источником кредитования для местного населения. Для дальнейшего развития экономики региона требовалось создание специализированного финансово-кредитного института. Четко прописанные процентные ставки, возможность получения ссуды в определенном размере и на необходимый срок, законодательно закрепленная в правилах учреждения, защита заемщика от произвола займодавца – все это мог обеспечить только банк. Однако все действия властей, направленные на исправление ситуации путем создания контор Ассигнационного банка и приказов общественного призрения, не увенчались успехом. Решением проблемы стала

инициатива местных предпринимателей в открытии специализированных кредитных организаций – городских общественных банков.

Городские общественные банки Российской империи. Попытка создания городского общественного банка в Кяхте

Настоящим прорывом в развитии частного сектора кредитования для российских предпринимателей стало появление городских общественных банков. История их появления берет свое начало со вступления в силу 21 апреля 1785 г. «Грамоты на права и выгоды городам Российской империи», более известной как Жалованная грамота городам [ПСЗРИ, 1830, т. 22: 358]. Согласно положениям данного документа, городские власти получили право «из остающихся от городского расхода денег завести банки на общих государственных установлениях, или же в заведенные публичные банки деньги свои отдавать для приращения» [Там же: 382]. Первым финансово-кредитным институтом подобного типа на территории Российской империи стал открывшийся в 1790 г. Первый общественный заемный банк в г. Вологде. Капитал учреждения был сформирован из добровольных пожертвований купцов, мещан и ремесленников. Всего было собрано 2263 руб. Банк имел своей целью кредитование небольшими ссудами мелких купцов, мещан и цеховых работников. Впоследствии на прибыль, получаемую банком, содержались две богадельни [Печерин, 1894: 45–46].

Следующим учреждением подобного типа стал городской общественный банк, открывшийся в 1811 г. в г. Слободской Вятской губернии на деньги первостатейного купца К.А. Анфилатова. Капитал учреждения составил более 28 тыс. руб., из которых 25 тыс. руб. были безвозмездно пожертвованы К.А. Анфилатовым. Уже к 1833 г. благодаря успешной работе банка капитал вырос до 131 тыс. руб. [Там же: 48]. Круг операций, осуществляемых учреждением, был весьма разнообразен: прием вкладов, выдача ссуд под залог недвижимого имущества, ценных вещей, процентных бумаг, учет векселей. Полученная прибыль должна была направляться на устройство фабрик, школ, больниц, а

также на цели благотворительности [ПСЗРИ, 1830, т. 30: 1234–1240]. В 1827 г. банк стал первым учреждением подобного рода, сумевшим распространить свою деятельность за пределы города – на всю территорию Вятской губернии [Печерин, 1894: 49]. Банк Анфилатова благодаря эффективной организации работы и успехам в делах стал образцом для других городских общественных банков. Устав этого учреждения лег в основу законодательства империи, оказав большое влияние на организацию других городских банков [Судейкин, 1884: 19].

В первой половине XIX в. на территории Российской империи помимо банков Анфилатова и Вологодского было открыто 15 городских общественных банков [Ососов, 1872: 60], которые, обеспечивая кредитование торговли и промышленности на местах, сыграли заметную роль в экономике страны. Немаловажным обстоятельством успешной деятельности данных банков было то, что управлялись они местными жителями – купцами, промышленниками и городскими обывателями, то есть лицами, понимающими потребности своего края в тех или иных видах финансовой помощи.

Образуемые в России в первой половине XIX в. городские банки условно можно разделить на три группы. Согласно классификации, предложенной В.Я. Ососовым, первую группу составляли учреждения, созданные на средства городского капитала. Примером служит Архангельский городской банк, открывшийся в 1847 г. Вторую группу составляли учреждения, чей уставной капитал был сформирован из средств, собранных на иные, отличные от кредитования, цели. Таким учреждением был городской банк, основанный в 1843 г. в г. Томске на средства (85 тыс. руб.), завещанные купцом 1-й гильдии А.Я. Поповым для создания института воспитания девиц. Третьим видом кредитных организаций, согласно классификации В.Я. Ососова, были банки, основанные на частных средствах. Зачастую данные учреждения создавались с целью содержания на полученный доход определенного благотворительного заведения, как правило, сиротского приюта или богадельни [Там же]. В числе таких учреждений должен

был оказаться и первый на территории Западного Забайкалья городской общественный банк – Кяхтинский.

По поводу обстоятельств создания и лиц, инициировавших и участвовавших в организации городского общественного банка в Кяхте, в литературе имеются различные мнения. Так, согласно данным Национального банка Республики Бурятия «в Кяхте в 1844 году на деньги купца 1-й гильдии Я.А. Немчинова был открыт банк для «вспомоществования малокапитальному купечеству в торговых делах» [Электронный ресурс: URL: https://cbr.ru/about_br/publ/vestnik/year/2008/a]. Однако в ходе работы с документами Полного собрания законов Российской империи за 1844 г. никаких упоминаний о Я.А. Немчинове и создании им банка в Кяхте обнаружено не было. На основании указанных материалов было установлено, что летом 1844 г. прошение об основании городского общественного банка кяхтинскими купцами было направлено в адрес Комитета министров Российской империи, но роль Я.А. Немчинова в отправлении этого прошения никак не прослеживается. Несомненно, что Я.А. Немчинов будучи очень состоятельным и деятельным купцом прилагал все старания для развития бизнес-активности в среде сибирских предпринимателей. С этой целью он действительно открыл банк, но не в Кяхте, а в своем родном городе – Таре в 1875 г. [Электронный ресурс: URL: https://cbr.ru/about_br/publ/vestnik/year/2008/]. В Троицкосавске-Кяхте на его средства была открыта в 1885 г. сиропитательная ремесленная школа. Кроме немалой суммы в размере 50 тыс. руб. Немчиновым было пожертвовано в пользу школы принадлежавшее ему двухэтажное каменное здание [Восточное обозрение, 1885: № 47: 4].

Кто же стоял у истоков создания банка в Кяхте и в чем заключалось предложение кяхтинских купцов? Согласно их проекту, планировалось создание в близлежащем со слободой г. Троицкосавске богадельни и организация при ней на территории Кяхты банка. На доход от банковской деятельности предполагалось содержание богадельни. В качестве уставного капитала кяхтинские купцы смогли собрать значительную сумму – 25 тыс. руб. Особенно заметную роль в деле

организации банка сыграл купец I гильдии А.И. Котельников, который обязался единолично выстроить на свои средства здание для размещения в нем богадельни. Для этого им был разработан проект здания и выделено на строительные работы 13 тыс. руб. [ПСЗРИ, 1845, т. 19: 461–463]

В качестве наглядного примера в деле создания собственной кредитной организации кяхтинские предприниматели использовали успешный опыт своих иркутских коллег, создавших в своем городе банк еще в 1836 г. Банк при сиропитательном заведении имени Елизаветы Медведниковой был открыт на пожертвованный братьями Иваном и Логином Медведниковыми капитал с целью выполнения воли покойной матери и увековечивания в памяти населения города ее имени. Всего ими было выделено 70 тыс. руб. из 80 тыс. собранных средств [ПСЗРИ, 1837, т. 11: 740–741]. Банк стал первым частным финансово-кредитным институтом в азиатской части Российской империи.

Купцы Медведниковы, активно участвовавшие в кяхтинской торговле чаем, познакомили местных предпринимателей с опытом организации кредитного дела. Иркутский банк не относился к городским банкам, а считался частным [ПСЗРИ, 1857, т. 12, ч. 2: 4], сосредоточенным исключительно на ведении дел сиротского приюта. Прибыль, получаемая учреждением, полностью оставалась в его распоряжении, что вызывало недовольство муниципальных властей. Руководство банка неоднократно подчеркивало, что их учреждение не является городским общественным банком [Плотникова, 2019: 124–126]. Столь выгодный статус данного финансово-кредитного института, несомненно, вызывал большой интерес со стороны кяхтинских предпринимателей, способствуя активизации их инициативы в деле создания собственного банка. Для достижения успеха своего предприятия купцы Кяхты решили заручиться поддержкой члена Правительствующего сената И.Н. Толстого, производившего в 1843–1846 гг. ревизионную проверку в Восточной Сибири [Матханова, 2019: 57]. Проект заинтересовал И.Н. Толстого. Более того, отмечая единодушие, с которым местное купечество выступило за идею создания богадельни и банка, он

предложил начать реализацию проекта как можно раньше. По мнению сенатора, столь положительное начинание купцов не должно было остаться без поощрения, в связи с чем он ходатайствовал о награждении А.И. Котельникова золотой медалью для ношения на Аннинской ленте, а всему кяхтинскому купечеству просил Императорское Величество выразить монаршее благоволение. Николай I благожелательно отнесся к идее создания Кяхтинского городского общественного банка. Монарх повелел купцам составить проект положения о богадельне и банке, А.И. Котельникову дозволил приступить к строительству здания богадельни (с награждением по завершению строительства). Кяхтинскому купеческому сообществу было выражено Монаршее Его Императорского Величества благоволение [ПСЗРИ, 1845, т. 19: 462–463].

Однако банк в Кяхте, по всей видимости, так и не был создан, виной чему послужило стихийное бедствие. Пожар, случившийся 27–29 апреля 1845 г. – на следующий год после получения императорского дозволения, почти полностью стер с лица земли Кяхтинскую слободу и г. Троицкосавск. Сгорели более ста жилых домов. В огне погибли здания таможни, полиции, ратуши, гостиных рядов и др. Общий ущерб составил огромную сумму в 1 млн. 143 тыс. руб. серебром. В качестве помощи пострадавшим торгующие в Кяхте иногородние предприниматели и местные купцы собрали 27 тыс. руб. Кроме того, представители бизнес-сообщества выделили средства на покупку 5 тыс. пудов хлеба. Местные чиновники помимо предоставленных пострадавшим одежды и продовольствия собрали в их пользу 1400 руб. [Журнал МВД, 1845, ч. 11: 119–121] Правительство империи, понимая сложность ситуации, освободило пострадавших от пожара купцов от уплаты пошлин за занятие торговлей в пределах Верхнеудинского округа сроком на три года. Кроме того, им было позволено вести мелочную торговлю в Кяхте на сумму, не превышающую размер капитала купца 3-й гильдии [ПСЗРИ, 1846, т. 20: 111], то есть около 8 тыс. руб. [Иванов, 2017: 69]. Ввиду огромных финансовых потерь кяхтинское купечество, вероятно, решило отложить идею об организации столь затратных заведений как

богадельня и банк до лучших времен. К сожалению, достоверная информация относительно того, был ли реализован проект по созданию городского общественного банка в Кяхте, отсутствует. Сомнение в его реализации усугубляет тот факт, что в списке потерь от огня указана городская ратуша, где предположительно хранился собранный для устройства банка капитал. В архивных фондохранилищах каких-либо упоминаний о судьбе Кяхтинского городского общественного банка также не было обнаружено.

Согласно имеющимся данным, богадельня в Кяхте все-таки была организована. Располагалась она в каменном здании, построенном, как и задумывалось первоначально, А.К. Котельниковым на собственные средства. Богадельня содержалась на ежегодно выделяемую городом субсидию в размере 300 руб., а также на кружечные сборы, частные пожертвования и «проценты с капитала» [Тригуб, 2008: 41]. К сожалению, происхождение данного капитала не установлено. Предположительно, данные средства могли быть сформированы аналогично схеме, предложенной для хранения уставного капитала Кяхтинского городского банка. Так, согласно условиям хранения, капитал создаваемого учреждения был помещен под надзор городской ратуши, которая имела право совершать с ним финансовые операции, направленные на его сохранение и приумножение, согласно собственному разумению [ПСЗРИ, 1845, т. 19: 462]. Таким размещением капитала, помимо открытия кредитной организации, могла стать покупка приносящих дивиденды ценных бумаг. Так, лечение бедных больных в Верхнеудинской городской больнице производилось за счет процентных платежей, полученных с капитала, завещанного в виде 101 акции Гостиного двора городу почетным гражданином А.М. Курбатовым [Тригуб, 2008: 42–43].

Таким образом, в первой половине XIX столетия банковская система Западного Забайкалья, как, впрочем и всей Сибири, была неразвита. Помимо учреждений в Томске и Иркутске иных кредитных организаций в регионе не имелось.

*Становление финансово-кредитных институтов в Западном Забайкалье:
причины неудач*

Почему на территории Западного Забайкалья банковская деятельность была не развита? Объяснением этому служит целый ряд причин.

Во-первых, во всей России и даже в ее европейской части формирование банковской системы стартовало сравнительно поздно и шло с затруднениями. В Западной Европе первые частные банки появились на территории Италии уже в X–XI вв. [Муравьева, 2015: 60]. Здесь же, на Аппенинском полуострове, появилась и первая государственная кредитная организация – в 1157 г. открыл свои действия Венецианский банк [Gilbart, 1834: 9]. Для сравнения, в России первое ссудное учреждение под названием Земская изба появилось лишь в XVII столетии. Данное учреждение действовало в г. Пскове всего один год – с 1665 по 1666 гг. [Иконников, 1883: 54–55]. Россия отставала и от Китая, где первые банковские конторы открыли свои действия еще в VII в. Так называемые «шаньсийские» банки (от названия провинции – Шаньси) проводили такие финансовые операции, как выпуск и учет векселей (чеков), проведение платежей, перевозка денежных средств и ценностей. В 970 г. в г. Кай-фын-фу (столица Китая на тот момент) под покровительством правительства был открыт первый учетно-депозитный банк [Авенариус, 1926: 80].

Банковская система в России, функционирующая на регулярной основе, стала оформляться только в XVIII в. – в ходе реформ Петра I. Первый российский банк со времен Земской избы – Монетная контора – начал свои действия в 1733 г. Ввиду ограничения круга клиентов лицами дворянского сословия его услуги были доступны крайне незначительной части населения страны. Первым финансово-кредитным институтом Российской империи, доступным не только дворянам, стал, открывший свои действия в 1754 г., Государственный заемный банк, состоящий из двух подразделений: Банк для дворянства при Сенате и Сенатской конторе с отделениями в Петербурге и Москве (Дворянский заемный банк) и Банк для попечения при Санкт-Петербургском порте коммерции (Купеческий

заемный банк) [Толстой, 1848: 233–234]. Для большинства населения России кредитные услуги по-настоящему доступными стали лишь в XIX в., когда окончательно сформировалась отечественная банковская система. Первым российским банком, чья деятельность охватила большую часть страны, стал открывший свои действия 1 января 1818 г. Государственный коммерческий банк. Целью создания данного учреждения декларировалась поддержка российского предпринимательства: «желая открыть купечеству вящие способы к облегчению и расширению оборотов» [ПСЗРИ, 1830, т. 34: 263]. Банк имел достаточно широкую сеть филиалов, к 1852 г. их было открыто 12: в Санкт-Петербурге, Москве, Киеве, Астрахани, Харькове, Рыбинске, Нижнем Новгороде, Полтаве, Ирбите, Екатеринбурге, Риге и Одессе [Гурьев, 1904: 13, 15, 35]. При этом необходимо подчеркнуть тот факт, что доступность услуг населению была крайне неравномерной. Единственным отделением Государственного коммерческого банка на всем пространстве Сибири и Дальнего Востока был филиал, работавший только во время проведения ежегодной ярмарки в Ирбите [Ильина, 2019: 86]. Что же стало причиной сложившейся ситуации? Ответ на этот вопрос составляет основу второй причины позднего появления банков на территории Сибири в целом и Западного Забайкалья в частности.

С момента формирования банковская система Российской империи, в отличие от стран Западной Европы, являлась государственным, а не частным проектом. Практически все финансово-кредитные институты создавались исключительно в интересах государства. Примером подобного рода может служить Государственный ассигнационный банк (1768–1843 гг.), занимавшийся денежной эмиссией путем внедрения наряду с медной монетой бумажных банкнот. При официально декларируемой задаче в виде облегчения денежного обращения внутри России банк в реальности имел совершенно иную цель – покрытие расходов, вызванных войной с Турцией (1768–1774 гг.) [Мигулин, 1899: 16–17].

Власти страны в вопросах создания кредитных организаций в первую очередь ориентировались на поддержку главной своей опоры – дворянского сословия. Учрежденная при Воспитательных домах в Санкт-Петербурге и Москве в 1772 г. Сохранная казна, приказы общественного призрения (1775 г.), Государственный заемный банк (1786 г.), Вспомогательный для дворянства банк (1792 г.) имели перед собой задачу кредитования, прежде всего, правящего сословия империи [Гурьев, 1904: 7–9].

Осознавая важность обеспечения торгово-промышленного сектора капиталами, руководство империи зачастую не совсем понимало его потребности. Например, созданные в 1797 г. при Ассигнационном банке Учетные и Эсконтные конторы должны были содействовать российским купцам и промышленникам путем внедрения операций по учету векселей и выдаче ссуд. Однако клиентов данных контор не удовлетворяли условия предоставляемых услуг. Ссуды под товары выдавались небольшие и на короткий срок. Вызывало трудности и условие об обязательном страховании товаров. К тому же перечень товаров, подлежащих приемке, был весьма невелик. В силу нехватки капитала кредитовались лишь наиболее известные, влиятельные купцы и торговые дома. Основная масса нуждавшихся в финансовой поддержке купцов не имела доступа в конторы. К тому же вексельное обращение в России было не очень распространенным явлением [Муравьева, 2011: 74–75]. Выходом из сложившейся ситуации могла бы стать инициатива на местах – учреждение частных банков. Но правительство Российской империи достаточно жестко контролировало финансовый сектор страны. За почти четверть века царствования императора Александра I было открыто всего три частных финансово-кредитных института: два городских общественных – Слободской (1811 г.) и в Осташкове (1818 г.) и один сельский – в селе Любучи (1817 г.) [Печерин, 1894: 48–55]. Подобная политика продолжилась в дальнейшем. За время руководства Министерством финансов Е.Ф. Канкрин с 1823 по 1844 гг. на территории Российской империи было учреждено всего четыре частных банка [Грузицкий, 2002: 58–59]. Таким

образом, общая неразвитость частной инициативы в деле создания кредитных организаций и зачастую излишний контроль со стороны государства оказали заметное влияние на темпы развития банковской системы России, в том числе Западного Забайкалья.

Третья причина заключалась, как это ни странно, в особенностях ведения бизнеса с Китаем. Основной формой ведения торговли в Кяхте между российскими и китайскими купцами была меновая торговля. Процедура выглядела следующим образом: китайский купец обычно сам отправлялся в Кяхту на особый – меновой двор, где были выложены образцы имеющихся товаров. После выбора приглянувшегося товара купец шел к его владельцу и договаривался о цене. После этого покупатель и продавец шли на склад, упаковывали отобранный товар и вместе отправлялись в Маймайчен, где уже русский купец выбирал нужный ему товар [Попова, 2013: 33]. Продавать китайцам товары за наличные деньги было запрещено законом [ПСЗРИ, 1830, т. 26: 75]. Данная мера была вызвана стремлением правительства Российской империи поддержать курс ассигнаций и не допустить утечку драгоценных металлов в Китай. Данный закон действовал до 1855 г. [Коваль, 2013: 24].

Российской стороной были предприняты попытки внедрить вексельное обращение. В 1746 г. селенгинский комендант обратился к маймаченскому дзаргучею (чиновнику) с просьбой взыскать с китайских торговцев за взятые по вексялям у русских купцов товары на сумму более 20 тыс. руб. [Силин, 1947: 63] Однако долговые документы и вексельный расчет не получили у китайцев широкого распространения. Стоит отметить, что вообще какие-либо долговые расписки иностранным торговцам китайские купцы давали весьма неохотно [Попов, 2010: 43].

Таким образом, появлению в Западном Забайкалье собственной кредитной организации длительное время препятствовал ряд серьезных обстоятельств. Общая неразвитость банковской системы страны, законодательные ограничения на ведение с иностранными купцами наличного расчета, меновой характер

торговли и отсутствие развитого вексельного оборота – все это тормозило процесс формирования сети финансово-кредитных институтов в Западном Забайкалье. Создание городского общественного банка в Кяхте могло начать эту историю, однако помешали форс-мажорные обстоятельства.

Подводя итог исследованию первого этапа в истории становления банковского дела в Западном Забайкалье необходимо выделить следующие моменты:

1. К середине XIX в. банковская система Западного Забайкалья находилась в архаичном состоянии. Единственным видом кредитования оставались частные ссуды, зачастую оформлявшиеся на достаточно тяжелых для заемщика условиях. Ссуды выдавались даже не наличными деньгами, а товарами или вещами. Единственным официальным учреждением, имевшим отношение к финансам, было открывшее свои действия в 1790 г. Верхнеудинское уездное казначейство, являвшееся налоговым органом.

2. Незрелость кредитных отношений сильно тормозила развитие деловой активности местных предпринимателей, которым требовались капиталы для расширения своего дела. На фоне расцвета торговых отношений с Китаем в первой половине XIX в. и постоянного роста оборотов вопрос о необходимости организации на территории региона собственного банка становился все более актуальным. При этом действия властей, направленные на решение указанной проблемы, не были эффективными. Как результат – представители регионального бизнес-сообщества стали предпринимать самостоятельные усилия с целью создания финансово-кредитного института. Главную роль в данном процессе в первой половине XIX столетия играло кяхтинское купечество как наиболее заинтересованное в появлении на территории Западного Забайкалья своего банка. И хотя попытка предпринимателей открыть городской банк в Кяхте не увенчалась успехом, она стала важной вехой в деле создания региональной сети кредитных организаций. Деятельность кяхтинского купечества легла в основу одной из главных отличительных особенностей процесса формирования банковской

системы в Западном Забайкалье, которая заключалась в том, что ведущая роль в деле создания финансово-кредитных институтов принадлежала не официальным властям, а частным лицам.

3. Становление и развитие кредитных отношений в Западном Забайкалье находилось под сильным влиянием геополитических условий, продиктованных особым интересом России в развитии отношений с Китаем. В процессе становления русско-китайской торговли сформировалась модель экономического развития Западного Забайкалья, специализирующаяся на обслуживании транзитной торговли Китая с европейскими странами. Преследуя цели сохранения выгодного для экономики страны торгового баланса, российское правительство пошло на введение ограничительных мер в отношении коммерческих операций с Китаем. Запрет на ведение наличного расчета при сделках с китайскими купцами и меновой характер взаимной торговли в итоге сильно затормозили развитие кредитных организаций в Западном Забайкалье. В дальнейшем роль геополитических интересов России в отношении Китая будет все сильнее влиять на процесс становления банковского дела в регионе.

1.2. Влияние финансовой реформы Александра II на образование кредитных организаций в регионе в 1860–1880-е гг.

Финансовая реформа (1860-1864 гг.) Александра II: начало нового этапа в развитии банковской системы Российской империи. Изменения в экономике Западного Забайкалья под влиянием внешнеполитических событий и активизации дальневосточной политики Российской империи

Финансовая реформа Александра II полностью перестроила банковскую систему Российской империи. Ее отправной точкой стало вступление в силу 31 мая 1860 г. Указа об учреждении Государственного банка Российской империи – главного и самого крупного банка державы, основная задача которого состояла в регулировании денежного обращения в стране [ПСЗРИ, 1862, т. 35: 644–659]. Развернув деятельность, Государственный банк начал активно расширять сеть своих филиалов на всей территории Российской империи. Уже к 1870 г. их насчитывалось 41 [Муравьева, 2013: 71].

Благодаря реформе началось стремительное развитие частного кредитования, стали создаваться такие финансовые учреждения, как общества взаимного кредита (ОВК) и акционерные коммерческие банки. Первое ОVK было открыто в 1863 г. в Санкт-Петербурге [ПСЗРИ, 1866, т. 38: 323], а к 1871 г. их число составило уже 19 [Грузицкий, 2002: 67]. Первым акционерным коммерческим банком, открывшимся в 1864 г., стал Санкт-Петербургский частный коммерческий банк [ПСЗРИ, 1867, т. 39: 664]. В 1871 г. в России было уже 12 акционерных коммерческих банков [Левин, 1917: 193].

С введением в феврале 1862 г. на территории империи нового Положения о городских банках дополнительный импульс в своем развитии получили городские общественные банки [ПСЗРИ, 1865, т. 37: 111]. С 1869 по 1873 гг. произошел настоящий прорыв в открытии новых банков – было учреждено 33 новые кредитные организации [Грузицкий, 2003: 63]. Однако Западное Забайкалье осталось в стороне от этого бума.

В середине XIX столетия стартовали процессы кардинальной перестройки всей экономики Западного Забайкалья, вызванные внешнеполитическими событиями в Азиатско-Тихоокеанском регионе. В результате поражения Маньчжурской империи в Первой Опиумной войне 1840–1842 гг. китайская сторона была вынуждена заключить 26 июня 1842 г. в Гонконге мир с Англией. Помимо огромной контрибуции в размере 6 млн. долларов правительство Китая открывало для свободной торговли с англичанами пять крупных портов – Кантон, Амой, Фучжоу, Нинбо и Шанхай [Treaties, &c., between..., 1908: 7–12]. Это обстоятельство имело крайне негативные последствия для русско-китайской торговли, поскольку благодаря дешевой и быстрой транспортировке товаров морским путем резко снижались цены на чай, составлявшем основу кяхтинской торговли. Кроме того, Англия являлась прямым конкурентом России на китайском рынке сбыта текстильной продукции. Если в 1827–1829 гг. ею совместно с США было ввезено в Китай 20 тыс. рулонов хлопчатобумажных тканей, то уже в 1844 г. эта цифра превысила 2 млн. единиц товара, что обрушило цены на рынке [Краткий очерк..., 1896: 51–52].

С целью нивелирования потерь в русско-китайской торговле правительство России приняло ряд мер, направленных в первую очередь на поддержку Кяхты. С 1 августа 1855 г. были разрешены расчеты с китайскими купцами золотой монетой, а также вывоз изделий из драгоценных металлов [ПСЗРИ, 1856, т. 30: 528–529]. Данная мера была вызвана общей невыгодностью меновой торговли с Китаем для российских купцов, поскольку китайская сторона манипулировала ценами на чай и занижала стоимость российских товаров. Меновой характер русско-китайской торговли негативно влиял на дела русских купцов, снижая объемы их оборотного капитала и препятствуя расширению операций [Кальмина, Курас, 2019: 122]. Разрешение расчета с китайскими купцами наличными деньгами было продиктовано прогнозированием неизбежного роста цен на драгоценные металлы в Китае в связи с уплатой огромной контрибуции Англии и

Франции и, как следствие, изъятием из экономики страны большого количества ликвидной валюты.

Следующие шаги по сохранению и развитию русско-китайской торговли через Кяхту были приняты российским правительством в 60-е гг. XIX столетия. Данные меры были вызваны, как и ранее, событиями в Китае – Второй Опиумной войной 1856–1860 гг. Потерпевшая поражение Маньчжурская империя по условиям мирного соглашения, заключенного в Пекине, выплачивала англо-французскому альянсу еще 8 млн. таэлей серебром. Кроме того, расширялись торговые привилегии указанных стран, оккупировалась часть территории Китая [Treaties, &c., between..., 1908: 48–53]. Российское правительство достаточно грамотно распорядилось представившейся ему возможностью пересмотреть в свою пользу условия торговли и правового статуса ряда областей в Приамурье. Генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев смог заключить с Китаем 16 мая 1858 г. Айгунский договор, согласно которому Россия получала в свое владение левое побережье реки Амур от реки Аргуни до устья. Уссурийский край от впадения реки Уссури в Амур до моря оставался в общем владении впредь до определения границы [Сборник договоров..., 1889: 110–112].

Российская сторона не остановилась на достигнутом и уже 1 июня 1858 г. российский посланник Е.В. Путятин в ходе переговоров с китайскими сановниками Гуй-ляном и Хуашаном смог заключить выгодный для России трактат в Тяньцзине. По условиям соглашения Россия и Китай подтверждали мир и дружбу, взаимно гарантируя безопасность и неприкосновенность собственности русских, живущих в Китае, и китайцев, находящихся в России. Разрешалась торговля России не только сухопутным путем, но и морским, для чего Россия получала доступ в ряд китайских портов – Шанхай, Нин-бо, Фу-чжоу-фу, Сямынь, Гуаньдун, Тайвань-фу, Цунь-чжоу. Сухопутная торговля разрешалась без каких-либо ограничений относительно числа лиц, в ней участвующих, количества привозимых товаров или употребляемого капитала. Русские подданные получали в Китае право консульской юрисдикции и

экстерриториальности [Там же: 122–130]. Положения Айгунского и Тяньцзиньского трактатов были подтверждены новым соглашением, заключенным между Российской и Маньчжурской империями в 1860 г. в Пекине. Данный документ стал результатом дипломатической победы российских дипломатов во главе с Н.П. Игнатьевым, активно участвовавших в качестве посредников в заключении перемирия, а затем и мира между Китаем и англо-французским альянсом в 1860 г. [Нарочницкий, 1973: 99–102]. Благодаря этому 2 ноября 1860 г. между Россией и Китаем в Пекине был заключен договор о демаркации границ и взаимной торговле. Согласно положениям договора, за Россией были окончательно закреплены территории Приамурья и Уссурийский край. На протяжении всей российско-китайской границы устанавливался режим беспошлинной торговли, для ведения которой открывались новые области, в частности, Кашгар [Сборник договоров..., 1889: 159–172]. Данные соглашения стали основой для дальнейшего развития дальневосточного вектора политики Российской империи, а именно – укрепления позиций страны в Азиатско-Тихоокеанском регионе. В ходе реализации этой политики становилась неизбежной и активная интеграция Западного Забайкалья в общеимперское экономическое пространство.

В рамках расширения торговых отношений с Китаем в марте 1861 г. правительство Российской империи дало разрешение на ввоз чая через западную границу Российской империи, что аннулировало монопольное положение Кяхты в чаеоторговле. Однако руководство империи позаботилось о сохранении торгового пути в Китай через Западное Забайкалье, утвердив для кяхтинского направления более выгодные, низкие налоговые тарифы. Фунт цветочного зеленого, черного и желтого чая, провозимый через западные рубежи державы, облагался налогом в размере 60 коп., для Кяхты тариф составил 40 коп. [ПСЗРИ, 1863, т. 36: 519].

В июле 1861 г. таможня из Кяхты была переведена в Иркутск [Там же: 183], что приобрело особое значение после заключения между Российской и Маньчжурской империями торгового соглашения в 1862 г. По условиям договора

вводился взаимный режим беспошлинной торговли в 50-километровой приграничной зоне. Для российских предпринимателей данный режим был расширен на всю территорию Монголии. На русские товары вводились пониженные пошлины. Пятая часть российских товаров, направлявшихся в Тяньцзинь, могла быть продана в розницу в Калгане, при этом пошлина составляла лишь 1/3 от общего тарифа для иностранной продукции. В Тяньцзине продукция российского экспорта облагалась пошлиной на 1/3 меньше установленной для всех иных держав. Особенно важным для кяхтинской торговли стало условие, согласно которому за вывозимые сухопутным путем китайские товары российские купцы уплачивали лишь вывозную пошлину и освобождались от транзитной. В случае вывоза товаров через Калган китайские товары облагались лишь половинной пошлиной, полностью освобождаясь от уплаты транзитной [Сборник договоров..., 1889: 192–195].

В 1864 г. была проложена телеграфная линия от Казани до Иркутска, продолженная затем до Верхнеудинска и далее до Кяхты [Санжиева, 2009: 19]. Телеграф ускорил информационную связь Западного Забайкалья с европейской частью России и остальным миром. Особенно важным появление телеграфной связи стало для предпринимателей региона. Например, купцы из села Кабанск самостоятельно подали прошение начальнику Забайкальского почтово-телеграфного округа о строительстве линии Кабанск – Тимлюй. Для строительства телеграфа Прибайкальское лесничество предложило поставить телеграфные столбы за свой счет [Санжиева, 2016: 184].

Организация ссудной кассы при Верхнеудинской городской управе (1872 г.)

Попытки создания городского банка в Верхнеудинске в 1870-е гг.: причины неудач

Казалось бы, наличие подобных благоприятных условий, особенно разрешение ведения расчетов с китайскими торговыми партнерами наличными деньгами, установление выгодного налогового тарифа и беспошлинной торговли с Китаем, появление быстрой связи с остальным миром предполагало и

существенные подвижки в развитии банковской системы в Западном Забайкалье. К тому же благодаря финансовой реформе достаточно ощутимо упростилась процедура создания кредитных организаций, что привело к росту их числа по всей стране. Одних только новых городских банков с 1862 по 1872 гг. было открыто около 180 [Грузицкий, 2002: 59].

Кроме того, в начале 1870-х гг. верхнеудинские городские власти достаточно неожиданно смогли получить возможность приобрести практический опыт в области создания и ведения дел кредитной организации. В 1872 г., согласно условиям завещания местного купца 1-й гильдии А.М. Курбатова, в распоряжение городской управы поступили права на получение арендных платежей с 1/5 части верхнеудинского Гостиного двора. По воле А.М. Курбатова, владевшего указанной недвижимостью, предусматривалось «употребление капитала, образовавшегося от ежегодных доходов с этих частей и процентов в целях обеспечить возможность бедным и среднего достатка мещанам г. Верхнеудинска свободный и дешевый кредит» [ГАРБ, ф. 10, оп. 1, д. 964, л. 1]. Выполняя волю покойного, верхнеудинские городские власти на завещанные им средства создали ссудную кассу (см. прил. 1).

Согласно условиям, ссуду могли получить лица мещанского сословия, проживающие в г. Верхнеудинске. Размер ссуды варьировался от 5 до 300 руб. под 6% годовых. Погашение кредита предусматривалось в течение четырех лет, по 1/4 части ежегодно [Там же: л. 9].

Ссудная касса при Верхнеудинской городской управе действовала достаточно успешно. Ежегодный доход колебался от 190 до 350 руб. и употреблялся в основном в целях благотворительности. Ежегодно только на содержание в больницах неимущих лиц мещанского сословия тратилось от 178 до 400 руб. [Там же: л. 2].

Несмотря на успешную деятельность, ссудная касса при Верхнеудинской городской управе, учитывая условия кредитования и размер процентных платежей, являлась скорее учреждением благотворительным, а не кредитным.

Незначительный размер ссуд, выдаваемых кассой, не привлекал местных предпринимателей. Представителям торгово-промышленных кругов региона требовались услуги намного более серьезного кредитного заведения, которым, по мысли властей г. Верхнеудинска, мог стать городской общественный банк.

Первое после 1844 г. прошение о разрешении учреждения банка в Верхнеудинске поступило в Министерство финансов Российской империи еще в 1872 г. [ГАРБ, ф. 10, оп. 1, д. 352, л. 2 об]. Однако просьба верхнеудинских городских властей была отклонена. Затем последовал достаточно длительный перерыв в попытках городских властей получить разрешение Министерства финансов. Вероятно, в данный период члены городской думы на примере работы ссудной кассы смогли наглядно убедиться в необходимости учреждения собственного банка. Следующее прошение, поданное городской думой Верхнеудинска в 1878 г., также получило отказ [Кальмина, 2017: 79–80]. В итоге открытие первого банка на территории Западного Забайкалья произошло лишь в 1882 г. Для сравнения: в соседнем Иркутске к тому времени помимо банка при сиропитательном доме Е.М. Медведниковой уже работало отделение Государственного банка, открывшееся в 1865 г., а в 1873 г. начал свою работу филиал Сибирского торгового банка – один из наиболее влиятельных и крупных коммерческих банков Российской империи [Иркутские губернские..., 1873: № 30: 3]. Отсутствие собственного финансово-кредитного института в Западном Забайкалье негативно влияло на деловую активность местных промышленников и предпринимателей, вынужденных прибегать к услугам банков, находившихся в других городах, что из-за больших расстояний значительно усложняло и удорожало ведение их бизнеса. Даже средства Верхнеудинского городского капитала хранились в иркутских кредитных организациях – банке при сиропитательном доме Е. Медведниковой [ГАРБ, ф. 10, оп. 1, д. 108, л. 2] и отделении Государственного банка [Там же: д. 379, л. 1].

Что же послужило причиной сложившейся ситуации? Почему разрешение на расчеты с китайскими торговцами наличными деньгами (золотой и серебряной

монетой) не привело к организации банковских структур на территории Западного Забайкалья? В связи с чем кяхтинское купечество, предпринимавшее ранее попытки создать собственный банк, самоустранилось от дальнейших попыток?

Во-первых, купцы, особенно кяхтинские, и иные лица, участвовавшие в операциях с российской валютой, скорее всего сами не были заинтересованы в появлении учреждения, где бы велся какой-либо финансовый учет. К сожалению, к 1855 г. на момент разрешения властями Российской империи расчетов с китайскими купцами наличными деньгами в Кяхте уже успела сложиться нелегальная схема по переправке российских монет за границу. Чрезвычайно выгодный курс приема китайскими предпринимателями российских денег делал их контрабанду весьма прибыльным делом. Например, курс серебряного рубля в Маймачене составлял 1 руб. 71 коп. С получением официального разрешения на вывоз золотой и серебряной монеты ситуация не изменилась. Более того, с 1849 г. в контрабанде косвенным образом принимало участие даже почтовое ведомство, скрывавшее от полиции сведения о количестве привозимых наличных денег. Объемы данных перевозок были очень серьезными. Предположительно, в 1857-1861 гг. было вывезено 2146066 серебряных монет на сумму 3433684 руб. и 56276 золотых монет стоимостью 337656 руб. [Крит, 1862: 51–52].

Во-вторых, сказывались опасения и недоверие к открытию новых частных банков, распространенные в среде российских предпринимателей, в том числе забайкальских. Министр финансов Н.Х. Бунге (1881–1886 гг.) свидетельствовал, что еще в 60-е гг. XIX столетия при учреждении Санкт-Петербургского частного коммерческого банка один из крупных предпринимателей выражал сомнение в возможности создания частного финансово-кредитного института без государственной помощи [Сборник..., 1874: 72]. Как подчеркивал И.И. Левин, «даже в 1872 г. в районах, еще не захваченных волной коммерческого кредита, дело банковское почиталось рискованным и опасным» [Левин, 1917: 173].

Третье обстоятельство было обусловлено сформировавшейся во второй половине XIX в. «привычкой» кяхтинского купечества – наиболее состоятельного и многочисленного бизнес-сообщества региона – получать поддержку и внимание со стороны государства. Кяхтинское купечество – «балованное дитя» российского протекционизма – уже зачастую не видело необходимости самостоятельных действий для решения собственных проблем. Разрешение на расчеты с китайцами наличными деньгами, введение особого тарифа налогообложения и другие меры правительства Российской империи, призванные улучшить ситуацию в русско-китайской торговле, сформировали своеобразную модель ведения бизнеса у кяхтинских предпринимателей. Торговцы зачастую прибегали к шантажу правительства, угрожая полным прекращением провоза чая через Сибирь, вынуждая идти на уступки и вводить новые меры поддержки [Кальмина, Курас, 2019: 123]. Причина этого заключалась в том, что во второй половине XIX в. в Кяхте произошла смена поколений в местном бизнес-сообществе. Деятельные и предприимчивые купцы, радевшие «о развитии промышленности в Кяхте и ее районе» [Птицын, 1896: 154] (в том числе активно пытавшиеся создать банк в 1844 г.), сменились предпринимателями новой формации. Как отмечал В.В. Птицын, «у этих новых чайных торговцев есть и миллионные капиталы, есть и хитрость, и примитивная изворотливость, и уменье «на копейку нажать копейку», но не было и до сих пор нет у них широких и светлых коммерческих взглядов и принципов» [Там же]. Кяхтинское купечество второй половины XIX в., привыкшее полагаться на помощь властей, уже не видело смысла в каком-либо серьезном самостоятельном развитии [Там же: 154–156].

Четвертой причиной стала общая неразвитость промышленности Западного Забайкалья и его удаленность от европейской части Российской империи. В связи с этим в регион «не заходили» крупные российские акционерные банки, как, например, это происходило в районах державы, где начиналось железнодорожное строительство. Прокладка железной дороги, содействуя торговому и промышленному развитию регионов, способствовала их интеграции в

общеимперское и мировое экономическое пространство, а рост благосостояния населения неминуемо влек появление кредитных организаций. Данное обстоятельство прекрасно осознавалось бизнес-кругами России. Например, учредители Киевского Промышленного банка в качестве аргумента в пользу его создания ссылались на то, что «благодаря быстрому развитию железных дорог в России, торговые сношения Киева с другими городами Империи все более и более увеличиваются» [Левин, 1917: 189]. В результате, первый филиал акционерного коммерческого банка – Русско-Китайского – появился в Западном Забайкалье только в 1898 г., с включением территории региона в единый организм Великого Сибирского пути.

Пятым фактором, сыгравшим роль в позднем появлении собственного банка в Западном Забайкалье, стало упущенное заинтересованными местными торгово-промышленными кругами благоприятное время для его открытия. Как уже упоминалось выше, первое прошение в Министерство финансов Российской империи с просьбой о разрешении учреждения банка на территории Западного Забайкалья поступило только в 1872 г. [ГАРБ, ф. 10, оп. 1, д. 352, л. 2 об], когда ажиотаж открытия новых учреждений начал спадать. Та же судьба ожидала повторное прошение 1878 г. [Кальмина, 2017: 79–80]. Причина отказов со стороны Министерства финансов была вызвана недоработками некоторых положений Устава будущей кредитной организации. Из-за частых банкротств банков особую обеспокоенность главного финансового ведомства страны вызвало отсутствие пункта о готовности городского общества разделить с банком ответственность перед вкладчиками в случае разорения последнего. Министерство финансов стремилось гарантировать надежность вновь создаваемых финансово-кредитных институтов еще на стадии учреждения, требуя обеспечения «целостности сумм» и отказывая в открытии при малейшем сомнении [Кальмина, Плеханова, 2020: 202].

Шестая причина, сильно затормозившая появление в Западном Забайкалье собственного банка, заключалась в общей экономической ситуации в стране в 70-

е гг. XIX столетия. После подъема 1860-х гг. Россия вступила в полосу экономического спада, вызванного кризисом перепроизводства [Яковлев, 1955: 87] и происходившего на фоне всемирного экономического кризиса, так называемой «паники 1873 года», приведшей к обвальному падению цен на акции. Паника была спровоцирована действиями спекулянтов на фондовых биржах Западной Европы и США. Причиной краха стало образование в экономике стран Запада спекулятивного бума, вызванного притоком на их фондовые рынки нескольких миллиардов франков свободного капитала, искавшего себе выгодное применение. В основе этого капитала лежали полученные в результате выигранной Германией франко-прусской войны (1870–1871 г.) более 90 млн. фунт. стерлингов (около 5 млрд. франц. франков) [Kindleberger, Aliber, 2005: 137]. При этом российский кризис начался раньше европейского – «Венского краха» в мае 1873 г. 29–30 сентября 1872 г. началась паника на московской бирже, а спустя несколько дней Московское отделение Государственного банка прекратило учет векселей и переучет их у частных банков. Такая же паника охватила биржи крупнейших торговых центров империи – Санкт-Петербурга, Риги, Одессы и др. [Яковлев, 1955: 98–99] Как итог – резкий спад в торговле, увеличение банкротств. Только за первые шесть месяцев 1873 г. Санкт-Петербургским коммерческим судом было объявлено 33 банкрота с общим долгом в 2,5 млн. руб. Кризис нанес сильнейший удар по отечественной банковской системе. Из созданных в 1871–1872 гг. 24 банков половина была ликвидирована по итогам 1873 г. [Там же: 104] Ситуацию на кредитном рынке России усугубил крах в 1875 г. одного из крупнейших банков – Московского коммерческого ссудного, причиной которого стали злоупотребления своим положением сотрудников иностранного отдела банка. Войдя в сговор с одним из своих клиентов – Г. Струсбергом, виновные лица выдали ему кредит в размере 7 млн. руб. под залог малоценных акций железнодорожных компаний. Однако в ходе ревизии, проведенной 9 октября 1875 г., данная потеря была выявлена. Уже 11 октября банк прекратил все операции [Левин, 1917: 213–215]. Потери акционеров банка оценивались не менее чем в 3

млн. руб., ущерб вкладчиков оставил более 1/4 их капиталов [Печерин, 1894: 125]. Катастрофа Московского Коммерческого ссудного банка породила волну массовой паники, охватившей банковских вкладчиков на всей территории России. Началось повсеместное закрытие текущих и депозитарных счетов. Только за 14–15 октября в Петербургском отделении Волжско-Камского коммерческого банка было закрыто текущих счетов на 2 млн. руб. Ситуация стабилизировалась только к началу ноября 1875 г. [Левин, 1917: 215–219], однако идее открытия новых кредитных организаций был нанесен серьезный репутационный удар.

Таким образом, 1860–1870-е гг. в истории банковской системы Западного Забайкалья можно охарактеризовать как время упущенных возможностей. Конечно, появление и дальнейшую работу ссудной кассы при Верхнеудинской городской управе можно рассматривать как некоторый успех. Однако, в целом, несмотря на достаточно благоприятные условия для открытия полноценного собственного банка, заинтересованные лица из числа купцов и промышленников региона не воспользовались предоставленной им возможностью. Сказались их неподготовленность и настороженность относительно идеи создания собственного финансово-кредитного института, нежелание менять устоявшийся порядок вещей и опасение усиления финансового контроля за их деятельностью в случае появления банка. В результате было потеряно время. Как итог, появление банка в Западном Забайкалье было перенесено на 80-е гг. XIX столетия.

Верхнеудинский городской общественный банк (1882–1886 гг.):

история открытия, результативность деятельности, причины ликвидации

Как уже упоминалось выше, Верхнеудинская городская дума в 1872 и 1878 гг. предпринимала усилия организовать банк, направляя прошения в адрес Министерства финансов, оказавшиеся безрезультатными. Однако члены городской думы не оставили свои попытки. Неоценимую помощь им оказывал всецело поддерживающий это начинание генерал-губернатор Восточной Сибири Д.Г. Анучин, сумевший добиться положительного решения вопроса от

управляющего Министерством финансов Российской империи Н.Х. Бунге. 5 сентября 1881 г. генерал-губернатор в письме верхнеудинскому городскому голове А.П. Лосеву сообщил: «Из отзыва от 26 июня 1881 г. за № 1639 Управляющий Министерством финансов тайный советник Н.Х. Бунге по согласию с Министерством внутренних дел, нашел возможным согласиться с моими доводами и разрешить открыть в г. Верхнеудинск Общественный Городской Банк» [ГАРБ, ф. 10, оп. 1, д. 352, л. 1, 1 об].

Уже в декабре 1881 г. на заседании Верхнеудинской городской думы управляющим банка был избран купец 2-й гильдии П.В. Гирченко, ставший его первым и единственным директором (см. прил. 2). Выбор на столь ответственный пост П.В. Гирченко был отнюдь не случаен. Будучи опытным финансистом, Гирченко в свое время заведовал казначейской частью городской ратуши [Кальмина, 2017: 79–80]. Деловые качества П.В. Гирченко не вызывали нареканий, потому 18 декабря 1885 г. он был переизбран на должность [ГАРБ, ф. 10, оп. 1, д. 455, л. 2]. Товарищами-заместителями директора стали купец 2-й гильдии Д.А. Меншиков и мещанин П.А. Фролов [Там же: д. 352, л. 5 об].

Почти всю первую половину 1882 г. занял подготовительный этап. Только 15 июля 1882 г. директор и его заместители дали торжественную клятву о вступлении в должности, согласно которой они обязывались «действовать во всех делах по совести, и без лицепрятия; хранить тайну всех вверенных банку частных коммерческих дел и счетов и неуклонно исполнять все вверенные на нас обязательства» [Там же: д. 352, л. 16]. Уставной капитал новообразованного банка в размере 10000 руб. был отправлен Иркутским отделением Государственного банка только 30 декабря 1883 г. [Там же: д. 379, л. 2].

Штат учреждения был достаточно невелик и состоял из собственно директора, двух его товарищей, бухгалтера, писаря и сторожа. За свою службу руководство банка получало достаточно небольшое вознаграждение. Жалованье директора составляло 700 руб. в год [Там же: д. 408, л.1], что примерно соответствовало годовой заработной плате старшего советника в губернском

правлении [Соловьев, 2013: 155]. Двое товарищей-заместителей директора получали 600 и 500 руб. соответственно [ГАРБ, ф. 10, оп. 1, д. 408, л. 1, 1 об]. Годовые оклады директора и его товарищей не были постоянными. Жалованье руководству банка выплачивалось исходя из остатка полученного учреждением дохода после вычета сумм, отчисляемых в его резервный капитал (10-20%) и в пользу учебных заведений г. Верхнеудинска (20%) [Там же, л. 1 об]. Наиболее крупный размер заработной платы (840 руб.) был у бухгалтера – самого квалифицированного сотрудника [Там же: д. 457, л. 2]. При этом первоначально ему предполагался оклад в размере 1200 руб. [Там же: д. 352, л. 19]. В числе сотрудников Верхнеудинского городского общественного банка значились сторож и рассыльный, получавшие 295 руб. в год [Там же: д. 457, л. 2].

О результатах своей деятельности банк составлял и направлял в адрес городской управы подробные ежемесячные отчеты [Там же: д. 453, л. 1]. В качестве офиса банка арендовалась квартира, обходившаяся учреждению в размере 350 руб. в год. Помимо затрат на съем помещения в число расходов банка входили следующие (см. табл. 1):

Таблица 1. Расходы на содержание Верхнеудинского городского общественного банка в 1884 г.*

№	Наименование статьи расходов	Сумма за год
1	Канцелярские принадлежности (книги для счетоводства, чернила, бумага, перья, сургуч и пр.)	51 руб. 15 коп.
2	Отопление и освещение	60 руб. 95 коп.
3	Почтовые отправления	6 руб. 7 коп.
4	Телеграфные отправления	70 коп.
5	Выписка газет	29 руб.
6	Свидетельства приказчиков	40 руб.
7	Оплата услуг юриста за документальное оформление контракта по найму квартиры под помещение банка	3 руб. 50 коп.

8	Побелка комнат	8 руб. 50 коп.
9	Страхование принадлежащих банку ценных бумаг	1 руб. 80 коп.
10	Молебн 22 августа	4 руб.
11	Типографские расходы (печать бланков)	11 руб. 20 коп.
12	Ремонт окон и печи	5 руб. 25 коп.
13	Разные расходы	1 руб. 35 коп.

*Таблица составлена по: ГАРБ, ф. 10, оп. 1, д. 457, л. 2.

Исходя из анализа данных, можно сделать вывод о достаточно грамотной и продуманной организации рабочего процесса в офисе банка. Стоит обратить внимание на весьма небольшие траты за пользование почтовой и телеграфной связью, что свидетельствует о том, что основными клиентами банка были местные жители. С одной стороны, это было положительным фактом, поскольку в связи с малочисленностью горожан и, соответственно, клиентов банка, значительно уменьшался риск ведения дел. Сравнительно немногочисленный слой предпринимателей Верхнеудинска, которые были знакомы между собой, пользовались услугами банка и, как правило, дорожили своей деловой репутацией, способствовал притоку денежных средств на депозитарные счета и снижал возможность невозврата взятых ранее кредитов. С другой стороны, с исчерпанием местных финансовых ресурсов банк неминуемо столкнулся бы с проблемами дальнейшего развития, предотвратить которые могло лишь расширение клиентуры путем переноса активности в другие регионы.

Верхнеудинский общественный банк оказывал своим клиентам следующие виды услуг (см. табл. 2):

Таблица 2. Услуги, оказываемые Верхнеудинским общественным банком в 1882–1886 гг.*

Наименование услуги	Размер % в пользу банка	Срок
Учет векселей	10	1–12 месяцев

Выдача ссуд под залог государственных и гарантированных правительством процентных бумаг	8	1–6 месяцев
Выдача ссуд под залог именных билетов городских общественных банков	8	1–6 месяцев
Выдача ссуд под залог товаров	10	3–9 месяцев
Выдача ссуд под залог драгоценностей и других неподверженных порче вещей	9	6–12 месяцев
Выдача ссуд под залог недвижимости	8	1–12 месяцев
	9	1–3 месяцев
	10	3–12 месяцев
Содействие в купле-продаже процентных бумаг	1	–
Прием вкладов	5	бессрочные
	6	1–2 лет
	7	2–5 лет
	7	5–10 лет
	8	на вечное время

*Таблица составлена по: ГАРБ, ф. 10, оп. 1, д. 352, л. 18, 18 об.

Данные таблицы показывают, что Верхнеудинский общественный банк оказывал своим клиентам широкий спектр услуг. Размер взимаемого банком процента за свои услуги хотя и был достаточно велик, но не превышал общероссийские показатели, которые составляли 12% годовых за краткосрочную ссуду и 8% за долговременную [Бойко, 1996: 66].

На начальном этапе деятельности Верхнеудинского общественного банка дела учреждения шли неплохо. Всего за полгода своей работы, с лета 1882 г. по 1 января 1883 г., банк имел на своих счетах более 11 тыс. руб. наличными в кассе,

векселей на 39 тыс. руб., различных ценных бумаг на 2110 руб. и ценных вещей, заложенных клиентами, на 200 руб. (см. прил. 3). Чистая прибыль учреждения за полгода составила 2069 руб. 68 коп. [Там же: д. 480, л. 1].

Наиболее удачным и продуктивным временем деятельности Верхнеудинского городского общественного банка стал 1883 г. (см. табл. 3):

Таблица 3. Динамика движения наличного капитала Верхнеудинского городского общественного банка в 1883 г. (в руб.)*

Месяц	Наличные деньги	Векселя	Ценные бумаги	Ценные вещи в залоге	Итого
Январь	133	47541	6650	260	54584
Февраль	48717	62620	7190	260.	118787
Март	30767	68884	8390	260	108301
Апрель	13558	83854	10390	260	108092
Май	28397	67254	13890	60	109871
Июнь	30707	68458	16310.	60	115535
Июль	44699	85032	13330	60	143121
Август	39006	91886	12795	60	143748
Сентябрь	32004	103011	14375	60	149451
Октябрь	32278	103906	12875	60	150120
Ноябрь	29230	107412	11875	95	148612
Декабрь	Нет данных	111712	Нет данных	Нет данных	Нет данных

*Таблица составлена по: ГАРБ, ф. 10, оп. 1, д. 380, Л. 5, 7, 9, 11, 13, 15, 17, 19, 21, 23, 25; д. 457, л. 5 об.

Как видно из данных табл. 3, Верхнеудинский городской общественный банк в свой первый, полноценный, год работы демонстрировал достаточно неплохие результаты. Практически все показатели, за исключением графы

«ценные вещи, оставленные в качестве залога», демонстрировали рост. При этом необходимо учитывать, что Верхнеудинский банк в отличие от аналогичных финансово-кредитных учреждений в других регионах Российской империи только начинал свою деятельность. Однако по ряду позиций он не только не уступал, а зачастую и несколько превосходил их. Размер «вексельного портфеля» банка по итогам 1883 г. составлял 111 тыс. руб. (см. табл. 3), аналогичный показатель Ишимского городского банка, действовавшего с 1875 г. [Храмцов, 2014: 79], выражался суммой в 110 тыс. руб. [Кириллов, 2002: прил. 3, табл. 1]. Удачно у Верхнеудинского банка было поставлено дело с привлечением средств вкладчиков. По итогам 1883 г. на депозитных счетах клиентов банка скопилась солидная сумма – 131 тыс. руб. [ГАРБ, ф. 10, оп. 1, д. 457, л. 4 об], что являлось достаточно серьезным показателем. Например, у действовавшего с 1875 г. [Сведения о..., 1898: 2] и располагавшего серьезными финансовыми ресурсами Омского городского банка на вечных, срочных и бессрочных вкладах по итогам 1883 г. находилось 320 тыс. руб. [Кириллов, 2008: 222].

Однако благоприятный период деятельности Верхнеудинского городского общественного банка был весьма недолгим. Уже с 1884 г. началось постепенное снижение основных показателей. По данным ревизионной комиссии, проводившей проверку банка в 1884 г., наблюдалось снижение объемов всех операций на сумму 250 тыс. руб. по сравнению с показателями 1883 г. Негативные тенденции продолжились и в 1885 г. Наличные средства банка за год – с 1 января 1884 г. по 1 января 1885 г. – уменьшились с 32 тыс. руб. до 10 тыс. руб. [ГАРБ, ф. 10, оп. 1, д. 460, л. 4]. Сильно «похудел» вексельный портфель банка: на 1 января 1884 г. векселей оставалось на 111 тыс. руб., к 1 января 1885 г. – уже на 94 тыс. руб., к 1 декабря 1885 г. – всего на 74 тыс. руб. [Кальмина, 2017: 82] Начался процесс выведения клиентами банка средств со своих депозитарных счетов. Как уже упоминалось выше, по итогам 1883 г. общая сумма средств вкладчиков составляла 131 тыс. руб., но спустя всего год эта цифра уменьшилась примерно на 1/5 и составляла 101 тыс. руб. [ГАРБ, ф. 10, оп. 1, д. 457, л. 4 об, 5].

Более того, 1884 г., в отличие от прибыльного 1883 г., банк закончил с убытком в размере 3982 руб. 50 коп. [Там же: л. 31 об]. Следующий 1885 г. учреждение так же закончило с отрицательными значениями. Общий убыток за 1884 и 1885 гг. составил 4937 руб. 88 коп. [Кальмина, Плеханова, 2020: 203]. Прибыль банка за три года работы (1883–1885 гг.) составила: валовая – 31571 руб., чистая – 3216 руб. [Сведения о..., 1898: 151].

27 мая 1885 г. Правлением банка было принято решение о его закрытии с формулировкой: «чем скорее – тем лучше». На состоявшемся 18 декабря 1885 г. заседании Городской думы вопрос был рассмотрен и вынесено постановление о начале ликвидации учреждения. Городскому голове Н.А. Шляпкину поручалось обратиться с ходатайством к министру финансов Н.Х. Бунге, чтобы получить инструкции о проведении процедуры закрытия банка [ГАРБ, ф. 10, оп. 1, д. 460, л. 5, 5 об]. 1 сентября 1886 г. состоялся акт передачи Правлением Верхнеудинского городского общественного банка членам ликвидационной комиссии списка состоящих на балансе учреждения наличных средств, векселей, ценных бумаг, государственных облигаций и другого имущества на общую сумму 95825 руб. 70 коп. [Там же: л. 22] И хотя ликвидационные мероприятия велись до марта 1887 г. [Там же: л. 44], история Верхнеудинского городского общественного банка по факту завершилась.

Каковы же были причины столь непродолжительной работы и поспешной ликвидации Верхнеудинского городского общественного банка?

Первая причина заключалась в том, что экономика Российской империи после некоторого оживления в 1878–1880 гг., в 1882 г. вступила в полосу очередного кризиса промышленного перепроизводства. В 1882 г. производство продукции машиностроения снизилось на 11,5% по сравнению с показателями 1878 г.; в легкой промышленности спад по сравнению с показателями 1879 г. составил: в полотняной – 19%, суконной – 10,6%, кожевенной – 15% [Яковлев, 1955: 142].

Одновременно страна переживала сильный финансовый и торговый кризисы. Вследствие неурожая 1881 г. падение показателей экспортных и импортных операций составило 20%. Как отмечала пресса тех лет, «застой в торговле по всей России принял небывалые размеры», «общие жалобы на безденежье, отсутствие кредита и возрастающую дороговизну, раздающиеся все громче и громче из всех углов России, указывают на то, что мы переживаем тяжелый экономический кризис» [Там же]. Финансовый рынок империи так же отмечал падение основных котировок ценных бумаг и национальной валюты. Все это не могло не сказаться отрицательным образом на банковском секторе страны [Там же: 141–142].

Вторая причина ликвидации Верхнеудинского общественного банка была непосредственно связана с первой. В результате начавшегося экономического кризиса обострились проблемы у отечественных финансово-кредитных учреждений, что привлекло к ним внимание правительства Российской империи. Результатом одной из проверок провинциального кредитного учреждения в г. Скопин (совр. Рязанская область) стало уголовное дело, прогремевшее на всю Россию и сподвигнувшее власти на реформирование городских общественных банков. Скопинской городской банк, основанный в 1863 г., за 19 лет работы добился впечатляющих результатов. Валовая прибыль составила астрономическую сумму в более чем 10 млн. руб., чистая прибыль – более 2 млн. руб. [Сведения о..., 1898: 151] Для сравнения, за 27 лет работы Томский городской банк смог получить лишь 492 тыс. руб. чистой прибыли [Там же: 149]. При этом банк в Томске обслуживал таких солидных и состоятельных клиентов, как крупнейшие сибирские купцы и золотопромышленники. Услугами Томского банка пользовались «Почтово-пассажирское пароходство Товарищества пароходства и транспортирования грузов Ф. и Г. братья Каменские», золотопромышленники З.М. Цибульский и Е.Б. Хотимский, винозаводчик Е.И. Королев и многие другие [Бойко, 1996: 67–68].

Анализ официальных отчетов Скопинского банка позволяет утверждать, что он стал одной из первых в истории России финансовых пирамид. В ее основе лежала, ставшая позднее классической, схема привлечения средств вкладчиков обещанием высоких процентных ставок и первоначальной выплатой первым клиентам высоких дивидендов из средств, внесенных последующими вкладчиками. Затем, после увеличения оборотов, начинался процесс вывода денежных средств из банка посредством выдачи кредитов под фальшивые векселя. Как итог, крах и банкротство. Скопинский банк широкой рекламной компанией и высокими процентами смог привлечь на свои счета огромную сумму – около 11 млн. руб. [Грузицкий, 2002: 60]. Даже в конце 1881 – начале 1882 гг. перед началом судебного процесса доход по бессрочному депозиту составлял 6% годовых, на срок от 1 до 3 лет – 6,5% [Предварительное следствие..., 1883, ч. 1: 52]. Для сравнения, аналогичные ставки в Верхнеудинском городском общественном банке оставляли 5 и 6% соответственно [ГАРБ, ф. 10, оп. 1, д. 352, л. 18 об]. Размер злоупотреблений со стороны дирекции банка был столь велик и очевиден, что это неминуемо привело к возбуждению уголовного дела. В результате проведенной 2 октября 1882 г. следственной проверки было выявлено, что на балансе банка значатся наличными деньгами и ценными бумагами всего 4414 руб. Запасной капитал в банке отсутствовал, при том что согласно данным отчета он должен был составлять 195 тыс. руб. Баланс банка – более 13 млн. руб. – практически полностью состоял из сомнительных векселей на сумму более 12 млн. руб. Данные факты привели к возбуждению против директора банка И.Г. Рыкова и его сотрудников уголовного дела. Им инкриминировались следующие обвинения: неправильная выдача ссуд, растрата средств вкладчиков и запасного капитала, подделка отчетной документации [Предварительное следствие..., 1883, ч. 1: 1–4]. По завершении дела было взыскано векселей на сумму не более 800 тыс. руб., размер неоплаченных векселей равнялся 11 млн. руб. Кредиторы банка получили по 15–18 копеек с каждого вложенного рубля. Число пострадавших

составило 6 тыс. человек [Чехов, 1979, т. 16: 183]. Директор банка И.Г. Рыков был сослан в Сибирь.

Начавшаяся из-за краха Скопинского банка паника привела к тому, что вкладчики по всей России начали обналичивать свои вклады. Как отмечал В.Т. Судейкин, «под влиянием этих потрясений, некоторые из не особенно солидных банков не удержались» [Судейкин, 1884: 5]. Проработав всего 12 лет (1872–1884 гг.) был ликвидирован Саратовско-Симбирский земельный банк [Тагирова, 2012: 85]. Многим другим финансово-кредитным учреждениям потребовалась срочная государственная поддержка. Например, в 1882 г. Государственный банк открыл Орловскому городскому банку кредит на 700 тыс. руб. «для безостановочного удовлетворения вкладчиков», затем еще около 300 тыс. руб. поступило под обеспечение недвижимой собственности, заложенной в Орловском банке [Чугунова, 2008: 42].

Однако власти страны в решении проблемы городских банков не ограничились только денежными вливаниями. С целью не допустить повторения произошедшего правительство империи решило устранить главную, по их мнению, причину проблемы – излишнюю самостоятельность банков, которая зачастую использовалась в корыстных целях их руководством и была чревата потерями средств вкладчиков. В результате 26 апреля 1883 г. было утверждено мнение Государственного Совета Российской империи «Об изменении и дополнении нормального Положения о городских общественных банках» [ПСЗРИ, 1886, т. 3: 207–211]. Именно введенные данным документом новые правила ведения дел городскими кредитными организациями послужили главной, третьей, причиной ликвидации Верхнеудинского банка.

Положения, утвержденные мнением Государственного Совета, легли в основу специальных дополнений к Нормальному положению о городских общественных банках 1862 г. [Собрание узаконений..., 1883: 1273]. Основное изменение заключалось в установлении жесткого контроля за деятельностью банков со стороны государства. Банки были обязаны отправлять в адрес

Министерства финансов не только ежегодные отчеты о состоянии счетов, но и заключения ревизионных комиссий, организуемых городскими думами, а также утвержденные ими постановления и любые другие сведения по запросу ведомства [Там же: 1277–1280]. Вторым, особенно важным, нововведением стали новые ограничения на производимые учреждением операции. С 26 апреля 1883 г. общая сумма вкладов, векселей и сумм по другим операциям не должна была превышать собственные капиталы банка в пять раз вместо прежнего десятикратного размера. Существенно ограничивался и размер кредита для клиентов – не более 1/10 от суммы капитала банка. Еще одним нововведением стало ограничение кредитования собственных сотрудников учреждения, членов городской управы и городского головы. Указанные лица могли воспользоваться вексельным кредитом только при условии единогласного одобрения действующим при банке Учетным Комитетом [Там же: 1281–1282].

Для властей Верхнеудинска и правления банка новые правила стали весьма неприятной новостью. Уменьшение суммы вкладов до пятикратной величины собственного капитала грозило коллапсом. В этих условиях банку оставалось или прекратить прием новых вкладов, или вернуть часть уже оформленных. Без притока средств на депозитарные счета деятельность учреждения теряла всякий смысл. Вызывало опасение и введение ограничения на кредитование членов правления и городской управы, поскольку зачастую клиентами банка выступали местные предприниматели, которые одновременно являлись членами городской управы. Ограничение размеров кредита, по мнению членов правления банка, годилось для крупных банков с капиталом в десятки и сотни тысяч рублей. В Верхнеудинском же банке при общей сумме основного и запасного капиталов в 20 тыс. руб. самый большой кредит не мог превышать 2 тыс. руб. Столь ничтожная сумма не могла заинтересовать серьезных предпринимателей и капиталу банка грозило остаться без движения, принося ему больше убытков, чем прибыли. В случае ведения дел в соответствии с новыми правилами банк рисковал остановиться в своем развитии, поскольку для увеличения оборотов

учет малоценных векселей от мелких предпринимателей не годился. Требовались крупные клиенты с солидными капиталами, а их не интересовали небольшие кредиты. Верхнеудинская городская дума обратилась в Министерство финансов с ходатайством отсрочить введение положений о пятикратном превышении всех оборотных капиталов банка над его учредительным капиталом и разрешить принимать небольшие – до 2 тыс. руб. – вклады. Кроме того, городские власти просили позволить выдавать некоторым наиболее надежным предпринимателям кредиты, превышающие 1/10 основного и запасного капиталов. Министерство финансов пошло навстречу прошению и предоставило учреждению отсрочку до 1 января 1887 г. Пользуясь послаблением, банк выдал кредиты в увеличенном размере 25 лицам, которых считал вполне надежными. К марту 1886 г. кредитование было установлено в положенной норме [Кальмина, 2017: 82–82].

Подобная ситуация не была характерна лишь для Верхнеудинского городского общественного банка. Со всей Российской империи в адрес Министерства финансов шли постоянные ходатайства банковских управляющих об увеличении 10%-ой нормы личного кредита. Как отмечает А.К. Кириллов, «именно последнее ограничение в полном смысле слова подорвало развитие городских банков, заставив их сокращать кредит самым солидным своим клиентам» [Кириллов, 2008: 206]. В итоге 1880-е гг. стали временем устойчивого сокращения объемов деловой активности городских банков. За период с 1882 г. по 1895 г. в 243 городских общественных банках отток вкладов составил 41% (с 143074 тыс. руб. до 84986 тыс. руб.), сумма предоставленных кредитов уменьшилась на 36% (с 65602 тыс. руб. до 42210 тыс. руб.) [Кочисов, 2010: 507].

Четвертая причина, из-за которой был закрыт Верхнеудинский городской общественный банк, возникла по вине местных муниципальных властей. В 1883 г., когда только начинался кризис в работе банковского учреждения, вызванный новым Положением, городские власти позаимствовали у банка 3000 руб. на постройку здания казачьей батареи [ГАРБ, ф. 10, оп. 1., д. 365, л. 3]. Позднее долг был увеличен до 8000 руб. Однако банку было возвращено только 5000 руб.

Задолженность города банку в размере 3000 руб. так и осталась непогашенной и была записана в графу убытков учреждения. Данная задолженность была закрыта путем использования средств из запасного капитала банка, что нанесло его деятельности сильный ущерб и повлияло на закрытие [Кальмина, 2017: 83].

Таким образом, Верхнеудинский городской общественный банк, проработав всего неполных четыре года (1882–1886 гг.), был в какой-то мере обречен на ликвидацию еще с момента своего открытия. Сказалась неблагоприятная экономическая обстановка в стране, вылившаяся в кризис доверия к банкам, и, как следствие, приведшая к ужесточению финансовой политики государства в области регулирования кредитного сектора. Введенные в 1883 г. Новые правила в Положении о городских общественных банках, к которым банк не был готов, стали для него непреодолимым испытанием. Возможно, если бы его открытие произошло раньше, то банк смог бы, накопив достаточно ресурсов, приспособиться к ведению дел в новых условиях и продолжить свою деятельность. Дополнительным ударом по учреждению стали безответственные действия городских властей, нанешие большой финансовый урон в сложный период.

В то же время необходимо отметить факт, что в отличие от других городских банков, прекративших свою работу по тем же причинам, Верхнеудинский завершил свои действия, полностью закрыв все обязательства. Своим вкладчикам банк выплатил 63828 руб. Оставшиеся средства (наличные, векселя, имущество) на сумму 19101 руб. 69 коп. были переданы городской управе [Кальмина, 20187: 83]. Для сравнения, официально закрывшийся в 1890 г. Тульский Александринский банк остался должен своим вкладчикам более 160 тыс. руб. [Назырова, Шелкполясова, 2019: 282].

Верхнеудинский городской общественный банк из-за непродолжительного срока деятельности не смог в полной мере реализовать свой потенциал, вместе с тем внес лепту в развитие города и региона. Из числа действовавших в пределах г. Верхнеудинска и Верхнеудинского округа 21 фабрики и завода девять

представляли собой золотопромышленные прииски. Стоимость продукции, в основном представленной золотом, составила 489 тыс. руб. [Обзор..., 1885: Ведомость 2]. В 1885 г. 11 действовавших в указанной местности предприятий произвели кожевенные, мучные, винные и другие изделия на сумму свыше 900 тыс. руб. [Обзор..., 1886: Ведомость 2].

Деятельность банка стала важным этапом в развитии банковского дела в регионе. Заложенные им основы практики частного кредитования стали впоследствии примером при создании новых кредитных организаций. Своеобразным памятником Верхнеудинскому городскому банку было здание казачьей батареи, деньги на постройку которого (3000 руб.) были взяты городской управой в займы у банка в июне 1883 г. [ГАРБ, ф. 10, оп. 1, д. 365, л. 3].

Таким образом, второй этап (1860 – 1880-е гг.) в истории формирования банковской системы Западного Забайкалья, можно охарактеризовать следующим образом:

1. В процессе формирования сети кредитных организаций региона произошли качественные изменения. Были открыты Верхнеудинский городской общественный банк и ссудная касса при Верхнеудинской городской управе. Данное достижение имело двоякую оценку. С одной стороны, появление реально действовавших финансово-кредитных институтов способствовало развитию торговли. Доступность для местных предпринимателей источников кредитования, повышение их мобильности благодаря приемно-переводным услугам банка, аккумуляция ранее пассивных средств населения на вкладах, возможность получения ссуды горожанами – все это свидетельствует об успешности первых финансово-кредитных институтов Западного Забайкалья. С другой стороны, реальный период работы Верхнеудинского городского общественного банка составил около двух лет, при том что учреждение действовало всего четыре года (1882–1886 гг.). Уже с середины 1883 г. деятельность учреждения была направлена на безуспешные поиски способов удержаться на плаву. Результаты и масштабы работы ссудной кассы при Верхнеудинской городской управе ввиду

малого размера ссудного капитала и ограниченности клиентской базы также не могут рассматриваться как важный фактор развития экономики региона.

2. Региональное бизнес-сообщество сохранило и упрочило свой статус главного драйвера развития финансовой системы Западного Забайкалья. Именно стараниями верхнеудинских купцов был создан городской общественный банк – первая полноценная кредитная организация на территории региона. При этом местные предприниматели не только активно добивались открытия банка, но и впоследствии достаточно умело осуществляли ведение дел.

3. На развитие кредитных отношений в Западном Забайкалье оказывали влияние особые торговые отношения со странами Внутренней Азии. Именно изменения в глобальной торговле Европы с Китаем после Опиумных войн и открытия Суэцкого канала вынудили правительство Российской империи пойти на принятие ряда протекционистских мер в отношении кяхтинского купечества. В стремлении сохранить для России стратегически важный сухопутный маршрут торговли с Китаем власти страны ввели сверхвыгодный для купцов Кяхты таможенный тариф и сняли ряд ограничений на торговлю с Китаем. Данные меры способствовали сохранению бизнеса кяхтинского купечества, однако имели и иные последствия. Привыкнув к государственной поддержке, предприниматели утратили инициативу в деле создания региональных кредитных организаций. В результате кяхтинское купечество, бывшее долгое время основным двигателем в создании на территории Западного Забайкалья собственной банковской системы, уступило свои позиции бизнес-сообществу Верхнеудинска. Впрочем, по-настоящему серьезно фактор геополитических интересов России в отношении Китая сыграет роль несколько позднее – в 1890-е гг.

4. В ходе своей непродолжительной работы Верхнеудинский городской общественный банк смог заложить основу для создания будущей системы местных кредитных организаций.

1.3. Роль государства в формировании региональной банковской системы в 1890-е гг. в контексте смены внешнеполитического вектора Российской империи

Экономика Западного Забайкалья в 1890-е гг. Создание временного отделения Государственного банка в Верхнеудинске (1894 г.)

Следующая попытка организации кредитной организации в Западном Забайкалье состоялась в последнем десятилетии XIX в. В это время страна переживала время активной экономической модернизации. Промышленное производство в империи в 1891–1900 гг. выросло вдвое, при этом производство средств производства увеличилось в два раза, а выпуск предметов потребления – на 38%, доля тяжелой промышленности увеличилась с 30 до 39% [Муравьева, 2002: 27]. Доля России в мировом промышленном производстве увеличилась в два раза – с 3 до 6%. Для сравнения, доля Англии за тот же период снизилась на 4% – с 22 до 18%, Франции – с 8 до 7% [Кучинский, 1954: 27]. Расцвет переживала и торговля империи – экспорт российской продукции в 1890–1900 гг. составил 1319 млн. руб., что превосходило аналогичные показатели 1880–1890-х гг. на 138,8 млн. руб. [Томпстон, 2008: 27]. Шел стремительный процесс экономического объединения огромной державы путем развития ее транспортной инфраструктуры. В период с 1891 по 1900 гг. в России было построено 20726 верст железнодорожных путей, в 1881–1890 гг. эта цифра составляла всего 7353 версты [Гливиц, 1911: 79]. В результате расцвета экономики бурно развивалась деловая активность населения страны. Если в 1889 г. в России насчитывалось 29 акционерных обществ, то спустя десять лет их число увеличилось до 327. Акционерный капитал увеличился с 45 млн. руб. в 1889 г. до 430 млн. руб. в 1899 г. [Яковлев, 1955: 191–192].

В основе экономических успехов империи лежал комплекс реформ, проведенных под руководством министра финансов С.Ю. Витте, который занимал эту должность в 1892–1903 гг. В своей политике он руководствовался принципом

государственного контроля над экономикой, широко используя монетаристские методы ее оздоровления. Благодаря введению винной монополии в 1893–1894 гг. удалось стабилизировать финансовое состояние империи. Ежегодный прирост бюджета в 1890-е гг. составлял 10,5%, в то время как в 1880-е гг. он не превышал 2,7%. В результате бюджет страны вырос с 1 млрд. руб. в 1892 г. до более 2 млрд. руб. в 1903 г. Проведение денежной реформы 1895–1897 гг. позволило укрепить национальную валюту и обеспечило приток в страну солидных иностранных инвестиций [Муравьева, 2001: 38–40]. Если в 1890 г. в Россию было привлечено капиталов различных иностранных фирм и компаний на сумму 214 млн. руб., то спустя десять лет этот показатель составлял уже 911 млн. руб. [Оль, 1925: 12–13]. Всего же доля действовавших на территории Российской империи 115 иностранных акционерных обществ равнялась 52% всего акционерного капитала в экономике империи [Яковлев, 1955: 201–202].

Важнейшим инструментом проводимой С.Ю. Витте политики был Государственный банк Российской империи. По мысли министра финансов, круг деятельности учреждения должен был быть расширен путем наделения банка полномочиями по выдаче промышленного кредита, который являлся самым эффективным рычагом общего роста капиталистического хозяйства страны. Для этого был разработан новый устав Государственного банка, опубликованный в июне 1894 г. [ПСЗРИ, 1898, т. 14: 410], который значительно расширил круг операций учреждения, позволив ему, используя механизмы краткосрочного кредитования, стимулировать развитие российского торгово-промышленного сектора. Основной капитал банка был увеличен с 25 до 50 млн. руб., запасной – с 3 до 5 млн. руб. Государственный банк получил право проводить учет векселей, выдачу ссуд и кредитов. Банк распространил свою деятельность по всей территории империи, для чего развернул широкую сеть отделений [Там же: 410–427]. В 1895 г. действовало 117 постоянных и временных контор и отделений Государственного банка [Голубев, 1896: 4–6]. С 1890 г. по 1895 г. были открыты филиалы в Бухаре, Ашхабаде, Благовещенске, Владивостоке, Коканде, Тюмени,

Тобольске, Челябинске и Чите [Там же]. Благодаря организации в 1894 г. одного из таких отделений – Верхнеудинского – на территории Западного Забайкалья была начата новая страница в истории развития его банковской системы.

В начале 90-х гг. XIX столетия Западное Забайкалье пребывало в состоянии коренных перемен, вызванных переустройством экономической модели развития региона, ориентированной ранее на получение дивидендов от обеспечения транзитной торговли со странами Внутренней Азии. Изменение маршрута основных товарных потоков с сухопутного на более быстрый и дешевый морской путь нанесло сильный удар по главному торговому центру региона – Кяхте. Из ввезенных в 1892 г. через Иркутскую таможню 1197787 пудов всех сортов чая в Маймачене – Кяхте было выменено всего 68975 пудов [Краткий очерк..., 1896: 83]. И хотя общие объемы импорта через Кяхту оставались еще достаточно высокими, однако прежний масштаб был потерян. Если в 1877–1889 гг. показатели равнялись 80 млн. руб., то в 1890–1893 г. они составляли чуть более 58 млн. руб. [Статистические сведения..., 1896: 7–11]. Объемы российского экспорта демонстрировали еще больший спад: с более чем 18 млн. руб. в 1886-1889 гг. до 12 млн. руб. в 1890-1893 гг. [Там же: 15–17] Как отмечалось в «Обзоре Забайкальской области» за 1884 г., «внешняя наша сухопутная торговля через Кяхту заметно склоняется к упадку. Причина тому – увеличение вывоза чаев через Ханькоу морем ... дешевизна перевозки говорит в пользу направления чаев последним путем, и если бы она одна влияла на это дело, то, конечно, ввоз чаев через Кяхту потерял бы право на существование» [Кальмина, Плеханова, 2019: 241].

Промышленный сектор региона был по-прежнему развит слабо. По состоянию на 1891 г. на территории Западного Забайкалья находилось 126 предприятий, которые производили продукции стоимостью чуть более 2 млн. руб. Число рабочих равнялось 1880 человек. Предприятия в основном имели небольшие объемы производства, численность сотрудников составляла два – три человека. Наибольшее количество сотрудников (1370 чел.) было занято в

золотодобыче. Самый большой доход приносило производство алкоголя – более 1300 тыс. руб. Сложной промышленной продукции на территории региона не производилось [Обзор..., 1892: 24–26].

В связи с постепенным снижением роли Кяхты в глобальной чайной торговле экономический центр Западного Забайкалья сместился в Верхнеудинск, занимавший выгодное географическое положение. Город располагался на берегах судоходных рек Селенги и Уды, на перекрестке путей, связывающих его с районами европейской части России и китайско-монгольского приграничья. В отличие от Кяхты с ее полной зависимостью от экспортно-импортных операций с Китаем и Монголией Верхнеудинск был важным центром внутренней торговли благодаря своей знаменитой ярмарке. Верхнеудинская ярмарка, учрежденная как постоянно действующая в 1768 г., проводилась во второй половине января – начале февраля в зависимости от сроков установления прочной дороги через Байкал. Ярмарка как «место встречи» товарных потоков из межрегиональных ярмарочных центров, общероссийских ярмарок, продуктов промыслового хозяйства коренного населения Забайкалья и китайских товаров, поступавших через Кяхту, быстро стала центром притяжения для торгового люда со всех концов империи [Кальмина, 2015: 629].

О размерах деятельности ярмарки красноречиво свидетельствуют размеры ее оборотов (см. табл. 4).

Таблица 4. Оборот Верхнеудинской ярмарки в 1890-1895 гг. (в руб.)*

Год	Привезено товаров	Продано товаров
1890	1414960	916875
1891	1165860	965400
1892	1087300	777160
1893	1713430	1154830
1894	1900858	1305775
1895	1829954	1334146

*Таблица составлена по: ГАРБ, ф. 10, оп. 1, д. 1039, л. 19.

Как видно из данных таблицы 4, объемы торговли Верхнеудинской ярмарки были достаточно высокими. После снижения оборотов в 1891-1892 гг. по сравнению с 1890 г. последовал значительный рост, что, по всей видимости, стало одной из причин, побудивших дирекцию Иркутского офиса Государственного банка Российской империи выступить с инициативой открытия на время проведения ярмарки временного отделения учреждения.

Практика формирования банком подобных офисов не была новой и уникальной только для Западного Забайкалья. К 1896 г. помимо временного отделения банка в Верхнеудинске аналогичные филиалы действовали на территории Нижегородской, Пермской, Таврической, Тобольской, Уфимской, Ярославской губерний, а также в Семипалатинской и Терской областях [Голубев, 1896: 6].

Важнейшую роль в открытии временного отделения Государственного банка в Верхнеудинске сыграло руководство соседнего с регионом Иркутского офиса учреждения. Иркутский филиал Госбанка был создан 21 ноября 1865 г. и долгое время, до открытия 10 апреля 1894 г. Читинского офиса, был единственным доступным для населения Забайкалья отделением данного учреждения [Энциклопедия..., 1904: 54–55]. Услугами Иркутского филиала пользовались не только забайкальские предприниматели, но и органы местного самоуправления. В 1877 г. Верхнеудинская городская дума держала на депозитном счете в Иркутском отделении Государственного банка солидную сумму в размере 36130 руб. [ГАРБ, ф. 10, оп. 1, д. 108, л. 4].

Прекрасно зная положение дел в соседнем регионе, располагая необходимой информацией от своих клиентов, руководство Иркутского филиала выступило с предложением о расширении деятельности учреждения на территории Западного Забайкалья. Огромная заслуга в реализации данного проекта принадлежала А.М. Михайловскому, занимавшему в 1893–1903 гг. пост директора Иркутского отделения Государственного банка [Гаврилова, Шахеров,

2019: 76]. Одна из причин, побудившая А.М. Михайловского организовать работу временного отделения в Верхнеудинске, вероятно, заключалась в стремлении улучшить положение дел Иркутского филиала. Вступив в должность в 1893 г., А.М. Михайловский с сожалением констатировал «незначительность оборотов отделения», подчеркивая, что «активные счета не имеют должной жизни, вследствие чего и при значительных вкладах, обременяющих Отделение, вся деятельность его ежегодно сводится к убыткам» [Там же: 24]. Причины неудовлетворительного положения дел крылись, по мнению А.М. Михайловского, в невыгодных условиях кредитования, предлагаемых своим клиентам Иркутским отделением, и конкуренции со стороны частных банков – особенно Сибирского торгового [Там же]. В то же время г. Верхнеудинск, местное бизнес-сообщество которого не было избаловано широким ассортиментом кредитных услуг, представлял собой достаточно широкое поле для деятельности банковского учреждения. Ко всему прочему, наличие в городе ярмарки, проведение которой было ограничено временными рамками – примерно тремя неделями, обостряло проблему ограниченности объемов денежной массы. Зачастую торговые операции на ярмарке осуществлялись посредством примитивного обмена товарами (чаще всего обмену подлежали китайские товары и пушнина) [Паликова, 2015: 102].

Руководство банка после тщательного рассмотрения проекта А.М. Михайловского приняло решение о необходимости его поддержки. В качестве необходимых для ведения дел оборотных средств была ассигнована значительная сумма в размере 500 тыс. руб. в кредитных билетах. Еще 3 тыс. руб. предоставлялись в виде серебряной разменной монеты небольшого номинала. Указанные средства перечислялись согласно специальному циркуляру из фондов Иркутского отделения (см. прил. 4).

Действия временного отделения в г. Верхнеудинске официально были открыты особым циркуляром Главной Канцелярии Государственного банка за № 108 от 17 декабря 1893 г. (см. прил. 5). Все заинтересованные в организации филиала лица были уведомлены специальными публикациями в средствах

массовой информации – Иркутских губернских ведомостях [Там же: л. 5, 8 об] и Восточном обозрении: «Иркутское Отделение Государственного банка сим объявляет, что в г. Верхнеудинск, Забайкальской области, будет открыто на время ярмарки с 15 января по 10 февраля 1894 г. временное Отделение Государственного банка...» [Восточное обозрение, 1883: № 66-67: 8].

Первым управляющим отделения стал директор Иркутского офиса Государственного банка А.М. Михайловский. Кроме него в штате состоял контролер, сотрудник Енисейского (Красноярского) офиса С.В. Карпович, а его коллега Плятер-Плохоцкий исполнял обязанности кассира. Иркутским филиалом командировались двое служащих в качестве помощников контролера и кассира, а также сотрудники на должности счетчика и сторожа [Там же: 23].

Временное отделение Государственного банка оказывало своим клиентам следующие виды услуг (см. табл. 5).

Таблица 5. Операции временного отделения Государственного банка в г. Верхнеудинске (на время действия ярмарки) в 1894-1896 гг. (в руб.) *

Наименование операции	1894	1895	1896
Учет векселей	114279	191605	286867
Ссуды под залог ценных бумаг	15730	15255	1500
Оплата тиражных купонов	2750	1142	1413
Принято на текущие счета	728250	590200	1007665
Отправлено денежных переводов	942103	965525	1343425
Принято денежных переводов	65600	71360	274338
Чистая прибыль отделения	2180	5702	14227

*Таблица составлена по: ГАИО, ф. 154, оп. 1, д. 5, л.31, 53, 62, 62 об.

Как видно из данных таблицы 5, первые годы работы временного отделения были весьма удачны. Предоставляемые учреждением услуги пользовались огромной популярностью среди торгующих на ярмарке. Об этом красноречиво свидетельствует тот факт, что работа отделения производилась круглосуточно – «днем и ночью...» [Там же: л. 62 об]. Хорошо организованная деятельность

сотрудников Верхнеудинского офиса была по достоинству оценена местными предпринимателями, которые выражали «благодарность по случаю открытия означенного отделения...», но вместе с тем отмечали, что «ввиду неурожайных лет и общего недостатка денег, покупателей на ярмарку прибыло меньше обычного, и прошла она сравнительно спокойно [Там же: л. 31, 31 об]. По результатам ярмарки 1894 г. Забайкальские областные ведомости отмечали, что вследствие открытия отделения «торгующее купечество не встречало ни малейших затруднений по переводу денег и учету векселей...» [Там же: л. 45].

Служащие временного отделения тесно сотрудничали с городскими властями Верхнеудинска. Понимая важность работы банка для развития торговли, члены городской управы старались содействовать улучшению работы отделения. В качестве помещения под офис представители муниципалитета предоставили удобное и просторное помещение в доме купца А. Лосева. Располагаясь возле Базарной площади и Гостиных рядов – главных торговых площадей ярмарки, банковский офис был доступен всем желающим воспользоваться его услугами. На аренду помещения ассигновывалась достаточно большая сумма в размере 350 руб. [ГАРБ, ф. 10, оп. 1, д. 1038, л. 16]. Сотрудники отделения обеспечивались всем необходимым для осуществления своей деятельности – канцелярскими принадлежностями, предметами быта, осветительными приборами и прочим имуществом [ГАИО, ф. 154, оп. 1, д. 5, л. 40].

А.М. Михайловский, высоко оценивая работу временного отделения, в сентябре 1894 г. в письме руководству Государственного банка ходатайствовал о выделении 200 руб. на приобретение различных рабочих принадлежностей. По его мнению, в будущем 1895 г. ожидалось увеличение объемов операций Верхнеудинского отделения и предполагаемая прибыль должна была с лихвой покрыть все затраты [Там же: л. 39, 39 об].

Ярмарку в 1895 г. Иркутское отделение проводило уже совместно с Читинским. Как и в прошлом году, управляющим был назначен А.М. Михайловский, прибывший из Иркутска вместе с кассиром Кузнецовым,

счетчиком и сторожем. Читинский офис направил контролера, а также двух сотрудников в качестве помощников кассира и бухгалтера. Сумма выделяемого для обеспечения деятельности отделения капитала не изменилась, составив 500 тыс. руб. кредитными билетами и 3 тыс. руб. мелкой серебряной монетой [Там же: л. 50, 51].

Несмотря на то, что объем некоторых банковских операций показал снижение в сравнении прошлогодними показателями, результаты работы отделения в 1895 г. оказались в целом удачными. Ссуд под залог процентных бумаг было выдано на сумму 15255 руб., т.е. на 474 руб. меньше, чем в прошлом году. Более чем на половину снизились показатели оплаченных купонов, составив всего 1142 руб. На текущие счета принято 590200 руб., снижение составило более 130 тыс. руб. При этом денежных переводов было принято и отправлено больше, чем в прошлом году – 965525 руб. и 71360 руб. соответственно. Операции по учету векселей показали рост более чем на 77 тыс. руб., составив 191605 руб. Данное обстоятельство позволило отделению закончить работу с более чем двукратным ростом прибыли – 5702 руб. (см. табл. 5).

Ярмарку 1896 г. обслуживали уже практически полностью сотрудники Читинского отделения Государственного банка. Управляющим был назначен директор этого отделения Д.М. Позняков, прибывший совместно с бухгалтером, кассиром, счетчиком и сторожем. Иркутским отделением были направлены для работы во временном отделении контролер и помощник кассира. При этом впервые официально специальным циркуляром устанавливался фиксированный размер жалования сотрудникам, исполняющим свои обязанности во время работы отделения в Верхнеудинске. Управляющий получал 600 руб., контролер – 400 руб., бухгалтер и кассир по 250 руб., помощник кассира – 150 руб. Вознаграждение счетчика составляло 60 руб., сторожа – 40 руб. Размер операционного капитала отделения не претерпел изменений – 500 тыс. руб. кредитными билетами и 3 тыс. руб. серебром [Там же: л. 60, 60 об]. Кроме того, банк оплачивал сотрудникам суточные, прогонные и подъемные. Размер

последних колебался в зависимости от ранга сотрудника и составлял от 400 до 120 руб. [Там же: д. 21, л. 2].

Самым удачным в работе временного отделения Государственного банка в Верхнеудинске стал 1896 г. Показатели учета векселей превысили прошлогодние более чем на 50%, составив 286867 руб. На текущие счета поступила рекордная сумма в 1007665 руб. – свыше 71% по сравнению с 1895 г. Денежных переводов было принято и отправлено – 1343425 руб. и 274388 руб., что так же значительно превышало аналогичные показатели прошлого года. Чистая прибыль временного Верхнеудинского филиала банка составила 14227 руб. (см. табл. 5).

В последующем доходность отделения оставалась достаточно высокой, хотя показатели 1896 г. уже никогда не были достигнуты. В 1897 г. прибыль составила 12329 руб., в 1898 г. наблюдалось падение доходов до 7 тыс. руб. Ситуация выправилась в 1899 г., когда филиалом было заработано 10391 руб. [Из века в век..., 2012: 24].

Особо следует отметить помощь, оказанную сотрудникам банка верхнеудинскими городскими властями. Кроме предоставления удобного помещения для размещения отделения служащие городской управы регулярно отправляли в адрес управляющего отделением данные об оборотах ярмарки, номенклатуре товаров и списки купцов [Там же: д. 5, л. 32, 34, 35, 36, 44, 44 об, 58, 59]. Полученная информация была необходима руководству банка для оценки деятельности отделения и разработки стратегии его работы на будущий год.

Таким образом, к началу XX столетия временное отделение Государственного банка в Верхнеудинске представляло собой успешную и динамично развивающуюся кредитную организацию. Несомненно, его деятельность в целом оказала положительное влияние на экономическое развитие Западного Забайкалья. Банк несказанно облегчил расчетные операции между покупателями и продавцами, предоставив столь необходимые наличные средства. Ценными для экономики Западного Забайкалья стали не только учетно-ссудные операции и переводы средств, но и приобретенный опыт практической работы,

позволивший предпринимателям региона наглядно познакомиться с тонкостями банковского рабочего процесса.

Согласно ст. 60 устава Государственного банка при его конторах и отделениях открывались специальные учетно-ссудные комитеты, в чьем ведении находились такие вопросы, как определение размера кредита, который мог быть открыт частным лицам, фирмам и учреждениям, оценка благонадежности предъявляемых к учету векселей, закладов и залогов по ссудам. Комитеты определяли рентабельность дела, на развитие которого брался кредит. Члены учетно-ссудных комитетов, за исключением директоров-управляющих и контролеров, не были сотрудниками банка, его состав комплектовался из числа грамотных и авторитетных местных торговцев и промышленников [ПСЗРИ, 1898, т. 14: 417–418].

Не стала исключением и деятельность учетно-ссудного комитета временного отделения Государственного банка в Верхнеудинске. Непосредственное участие местных купцов и промышленников в составе учетно-ссудного комитета в рабочем процессе банковского отделения заложило основу для создания в регионе собственных финансово-кредитных институтов. Наиболее ярким примером служит личность верхнеудинского купца 2-й гильдии П.Т. Трунева. Благодаря опыту, полученному за время службы в составе учетно-ссудного комитета, П.Т. Трунев после первого же года работы пришел к выводу о крайней необходимости организации постоянного агентства банка в городе [ГАРБ, ф. 10, оп. 1, д. 1178, л. 15, 16]. 25 февраля 1895 г. им было подано на имя городского головы А.В. Овсянкина заявление о возбуждении ходатайства перед Правительством Российской империи об открытии в г. Верхнеудинске постоянно действующего офиса Государственного банка [Там же: д. 1038, л. 1]. Предложение П.Т. Трунева было активно поддержано членами городской думы. Более того, собравшимися членами Думы было внесено существенное изменение в проект П.Т. Трунева: вместо предлагаемого к открытию в Верхнеудинске агентства Государственного банка было решено ходатайствовать о создании

полноценного отделения. По мнению собравшихся, формат агентства не отвечал в полной мере потребностям экономики региона. Члены думы решили, что «открытие в Верхнеудинске агентуры Государственного банка как производящей банковские операции в незначительном размере, далеко не удовлетворит потребности местного населения в кредите» и, следовательно, «более целесообразно ходатайствовать об открытии в Верхнеудинске постоянного отделения Государственного банка» [Там же: л. 12, 12 об].

27 марта 1895 г. Верхнеудинская городская дума отправила письмо на имя военного губернатора Забайкальской области Е.О. Мацеевского с просьбой ходатайствовать перед властями империи об открытии в городе постоянного отделения Государственного банка [Там же: л. 15]. Однако прошение городской думы не встретило понимания и поддержки в Правлении Государственного банка Российской империи. Отказ мотивировался тем, что «в империи имеется еще много пунктов, которые по торговому своему значению ощущают более настоятельную необходимость в открытии Банка» [Кальмина, 2011: 95]. Правление Государственного банка подчеркнуло провинциальность Верхнеудинска и его низкий экономический статус в глазах официального Петербурга [Там же]. Таким образом, усилия верхнеудинских городских властей оказались напрасны.

Наряду с вышеуказанными положительными результатами имелись и слабые стороны в деятельности временного отделения Государственного банка в Верхнеудинске. Главным минусом являлся крайне малый срок работы банковского офиса, ограничивающийся временем проведения ярмарки. В остальное время года предприниматели Западного Забайкалья были вынуждены прибегать к услугам иногородних банков, что ввиду удаленных расстояний негативно отражалось на их деятельности. Для стабильного и уверенного роста экономике Западного Забайкалья требовалась постоянно действующая кредитная организация. Тем не менее, в XX столетие временное отделение

Государственного банка вступало в ранге лидера банковской системы Западного Забайкалья.

Ликвидация ссудной кассы при Верхнеудинской городской управе (1893–1900 гг.). Попытка создания ссудной кассы Е.И. Голдобино-Кукель (1895 г.)

Почти одновременно с успешным началом работы временного отделения Государственного банка в Верхнеудинске финансовая система Западного Забайкалья получила серьезный удар. За год до открытия действий филиала Госбанка в Верхнеудинске начались события, которые привели к ликвидации старейшего из действовавших на территории региона финансово-кредитного института – ссудной кассы при Верхнеудинской городской управе (о деятельности данного учреждения ранее шла речь во втором параграфе настоящего исследования). Она была создана на пожертвованный согласно условиям завещания верхнеудинского купца 1-й гильдии А.М. Курбатова капитал и открыла свои действия в 1872 г. Касса занималась выдачей небольших (не более 300 руб.) ссуд мещанам Верхнеудинска.

Длительное время касса действовала на полуполюгальной основе. Учреждение, выдававшее кредиты населению, не имело собственного устава и вообще каких-либо правоустанавливающих документов. В 1893 г. городская управа пришла к мысли о необходимости придания ссудной кассе официального статуса и разработки для регулирования ее деятельности устава, о чем было направлено прошение в городскую думу Верхнеудинска [ГАРБ, ф. 10, оп. 1, д. 964, л. 2 об]. На состоявшемся 10 августа 1893 г. заседании городская дума поддержала проект управы и поручила городскому голове А.В. Овсянкину направить военному губернатору Забайкальской области прошение о ходатайстве перед властями империи об утверждении устава кассы [Там же: л. 3–5].

2 сентября 1893 г. прошение в адрес военного губернатора Е.О. Мациевского было направлено. 19 января 1894 г. пришел ответ, в котором Е.О. Мациевский просил членов городской думы уточнить некоторые

принципиальные моменты – почему данный капитал, завещанный на благо верхнеудинских мещан, находится в распоряжении городских властей, а не мещанского общества? Как относятся члены мещанского общества к проекту ссудной кассы, каков доход их общества, на каких основаниях городские власти тратят средства на свое содержание, если они предназначены исключительно на цели благотворительности [Там же: л. 11, 12, 13]? Схожие вопросы возникли и у управляющего Забайкальской казенной палатой коллежского асессора Офросимова, чье согласие так же требовалось для учреждения ссудной кассы. Как руководителя налогового ведомства, его интересовали вопросы, связанные с происхождением и размером капитала, предназначенного для открытия ссудной кассы [Там же: л. 37, 37 об, 42].

Городские власти постарались ответить на вопросы военного губернатора и налоговых органов, однако вскоре возник спор между городской управой и мещанским обществом о том, кому принадлежит капитал, завещанный А.М. Курбатовым. Ситуацию усугубляли аналогичные события, происходившие в соседнем Иркутске, где в 1892–1893 гг. шел активный спор, вылившийся в судебный процесс, между иркутскими городскими властями и местным мещанским обществом. Предметом разногласий выступали право собственности на часть Арсенальной площади и соответственно на доходы, формирующиеся из арендных платежей с расположенных в ее пределах торговых мест [Там же: л. 20, 20 об].

Дело о деятельности ссудной кассы при Верхнеудинской городской управе затянулось на годы. В июне 1904 г. все еще шел поиск компромисса между городскими властями и мещанским обществом [Там же: л. 57, 57 об], при этом ссуды из средств пожертвованного Курбатовым капитала прекратили выдавать еще в 1900 г. [Там же: л. 54]. Предположительно, в последующем верхнеудинские власти передали средства Курбатовского капитала в распоряжение мещанского общества, а от проекта создания ссудной кассы отказались [Молонова, 2017: 34].

Таким образом, причиной ликвидации судной кассы при Верхнеудинской управе стало небрежное отношение городских властей к оформлению правоустанавливающих документов. Несмотря на скромные размеры своей деятельности, ссудная касса при Верхнеудинской управе смогла войти в историю банковской системы Западного Забайкалья как первое в регионе учреждение мелкого кредита.

Процесс тяжбы за капитал ссудной кассы при Верхнеудинской управе происходил на фоне попытки частного лица создать аналогичное по своим функциям учреждение. В 1895 г. вдова верхнеудинского купца 1-й гильдии И.Ф. Голдобина потомственная почетная гражданка Е.И. Голдобина-Кукель решила создать богадельню и ссудную кассу в г. Верхнеудинске. Супруги Голдобины имели репутацию известных городских меценатов, они содержали на свои средства Верхнеудинскую и Киренскую женские прогимназии, а также церковно-приходскую школу в предместье Верхнеудинска [Тригуб, 2009: 84].

Прошение Е.И. Голдобиной-Кукель об учреждении богадельни «для призрения безродных, неимущих, престарелых, слепых и увечных граждан обоего пола» было направлено в адрес верхнеудинской городской управы 24 апреля 1895 г. Согласно проекту, в качестве обеспечения содержания богадельни Голдобина-Кукель предлагала внести капитал в размере 15000 руб. с целью организации при городской управе ссудной кассы «для выдачи капиталов в ссуды под векселя или разные залогов» [ГАРБ, ф. 10, оп. 1, д. 1026, л. 1]. На доходы от деятельности этой ссудной кассы и предполагалось содержание богадельни. Ссуды предполагалось выдавать желающим под 6% годовых. На полученные в результате деятельности кассы доходы планировалось содержать кассу, а 5% прибыли направлять на нужды богадельни. Необходимо отметить, что богадельня на тот момент уже функционировала, оказывая помощь 14 постояльцам [Там же]. Денежные средства, запланированные в качестве капитала ссудной кассы, Е.И. Голдобина-Кукель разместила в облигациях государственного казначейства [Там же: л. 18, 18

об]. Со стороны городской управы требовалось разработать устав кассы и заняться прочими организационными вопросами [Там же: л. 14].

С реализацией проекта возникли сложности. Условием Е.И. Голдобиной-Кукель о капитале на учреждение кассы было то, что средства передавались в распоряжение городских властей после ее смерти. До этого момента деньги и доход от работы кассы поступал бы в ее распоряжение [Там же: л. 18, 18 об]. Данное обстоятельство не устраивало городские власти. Городская управа тормозила вопрос разработки устава, ссылаясь на появившиеся сомнения относительно рентабельности дела [Там же: л. 12]. И хотя верхнеудинская городская дума, обсудив на заседании 10–11 сентября 1896 г. завещание Е.И. Голдобиной-Кукель, с благодарностью приняла ее предложение, однако дело с организацией кассы замерло на месте [Тригуб, 2009: 67]. Стороны так и не пришли к компромиссу. Богадельня продолжила свою деятельность и в 1906 г. со всеми дворовыми и служебными постройками и инвентарем перешла в собственность города. Спустя некоторое время верхнеудинская городская дума приняла устав богадельни-приюта. Однако установить, каким образом производилось ее финансирование до 1906 г., пока не удалось.

Таким образом, предпринятые в конце XIX в. две попытки организации на территории Западного Забайкалья учреждений мелкого кредита – ссудных касс – не увенчались успехом. Причины неудачи заключались в возникших спорах между городскими властями, с одной стороны, и мещанским обществом и Е.И. Кукель, с другой, относительно прав и обязанностей, связанных с уставным капиталом будущих ссудных касс. Возможно, столь сильное нежелание владельцев капитала отдавать его под контроль муниципальных органов Верхнеудинска может быть объяснено их опасениями за указанные средства. Причина этих опасений, вероятно, заключалась в получившей широкую известность истории о недобросовестных действиях муниципальных властей в отношении Верхнеудинского городского общественного банка, о чем подробно написано во втором параграфе настоящего исследования. И Е.В. Голдобина-

Кукель, и члены мещанского общества имели все основания для некоторых опасений, что, получив под контроль средства на создание ссудных касс, муниципальные власти смогут использовать их на городские нужды.

Роль Транссибирской железнодорожной магистрали в формировании банковских учреждений в Западном Забайкалье. Открытие отделений Русско-Китайского банка в Верхнеудинске и Кяхте (1898).

На протяжении более чем половины столетия – со времени подачи прошения кяхтинских купцов о разрешении на открытие городского общественного банка в 1844 г. и почти до самого окончания XIX в. – процесс создания системы кредитных организаций в Западном Забайкалье осуществлялся усилиями исключительно частных лиц. Благодаря трудам и стараниям местных предпринимателей был открыт первый на территории региона полноценный банк в Верхнеудинске и появилась ссудная касса. Однако без действенной государственной поддержки данные усилия не привели к достижению желаемого результата в виде создания развитой сети финансово-кредитных институтов. Власти страны долгие десятилетия игнорировали просьбы местных торговцев и предпринимателей об открытии в Западном Забайкалье постоянного отделения Государственного банка. Не проявляли интерес к региону крупные акционерные коммерческие и земельные банки. Протяженные расстояния и отсутствие быстрого транспортного сообщения с европейской частью империи делали территорию Западного Забайкалья малопривлекательной в глазах серьезных кредитных организаций. Все изменилось в 1890-е гг.

Последнее десятилетие XIX в. стало временем кардинальной смены вектора российской внешней политики в сторону Азиатско-Тихоокеанского региона. Этому способствовало то, что в результате масштабных геополитических процессов прежние зоны активности для русской экспансии были закрыты. На европейском, черноморском, закавказском и среднеазиатском направлениях Российская империя достигла предела границ своих притязаний. Стремительно

развивающиеся промышленность и торговля требовали новых рынков сбыта продукции и источники сырья. Завершившийся к концу XIX столетия колониальный раздел мира оставил для российской экспансии всего два потенциальных района – Иран и Китай. Правительство Российской империи рассматривало территорию находящейся в кризисном состоянии Цинской империи перспективным направлением. Доступ в страны Азиатско-Тихоокеанского региона с их дешевой рабочей силой, месторождениями полезных ископаемых и незамерзающими портами выглядел крайне заманчивой целью для правящих кругов Российской империи. К тому же в процессе продвижения в сторону Тихого океана можно было достичь еще одного важного результата – провести модернизацию малоразвитых дальневосточных и сибирских регионов страны. Одной из таких территорий было Западное Забайкалье.

Главным инструментом в процессе продвижения державы на Дальний Восток выступал самый грандиозный инфраструктурный проект имперской России – Великий Сибирский путь (1891–1916 гг.) Как отмечал в своей работе Б.А. Романов, Великий Сибирский путь «явился основным фактом во внешней политике» империи, обеспечивая ее вхождение в «в сферу международного экономического и политического соперничества в Тихом океане» [Романов, 1928: 3–4]. Связывание европейской и азиатской частей страны посредством железнодорожного сообщения привело не только к интеграции хозяйства регионов России в общеимперское экономическое пространство. Вместе с прокладкой железной дороги в сибирские и дальневосточные области губернии началась полномасштабная экспансия финансового капитала. Крупнейшие банки стремительно открывали новые филиалы в регионах и направляли туда своих агентов. Наиболее активной и масштабной была экспансия Русско-Китайского банка (1896–1910 гг.), чему способствовал целый ряд причин.

История Русско-Китайского банка берет свое начало 10 декабря 1895 г. с момента утверждения устава учреждения императором Николаем II [ПСЗРИ,

1899, т. 15: 698–707]. Главным инициатором его организации был министр финансов Российской империи С.Ю. Витте. 14 июля 1895 г. им был представлен императору Николаю II проект о создании совместно с представителями крупнейших французских банков особого финансово-кредитного института, действующего на территории Китая [Лукоянов, 2008: 164]. Данный проект стал результатом дипломатических усилий С.Ю. Витте, удачно воспользовавшегося поражением Китая в войне с Японией (1894-1895 гг.) Согласно условиям Симоносекского договора (5 апреля 1895 г.) правительство Цинской империи помимо территориальных уступок было обязано выплатить Японии огромную контрибуцию – около 140 млн. руб. [Романов, 1928: 86]. Не имея в своем распоряжении столь значительной суммы, китайские власти были вынуждены прибегнуть к займу недостающих средств за рубежом. С.Ю. Витте, пользуясь своими связями с представителями французских банков, смог организовать получение у них Китаем под гарантии России кредита в размере 100 млн. руб. [Там же: 86–90]. Одним из условий, обеспечивающих выплату Китаем долга, стало открытие Русско-Китайского банка [Crisp, 1974: 197].

Создание банка проходило при активнейшем участии ряда ведущих французских кредитных организаций – Лионский кредит, Готтинер и Ко, Парижская национальная учетная контора, Парижский и Нидерландский банк. Со стороны России участие в проекте принял Санкт-Петербургский Международный коммерческий банк [Устав..., 1895: 3–4].

Штаб-квартира банка располагалась в Санкт-Петербурге [Там же: 3]. Первое собрание акционеров банка состоялось 9 января 1896 года [Лукоянов, 2008: 168]. Первоначально в уставном капитале банка, составлявшем 6 млн. руб., на долю французских участников приходилось $\frac{5}{8}$, оставшиеся $\frac{3}{8}$ принадлежали России [Crisp, 1974: 200]. Однако уже с 1898 г., когда капитал банка был увеличен до 9 млн. руб., Государственным банком Российской империи были выкуплены и включены в свой портфель все 12000 новых акций, что позволило ему стать мажоритарным акционером. С тех пор представители России занимали ведущие

позиции в управлении банком. Как отмечает К. Яго, поскольку «в управлении Русско-Китайским банком преобладали русские интересы», банк «состоялся не как французский, а как русский международный банк» [Яго, 2012: 297].

Руководство Российской империи намеревалось с помощью Русско-Китайского банка помимо обслуживания китайского долга решить ряд дополнительных задач в деле продвижения влияния империи в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Банк здесь выступал не как коммерческое предприятие, а как инструмент внешней политики России. По условиям заключенного 22 мая 1896 г. союзного договора между Российской империей и Цинским Китаем предусматривалась прокладка железнодорожного пути (Китайско-Восточная железная дорога – КВЖД) по территории Маньчжурии [Сборник договоров..., 1952: 293]. Российская сторона предложила китайскому посланнику Ли Хунчжану передачу концессии на ее постройку напрямую правительству империи, на что представитель Китая ответил категорическим отказом. В итоге стороны пришли к консенсусу, согласно которому прокладка и эксплуатация КВЖД возлагалась на Русско-Китайский банк [Романов, 1928: 111]. По условиям заключенного 27 августа 1896 г. в Берлине контракта на постройку и эксплуатацию КВЖД Русско-Китайский банк, а, следовательно, и Российская империя получали значительные льготы [Сборник договоров..., 1952: 297–298]. Приобретать акции Общества Китайско-Восточной железной дороги, основанного банком в целях строительства и контроля КВЖД, могли только подданные России и Китая. Государственные земли и добываемые полезные ископаемые, необходимые для производства строительных материалов, используемых в процессе постройки и эксплуатации КВЖД, передавались Обществу безвозмездно. Ему предоставлялось право безусловного и исключительного управления своими территориями. На землях, принадлежащих Обществу, разрешалось возводить различные постройки, в том числе и собственную телеграфную линию. Доходы от перевозки товаров и пассажиров, а также средства, полученные за предоставляемые Обществом услуги телеграфной связи, не подлежали обложению налогом. Товары, ввозимые по

КВЖД в Китай и вывозимые в Россию, облагались пошлиной на треть меньше пошлины, взимаемой на китайских морских таможнях [Там же: 298–301].

Благодаря действиям С.Ю. Витте основной пакет акций Общества КВЖД был подконтролен правительству России [Романов, 1928: 119–125]. Посредством Русско-Китайского банка Российская империя получила в сферу своего влияния значительные территории и доступ на внутренний рынок Китая. По замыслу российского министра финансов, Русско-Китайский банк должен служить укреплению экономического влияния России в Китае, составив успешную конкуренцию представителям Британской империи [Там же: 90]. Согласно уставу, банк декларировал «своим исключительным назначением поддержку торговых сношений с государствами Восточной Азии» [Устав..., 1895: 10]. Для достижения этих целей банк получил ряд полномочий, не свойственных обычной кредитной организации. Например, Русско-Китайский банк имел право покупать и продавать различные товары, участвовать в концессиях на постройку в пределах Китая железных дорог и проведение телеграфных линий, предоставлять своим клиентам услуги по страхованию их имущества, а также приобретать и реализовывать в своих интересах объекты недвижимости [Устав..., 1895: 10–14]. Более того, частный иностранный банк мог выпускать китайские денежные знаки [Zhaojin, 2003: 70]. Часть чистой прибыли, вырученной от операций банка, совершенных за границей его отделениями, не подлежала налоговому обложению [Устав..., 1895: 35–36]. Во многом благодаря столь выгодным условиям, Русско-Китайский банк в первые восемь лет своей деятельности смог достичь отличных результатов. Общий оборот учреждения вырос с 782 млн. руб. в 1896 г. до свыше 14 млрд. руб. в 1903 г., прибыль банка за это время выросла со 184 тыс. руб. до практически 2,5 млн. руб. [Отчет Русско-Китайского..., 1906: 18].

В организационном плане внутренняя структура Русско-Китайского банка не отличалась от устройства любого другого финансово-кредитного института. В роли основополагающего органа выступало Общее собрание акционеров банка, собиравшееся обычно раз в год. Основные функции Общего собрания

заклучались в выборе членов Правления, за исключением его первого состава, избранного учредителями, и утверждение годовых отчетов. Органом, обеспечивающим управление делами банка, выступало Правление в составе девяти членов, избираемых на три года. По истечению этого срока ежегодно (в течение трех лет) трое членов Правления слагали свои полномочия и их место занимали новоизбранные участники. После указанного срока ежегодно выбывали трое членов Правления по старшинству избрания. Во главе Правления находился Председатель, избранный его членами сроком на один год. Решение вопросов, связанных с деятельностью Правления, проводилось посредством голосования, для чего требовалось присутствие не менее трех членов. В случае спорных ситуаций голос Председателя становился решающим [Устав..., 1895: 21–31].

Согласно внутренней структуре учреждения все отделения Русско-Китайского банка подразделялись на группы, во главе которых находился наиболее крупный офис. Например, в группе среднеазиатских филиалов, куда входили представительства банка, расположенные в Коканде, Ташкенте, Бухаре, Асхабаде, Маргелане, Верном (Алма-Ата), Андижане, Кульдже, Кашгаре, Батуме и Намангане, центральным считалось Самаркандское отделение [Алимджанов, 2020: 172]. Подчиненные главному филиалу отделения группы должны были составлять и отправлять регулярные отчеты о результатах своей работы [ГАРБ, ф. 224, оп. 1, д. 18. л. 6]. Главный офис занимался разработкой и рассылкой шифровальных ключей, использовавшихся для проведения внутренних операций в подотчетных ему отделениях [Там же: д. 13, л. 49]. Руководящий офис группы зачастую занимался обеспечением подчиненных ему отделений различным инвентарем, необходимым для осуществления их повседневной деятельности [Там же: д. 1, л. 20, 26, 30 об].

К 1898 г. Русско-Китайский банк располагал сетью из 19 отделений и агентств, расположенных на территории России, Франции, Китая и Японии. Одними из первых представительств учреждения появились на территории Западного Забайкалья – в Верхнеудинске и Кяхте [Яго, 2012: 307].

Таким образом, в конце XIX столетия на территории Западного Забайкалья впервые появились постоянно действующие кредитные организации, являющиеся частью мощного и обладающего огромными ресурсами банка. Местные торговцы и промышленники получили доступ к самым современным банковским услугам в области кредитования их бизнеса. Появление постоянных офисов Русско-Китайского банка способствовало интеграции местных торговли и промышленности в общероссийское экономическое пространство. Деятельность банка существенно облегчала ведение бизнеса местным предпринимателям в странах Внутренней Азии.

Все вышеперечисленное стало возможным благодаря сменившемуся в сторону Дальнего Востока геополитическому вектору империи. Впервые в истории банковской системы Западного Забайкалья в процесс ее развития наряду с частной инициативой пришла реальная поддержка со стороны государства. Это и предопределило успех в деле создания в регионе собственных кредитных организаций

На данный момент пока еще не удалось установить точную дату открытия на территории Западного Забайкалья Верхнеудинского и Кяхтинского филиалов Русско-Китайского банка. Наиболее раннее дело из фондов Государственного архива Республики Бурятия датировано осенью 1898 г. [ГАРБ, ф. 224, оп. 1, д. 1]. В документе из хранилищ Российского государственного исторического архива имеется упоминание о дате поступления на службу директора Верхнеудинского отделения П.Т. Трунева – 1 февраля 1897 г. [РГИА, ф. 630, оп. 1, д. 332, л. 10]. Вероятно, в 1897 г. банк проводил на территории Западного Забайкалья подготовительные мероприятия для открытия офиса учреждения, а полноценная работа началась с 1898 г.

Организационно Верхнеудинское и Кяхтинское агентства первые два года своей деятельности относились к Владивостокской группе отделений Русско-Китайского банка. Об этом свидетельствуют отчетные телеграммы, отправляемые из Верхнеудинска во Владивосток. В послании от 20 ноября 1898 г. говорится, что

в Верхнеудинском агентстве в период с 1 по 19 число указанного месяца было учтено векселей на сумму в 23185 руб. [ГАРБ, ф. 224, оп. 1, д. 1, л. 22]. Обеспечение офиса банка в Верхнеудинске необходимыми материалами производилось путем самостоятельных заказов в Иркутске. В частности, в ноябре 1898 г. в адрес Иркутской губернской типографии поступило письмо из Верхнеудинского агентства Русско-Китайского банка с просьбой напечатать и прислать счетные книги и вексельные бланки [Там же: л. 20].

Первоначально, как уже упоминалось выше, в Кяхте и Верхнеудинске были созданы не полноценные представительства-отделения Русско-Китайского банка, а агентства. В отличие от отделений, располагавших штатом сотрудников и оказывавших весь спектр банковских услуг, устройство и полномочия агентств были ограничены. Штат их состоял, как правило, из агента и нескольких служащих – помощника и письмоводителя. Обязанности агента возлагались на одного из местных должностных лиц [Устав..., 1894: 24]. В Западном Забайкалье, по всей видимости, ими стали местные известные купцы и будущие директора Кяхтинского и Верхнеудинского отделений – И.Д. Сеницын и П.Т. Трунев. На агентства возлагалось проведение простейших банковских операций. Их главной задачей был сбор данных о местном финансовом рынке и перспективах его развития [Там же].

К сожалению, имеется слишком мало данных о первых годах работы Верхнеудинского и Кяхтинского агентств Русско-Китайского банка. Можно предположить, что они смогли добиться неплохих успехов в своей деятельности, доказательством чему служат данные показателей Владивостокской группы в целом (см. табл. 6).

Таблица 6. Результаты деятельности Владивостокской группы отделений Русско-Китайского банка в 1898–1899 гг. (в руб.) *

Наименование показателя	1898	1899
Общий оборот	226543435	583511461

Приход кассы	54079357	94774251
Вклады и текущие счета	21492108	24661730
Прибыль	410537	306599

*Таблица составлена по: Отчет Русско-Китайского..., 1899: 9–14; Отчет Русско-Китайского..., 1900: 8–13.

Как демонстрируют данные таблицы 6, с 1898 по 1899 гг. отделения и агентства Владивостокской группы добились значительных результатов. Общий оборот группы вырос более чем в два раза, значительно увеличились средства кассы и показатели депозитарных и текущих счетов. Значительное, более чем на 100 тыс. руб., снижение прибыли группы объясняется ростом текущих расходов – со 160 тыс. руб. в 1898 г. [Отчет Русско-Китайского..., 1899: 2] до 221 тыс. руб. в 1899 г. [Отчет Русско-Китайского..., 1900: 2]. На уменьшении доходности группы отразилось снижение прибыли по курсовым операциям с иностранными векселями, валютой, слитками драгоценных металлов. Если в 1898 г. доход группы равнялся свыше 100 тыс. руб. [Отчет Русско-Китайского..., 1899: 13], то показатели за 1899 г. составили всего 74 тыс. руб. [Отчет Русско-Китайского..., 1900: 12].

Несомненно, в столь успешном развитии Владивостокской группы отделений Русско-Китайского банка имела немалая заслуга его Кяхтинского и Верхнеудинского агентств. Это подтверждает тот факт, что уже в 1900 г. Верхнеудинское и Кяхтинское агентства были повышены в статусе до полноценных отделений [Отчет Русско-Китайского..., 1900: Доклад: 1]. В тот же год Верхнеудинское и Кяхтинское отделения вошли в Иркутскую группу филиалов учреждения, где состояли еще два офиса учреждения – в самом Иркутске и Витиме [Там же: 19]. Именно в составе этой группы отделения Русско-Китайского банка в Западном Забайкалье смогли развернуть полномасштабную деятельность на территории региона в XX столетии.

Подводя итоги третьего этапа (1890-е гг.) в истории формирования банковской системы Западного Забайкалья можно сделать следующие выводы:

1. 1890-е гг. стали для банковской системы Западного Забайкалья временем перехода на качественно новый уровень развития. Вместо единственной кредитной организации с крайне малым ресурсом и возможностями в лице ссудной кассы при Верхнеудинской городской управе в регионе появились представительства крупнейших банков Российской империи – Государственного и Русско-Китайского. Все это стало возможным благодаря появлению реальной государственной поддержки в процессе создания региональной банковской системы.

2. Деятельность временного отделения Государственного банка, хоть и существенно ограниченная временем проведения ярмарки, смогла оказать заметное влияние на развитие местной торговли. Одним из результатов работы отделения стала подготовка в составе его учетно-ссудного комитета будущих строителей банковской системы Западного Забайкалья.

3. Открытие постоянных отделений Русско-Китайского банка в Кяхте и Верхнеудинске стало эпохальным событием в истории региональной экономики. Купцы и промышленники Западного Забайкалья получили возможность с помощью услуг, предоставляемых банком, значительно улучшить показатели своей деятельности, в том числе на территории Китая и Монголии.

4. Появление филиалов Государственного и Русско-Китайского банков на территории Западного Забайкалья стало возможным благодаря смене вектора внешней политики Российской империи в сторону Азиатско-Тихоокеанского региона. Попутно власти империи решали проблему развития отдаленных азиатских областей и губерний. Главными инструментами в этом процессе были Транссибирская железнодорожная магистраль и банки.

5. Работа отделений Государственного и Русско-Китайского банков оказала влияние на развитие местной экономики. В 1885 г. в г. Верхнеудинске функционировало семь фабрик, на которых работало 19 человек. Стоимость

выпущенной продукции составила 42 тыс. руб. [Обзор..., 1886: Ведомость 2]. В 1903 г. в городе насчитывалось уже 23 предприятия, которые произвели продукции на 172 тыс. руб. Число рабочих составило 142 чел. Наиболее крупной городской фабрикой стал валенко-пимокатный завод, где трудились 50 человек [Обзор..., 1903: Ведомость 5]. Несмотря на то, что указанные предприятия все еще были технически слабо оснащенными и задействовали небольшое количество рабочей силы, шел уверенный процесс их развития.

В указанный период заметно возросли объемы торговых оборотов. В 1890 г. в Российскую империю через Кяхту было ввезено товаров на сумму 3 млн. 800 тыс. руб. [Обзор..., 1891: 8]. В 1902 г. эта показатели увеличились более чем в два раза – до 8 млн. 400 тыс. руб. [Обзор..., 1903: 53] Несомненно, в значительной мере рост торговых оборотов был обусловлен активизацией предпринимательской активности регионального купечества, получившего надежную финансовую поддержку со стороны местных кредитных организаций.

* * *

Таким образом, на протяжении первого периода – конец XVIII–XIX вв. – шло становление и формирование сети кредитных организаций в Западном Забайкалье. Медленные темпы этого процесса обуславливались рядом причин – поздним началом строительства российской банковской системы, медленным распространением финансово-кредитных институтов на территории азиатских областей станы, особенностями ведения торговли с сопредельными странами. Немаловажное значение имел тот факт, что практически все попытки инициативных лиц создать на территории Западного Забайкалья собственные кредитные организации происходили в неподходящее для этого время: то случалось стихийное бедствие (пожар 1845 г. в Кяхте), то наступал экономический кризис (начало 1880-х гг.).

В данный период сформировались особые отличительные черты банковской системы региона. Первая особенность заключалась в ее зависимости от внешнеполитических интересов России в отношении Китая, вторая – в

превалировании частной инициативы над государственными усилиями. Именно представители местного предпринимательства практически весь XIX в. инициировали создание собственной банковской системы Западного Забайкалья. К сожалению, долгое время эти старания были безуспешны.

По-настоящему активно и успешно банковская система региона стала формироваться лишь в 1890-е гг., когда инициатива частных лиц получила реальную поддержку со стороны государства. Созданные в этот период кредитные организации стали основой банковской системы региона, продолжившей успешное развитие в начале XX в. Причина этого заключалась в смене геополитического вектора Российской империи в направлении стран Азиатско-Тихоокеанского региона. Механизмами проведения ускоренной модернизации отдаленных сибирских и дальневосточных районов державы стали строительство Транссибирской железнодорожной магистрали и расширение сети имперских банков, надежно связавших экономическое пространство огромной страны. Именно Великий Сибирский путь принес на территорию Западного Забайкалья филиалы крупнейших российских финансово-кредитных институтов, предоставивших торгово-промышленному сектору столь необходимые современные банковские продукты. Благодаря их усилиям местная банковская система смогла вступить в XX столетие, совершив переход на качественно иной уровень своего развития.

ГЛАВА 2. СПЕЦИФИКА РАЗВИТИЯ БАНКОВСКОЙ СИСТЕМЫ ЗАПАДНОГО ЗАБАЙКАЛЬЯ В 1900–1917 ГГ.

2.1. Особенности банковской системы региона в начале XX в. Роль финансово-кредитных институтов в продвижении российского влияния в страны Внутренней Азии

*Отделения Русско-Китайского банка в Западном Забайкалье
(1900–1910 гг.) – экономический мост России в Монголию*

В XX столетие финансово-кредитная система Российской империи вступила на волне успеха. Экономический подъем 1890-х гг., сопровождавшийся ростом деловой активности и промышленного производства, способствовал увеличению спроса на кредитные услуги. Центральным элементом системы кредитных организаций страны в конце XIX в. стали акционерные коммерческие банки. К 1900 г. насчитывалось 42 учреждения, опиравшихся на разветвленную сеть филиалов. В 1904 г. насчитывалось 268 офисов [Петров, 2010: 27]. Одним из наиболее динамично развивавшихся банков был Русско-Китайский, располагавший к 1902 г. 41 отделением [Отчет Русско-Китайского..., 1902: Доклад Правления].

Как уже говорилось в первой главе настоящего исследования, на территории Западного Забайкалья Русско-Китайский банк открыл в 1898 г. два своих агентства – в Верхнеудинске и Кяхте. С 1900 г. благодаря успешной работе указанные офисы учреждения были повышены в статусе до уровня отделений. В организационном плане филиалы вошли в состав группы, где помимо них состояли (по данным на 1904 г.) отделения, учрежденные в Бийске, Бодайбо, Красноярске, Иркутске [Отчет Русско-Китайского..., 1905: 8–9]. Центральный офис группы располагался в Иркутске, откуда рассылались шифровальные ключи для операций с чеками и аккредитивами [ГАРБ, ф. 224, оп. 1, д. 13, л. 49].

Во главе Верхнеудинского и Кяхтинского отделений Русско-Китайского банка находились известные местные предприниматели. Управляющим Кяхтинского филиала был потомственный купец 1-й гильдии И.Д. Сеницын, в доме которого и располагался офис учреждения [Barzini, 1907: 298–299] (см. прил. 6). Верхнеудинское отделение банка располагалось в доме его директора-управляющего – купца 2-й гильдии П.Т. Трунева [Плеханова, Ширапов, 2019: 208] (см. прил. 7,8).

Материально-техническое обеспечение отделений находилось на достаточно высоком уровне. Согласно данным от 1 августа 1910 г. в офисе Верхнеудинского филиала банка имелись электрическое освещение, отопление, водоснабжение и телефонная связь [ГАРБ, ф. 224, оп.1, д. 64, л. 27]. Помимо телефонного аппарата, отделение располагало банковским нумератором, специальным копировальным аппаратом марки «Excelsior» [Там же, л. 32, д. 18, л.133]. Имелась печатная машинка фирмы «Remington» [РГИА, ф. 630, оп. 1, д. 276, л. 77]. Расходные материалы, необходимые для осуществления деятельности отделения в основном заказывались в Иркутске. Лишь небольшая часть расходных материалов закупалась в верхнеудинской типографии, в частности, квитанции с надписями «дебет» и «кредит» [ГАРБ, ф. 224, оп. 1, д. 8, л. 105].

Банковские отделения выписывали газеты и журналы, содержащие необходимую для работы учреждения информацию. К таким можно отнести «Правительственный вестник» и «Вестник финансов, промышленности и торговли», в которых согласно п. 57 гл. 5 устава Русско-Китайского банка публиковался годовой отчет правления [Устав Отчет Русско-Китайского..., 1895: 33]. В 1909 г. Верхнеудинское отделение ассигновало на эти цели 71 руб. Необходимо отметить, что наряду с различными периодическими изданиями, посвященными финансовой тематике, Верхнеудинский офис выписывал иные газеты и журналы, например, ежемесячный литературный и научно-популярный журнал «Вестник знания» [ГАРБ, ф. 224, оп. 1, д. 43а, л. 133].

По состоянию на август 1910 г. в Верхнеудинском филиале работали, помимо директора-управляющего, доверенный, десять служащих, два «артельщика», два «мальчика», юрисконсульт, сторож и швейцар [Там же, д. 64, л. 27]. Штат работников Кяхтинского офиса был намного меньше. Кроме директора-управляющего И.Д. Сеницына, в отделении работали доверенный, два служащих, артельщик, рассыльный и ночной сторож. В штате Кяхтинского филиала, в отличие от Верхнеудинского офиса, имелась должность переписчика, которую исполняла Н.Н. Ямагучи [РГИА, ф. 630, оп. 1, д. 405, л. 59]. Она занималась оформлением документации монгольских и китайских клиентов банка на доступном для них языке.

За свой труд служащие и сотрудники получали достаточно приличное жалование. Директор-управляющий П.Т. Трунев получал 4500 руб. в год [ГАРБ, ф. 224, оп. 1, д. 64, л. 27], что равнялось заработной плате армейского генерала [Вязьмитинов, 2017: 5]. Младший служащий Верхнеудинского отделения И.М. Кулаков зарабатывал в год 720 руб. [ГАРБ, ф. 224, оп. 1, д. 64, л. 27], что было немногим меньше жалования учителя гимназии четвертого разряда, получавшего 750 руб. [Гребенкин, 2020: 24]. Наиболее низкоквалифицированный сотрудник в Кяхтинском отделении – ночной сторож – получал 300 руб. в год [РГИА, ф. 630, оп. 1, д. 405, л. 59], что соответствовало заработной плате рядового полиции (городового) [Вязьмитинов, 2017: 5].

Сотрудники банка обеспечивались бесплатным чаем, сахаром и свежим хлебом. Для общего пользования закупались мыло, спички и различный хозяйственный инвентарь (шило, веник, половая щетка) [ГАРБ, ф. 224, оп. 1, д. 64, л. 79]. Из кассы учреждения оплачивались командировочные затраты сотрудников [Там же, л. 27].

Отделения Русско-Китайского банка в Западном Забайкалье предоставляли своим клиентам широкий перечень услуг – учет векселей, выдача ссуд под залог, прием вкладов, открытие и ведение текущих счетов, прием и отправку денежных переводов [Отчет РКБ, 1904: 28–29].

К сожалению, ввиду отсутствия данных о деятельности Верхнеудинского и Кяхтинского отделений в первые годы XX столетия сложно проследить динамику кредитно-сберегательных операций. Согласно наиболее раннему из сохранившихся документов, в 1904 г. балансы филиалов выглядели следующим образом:

Таблица 7. Балансы Иркутского, Верхнеудинского и Кяхтинского отделений Русско-Китайского банка по состоянию на июль 1904 г. (в руб.) *

	Иркутск	Верхнеудинск	Кяхта
Касса	105367	36667	51529
Учтенные векселя с двумя или более подписями	923560	435601	184340
Векселя на инкассо	569724	59776	15744
Ссуды под залог ценных бумаг	30630	25775	6655
Ссуды под залог товаров	11240	28850	–
Ссуды под залог товарных документов	17239	21550	–
Текущие счета	1663122	496995	728034
Вклады	189718	122625	33830

*Таблица составлена по: РГИА, ф. 632, оп. 1, д. 156, л. 310 об, 311, 321 об, 322, 363 об, 364.

Исходя из анализа таблицы, можно сделать несколько выводов. Существенно уступая коллегам из Иркутской губернии по ряду ключевых в экономическом плане параметров, отделения Русско-Китайского банка в Западном Забайкалье вели достаточно успешную работу. Потенциальная клиентская база у Иркутского филиала была существенно больше. В 1904 г. население Иркутской губернии составляло более 500 тыс. человек, из которых 49923 проживало в Иркутске [Обзор..., 1905: 13]. В Западном Забайкалье в указанный период количество жителей составляло чуть более 370 тыс. чел. Население двух крупнейших административных центров – Верхнеудинска и

Троицкосавска-Кяхты – насчитывало всего 13725 [Обзор..., 1906: Ведомость 5]. Только в Иркутском уезде действовало 638 торгово-промышленных предприятий [Обзор..., 1905: 11]. Показатели Западного Забайкалья были намного ниже – 61 предприятие [Обзор..., 1905: 46]. Уступая Иркутскому офису в операциях с векселями, отделения банка в Западном Забайкалье заметно успешнее действовали в области выдачи ссуд под залог товаров и товарных документов. Вероятно, причина сложившейся ситуации заключалась не только в намного более широкой клиентской базе Иркутского офиса учреждения. Вексельные операции являлись на тот момент наиболее современным и рискованным видом банковских операций. Можно предположить, что предприниматели Западного Забайкалья, составлявшие основную массу потребителей кредитных услуг Верхнеудинского и Кяхтинского отделений Русско-Китайского банка, равно как и сами сотрудники указанных офисов, испытывали некоторую настороженность в отношении услуг, связанных с векселями. Косвенным доказательством этому могут служить данные о ссудах под залог товаров и товарных документов, показывающие, что и клиенты, и служащие банка предпочитали использовать более простой и надежный способ получения/выдачи кредитных средств.

Помимо кредитования местных торговли и промышленности банк смог активно поспособствовать включению территории региона в общеимперское экономическое пространство посредством участия в строительстве Забайкальской железной дороги. Реализация столь масштабного и дорогостоящего инфраструктурного проекта потребовала привлечения значительных денежных средств, трудовых ресурсов и материалов. Одним из наиболее активных и видных участников строительства был известный верхнеудинский предприниматель Н.Л. Капельман, занимавшийся поставками различных строительных материалов. Благодаря услугам банка, Н.Л. Капельман смог развернуть достаточно широкую деятельность. Его услугами пользовалось Общество потребителей служащих Забайкальской железной дороги [ГАРБ, ф. 224, оп. 1, д. 8, л. 38]. Созданное в 1899 г., Общество занималось обеспечением рабочих, задействованных на

строительстве, продуктами питания и бакалейными товарами [Никифорова, 2016: 104–105]. Согласно распоряжению Н.Л. Капельмана, все многочисленные платежи, поступавшие в его адрес со всех учреждений, связанных с Забайкальской железной дорогой, проводились через Верхнеудинский офис Русско-Китайского банка [ГАРБ, ф. 224, оп. 1, д. 8, л. 39].

Еще одним направлением деятельности отделений Русско-Китайского банка в Западном Забайкалье стала активная аккумуляция свободных денежных средств населения на депозитных и текущих счетах. Указанные средства имели крайне важное значение для осуществления банком своих операций. Как отмечали в своей работе В.А. Дмитриев-Мамонов и З.П. Евзлин, вклады являются своего рода «кредитом», который выдают банку его клиенты для «образования оборотных средств, которыми они (банки) снабжают торгово-промышленные предприятия» [Дмитриев-Мамонов, Евзлин, 1916: 313]. Исходя из данных приведенных в таблице 7, можно наблюдать, что к 1904 г. отделения Русско-Китайского банка в Западном Забайкалье смогли развернуть весьма успешную работу по привлечению денежных средств населения. Особенно наглядно это видно в сравнении с аналогичными показателями Иркутского филиала банка за тот же период. Располагая значительно меньшей клиентской базой по сравнению с головным офисом группы, Верхнеудинское отделение лишь немногим уступало ему в размерах, привлеченных на депозитные счета, средств.

Вероятной причиной успехов в данной области является, наряду с хорошей организацией рабочего процесса и отсутствием конкуренции, привлечение местными офисами банка значительных свободных средств автохтонного населения региона. Буряты отличались достаточно консервативным отношением к хранению имеющихся у них средств. Основным способом сбережения денег у бурятов были покупка большого количества серебряных изделий или использование серебряных монет в качестве женских украшений [Романова, 2009: 23]. С появлением на территории Западного Забайкалья отделений Русско-Китайского банка буряты достаточно быстро оценили выгоду предлагаемой им

услуги по размещению на депозитарных счетах денежных средств. По состоянию на 1 января 1909 г. на срочных вкладах, открытых представителями бурятского населения, размещалась сумма в 98000 руб. [ГАРБ, ф. 224, оп. 1, д. 43а, л. 121, 122, 123, 124]. В основном это были значительные по своим размерам вклады – 5000, 6000, 10000, 11000 руб. Для сравнения, всего на депозитных счетах клиентов Верхнеудинского отделения в указанный период находилось 344550 руб. [Там же: л. 122].

Помимо обычных финансовых продуктов отделения Русско-Китайского банка предоставляли своим клиентам ряд дополнительных услуг. Одной из наиболее важных для клиентов отделений Русско-Китайского банка в Западном Забайкалье стала возможность оперативно как отправлять, так и принимать денежные переводы и денежные чеки. Данная услуга была особенно важна для составлявших основную часть клиентов банка представителей бизнеса, зачастую осуществлявших свою деятельность не только на территории Российской империи, но и в других странах. Ежемесячные суммы, отправляемые и принимаемые отделениями, были достаточно серьезными. Если в ноябре 1908 г. Верхнеудинским отделением было отправлено по телеграфу 171822 руб., а принято 129507 руб., то в декабре 1908 г. эти цифры составили 94543 руб. и 239872 руб., соответственно [ГАРБ, ф. 224, оп. 1, д. 43а, л.59, 134]. Достаточно успешно данная услуга развивалась и в Кяхтинском отделении. Если в 1907 г. оборот по данной операции составлял 5061900 руб., то по результатам 1908 г. эта сумма возросла до 6109500 руб. [РГИА, ф. 632, оп. 1, д. 283, л. 81].

Еще одной очень важной услугой, предоставляемой банком своим клиентам, стала возможность страхования имущества. В данном случае отделения Русско-Китайского банка стали настоящими пионерами на территории Западного Забайкалья. Необходимо отметить, что данная услуга являлась достаточно нетипичной для банковской деятельности, но, согласно пп. 12 п. 14 своего устава, Русско-Китайский банк имел право производить страхование товаров от «огня и других несчастных случаев» [Устав Русско-Китайского..., 1895: 14]. Это

обстоятельство было особенно важным для жителей г. Верхнеудинска, многие из которых помнили страшный пожар 1878 г., практически уничтоживший город и лишивший многих горожан их имущества. В интересах своих клиентов Русско-Китайский банк 24 июня 1908 г. заключил соглашение с третьим по значимости игроком на страховом рынке Российской империи – страховым товариществом «Саламандра» (1846–1922 гг.). По данному соглашению Русско-Китайский банк брал на себя страховую агентуру «Саламандры» [ГАРБ, ф. 224, оп. 1, д. 146, л. 67]. Отделения банка в Сибири, Маньчжурии и Туркестане начали осуществлять страховые операции с 1 сентября 1908 г. [Там же: л. 70.] Страхование товара стало необходимым условием в случае получения клиентом банка ссуды под залог товаров. Страховались продукты питания, промышленные изделия, лесоматериалы и многие другие товары, причем достаточно большие партии. В декабре 1908 г. И.Б. Радовскому в Верхнеудинском офисе банка была выдана ссуда под залог швейных машинок, гвоздей, табака, пил и скобяных товаров на общую сумму 5953 руб. Страховая сумма составила 7700 руб. [Там же: д. 43 а, л. 83]. Руководство банка не стало останавливаться на достигнутом и в сентябре 1910 г. смогло заключить соглашение о сотрудничестве со страховым обществом «Россия», являвшимся безусловным лидером на рынке страхования в Российской империи. Согласно достигнутым договоренностям, все движимое имущество и товары, принадлежавшие банку и находящиеся у него в залоге, подлежали страхованию только через страховое общество «Россия» [Там же: д. 63, л. 3].

Кроме того, отделения банка в Западном Забайкалье принимали на хранение ценное имущество своих клиентов, размещая его в кладовых своих офисов. В основном сдавали на хранение разного рода ценные бумаги – облигации Государственного казначейства, Золотого Займа, Государственной ренты. По состоянию на 12 октября 1908 г. в кладовых Кяхтинского филиала находилось 27 облигаций на сумму 171975 руб. [РГИА, ф. 632, оп. 1, д. 283. л. 85, 85 об]. В Верхнеудинском отделении хранилось намного меньшее количество ценностей. На 1 декабря 1908 г. в кладовых офиса насчитывалось 30 облигаций на общую

сумму 5050 руб. Клиенты банка доверяли ему на хранение и иные ценные вещи. Например, в Верхнеудинском офисе хранилось завещание М.А. Кудрявцевой [ГАРБ, ф. 224, оп. 1, д. 43а, л. 68].

Наряду с этими направлениями деятельности Верхнеудинское отделение Русско-Китайского банка оказывало содействие своим клиентам в осуществлении торговых операций. Осенью 1907 г. отделение отправило письмо коллегам в банк в Куанченцзы (Китай) с просьбой об оказании поддержки купцу Н.Л. Капельману в оплате фрахта и выкупе вагонов с лесными материалами. Просьба была удовлетворена [Там же: д. 13, л. 28].

Выбор Верхнеудинска и Кяхты в качестве мест для размещения офисов Русско-Китайского банка был не случаен. Верхнеудинск являлся важным транспортным узлом Великого Сибирского пути, играл роль экономического центра Западного Забайкалья, располагаясь в крайне выгодном месте – на пересечении железнодорожной магистрали, судоходной Селенги и трактов на Кяхту и Баргузин. Преимущества Кяхты также заключались в ее географическом расположении – на границе с Монголией, где еще в XVIII в. сформировался стратегически важный для России путь прямой торговли с Китаем. Именно географическое положение обусловило специфику основного направления деятельности данных отделений – содействие продвижению российского экономического и политического влияния на территорию стран Внутренней Азии. Необходимо отметить, что практически всем филиалам Русско-Китайского банка были определены функции, которые напрямую зависели от месторасположения офиса. Например, отделение банка, находившееся в Москве, специализировалось в основном на кредитовании крупного бизнеса, в частности, представителей текстильной промышленности [Саломатина, Тужилина, 2016: 51–54]. Филиалы банка, осуществляющие свою деятельность в отдаленных районах империи, участвовали в развитии торговли и промышленного производства на местах, тем самым содействуя процессу их интеграции в общероссийское экономическое пространство. Так, Самаркандское отделение целенаправленно занималось

финансированием импортеров чая, производителей мануфактуры и хлопка [Алимджанов, 2020:173].

Следует особо выделить тот факт, что иркутская группа отделений Русско-Китайского банка являлась уникальной частью в его структуре, поскольку в ее состав входили монгольские филиалы учреждения [ГАРБ, ф. 224, оп. 1, д. 36, л. 38]. Ни в каком другом случае зарубежные филиалы учреждения не находились в подчинении у российского отделения. Отделения группы в Западном Забайкалье играли роль своеобразного моста в Монголию и далее на территорию Китая. В чем же это выражалось?

Во-первых, Верхнеудинское отделение Русско-Китайского банка находилось в тесной связи с главным монгольским офисом учреждения – Ургинским филиалом. Организация русского банка в Монголии была крайне необходима ввиду стремительного увеличения объемов ее торговли с Россией в начале XX в. Это видно на примере роста экспорта монгольского сырья с 558 тыс. руб. в 1903 г. до более 3 млн. руб. в 1909 г. Уже к 1909 г. доля монгольских товаров в общероссийском импорте составляла: 12,1% невыделанных кож, 13% шерсти, 34,2% пушнины, 10,5% крупного рогатого скота и 10,8% лошадей. Приобретая монгольские товары, российские купцы расчет вели наличными деньгами, что создавало определенные трудности [Плеханова, Ширапов, 2020: 117]. В среднем предпринимателю для эффективной работы требовалось не менее 100 тыс. руб. наличными [Томпстон, 2008: 39]. Появление полноценных филиалов Русско-Китайского банка должно было облегчить российским коммерсантам ведение дел путем внедрения вексельного обращения и предоставления услуг кредитования [Плеханова, Ширапов, 2020: 117]. Открытие отделений учреждения на территории Монголии (в Урге, Улясуате, Калгане) состоялось в 1900 г. [Коростовец, 2009: 102]. Ввиду своего географического месторасположения монгольские филиалы активно сотрудничали с филиалами банка в Верхнеудинске и Кяхте. Верхнеудинский офис регулярно обменивался с Ургой банковской информацией о приеме и отправлении переводов, учете и проверке векселей

клиентов [Плеханова, Ширапов, 2019: 208]. Верхнеудинск производил снабжение Ургинского представительства различными материальными ресурсами. Например, осенью 1908 г. Верхнеудинским отделением был отправлен в Ургу груз сливочного масла и керосина [ГАРБ, ф. 224, оп. 1, д. 222, л. 35, 36, 41, 48]. Более того, Верхнеудинский и Ургинский филиалы проводили совместные маркетинговые исследования в Монголии на предмет возможности сбыта российской промышленной продукции. Так, летом 1908 г. руководство отделений рассматривало возможность продвижения на монгольский рынок спичек и парчи [Плеханова, Ширапов, 2019: 210].

Вторым, не менее важным, аспектом деятельности отделений банка в Западном Забайкалье был сбор информации о политической и экономической обстановке в Монголии. Главную роль здесь играл Кяхтинский филиал банка, чьи сотрудники были прекрасно знакомы с монгольскими обычаями, языком и письменностью. Полученная ими информация направлялась в Иркутск и далее в Санкт-Петербург, где находилось правление учреждения. Предоставленные данные были ценнейшим источником информации, на основе которой вырабатывалась стратегия ведения дел на территории Монголии. 4 апреля 1907 г. в Иркутск был направлен доклад, содержащий сведения об административно-территориальном устройстве Монголии и особенностях делопроизводства (см. прил. 9). Согласно данным, указанным в сообщении, территория страны делилась на четыре аймака, состоявших из хошунов, которые подразделялись на сумоны. Во главе хошуна стоял князь – гунь, в ведении которого находилась большая «хошунная» печать, использовавшаяся для визирования документов, в том числе долговых обязательств перед кредитными учреждениями [Ширапов, 2020: 35–36]. Главная особенность «хошунного» кредита заключалась в том, что за взятую ссуду отвечали всем населением хошуна, что служило гарантией благонадежности должника перед кредитором [Плеханова, Ширапов, 2020: 121]. Кроме того, сотрудники Кяхтинского отделения проводили мониторинг

кредитоспособности хошунов, собирая подробные сведения о численности населения и продуктивности скотоводства [Ширапов, 2020: 36].

Третья задача, которую выполняли офисы банка в Западном Забайкалье в рамках содействия продвижению российского влияния в страны Внутренней Азии, заключалась в поддержке на их территории российской торговли и промышленности. Кяхтинское отделение осуществляло доставку в интересах своих клиентов драгоценных металлов (золота и серебра) из Западной Европы в Китай. После разрешения в 1861 г. вывоза драгоценных металлов они заняли основное место в списке российского экспорта в Китай. Предприниматели из Цинской империи предпочитали получать в обмен на свой главный товар – чай, не российскую промышленную продукцию, а золото и серебро. Вследствие того, что Русско-Китайский банк находился под покровительством Министерства финансов Российской империи, в подчинении которого находился департамент таможенных сборов, доставка драгоценных металлов через Кяхту в Китай производилась без особых препятствий. Услугами банка пользовались все наиболее крупные торговые дома Кяхты. Например, в начале 1901 г. из вержболовской таможни (ныне г. Вирбалис, Литовская Республика) в кяхтинскую прибыл груз серебра (более 20 пудов) для фирмы «Коковин и Басов» с целью вывоза в Китай. Обычно в сопроводительных документах к грузам, содержащим драгоценные металлы, получателем значился офис Русско-Китайского банка в Кяхте. Лицом, ответственным за прием товара, выступал сотрудник Кяхтинского отделения [Там же: 35].

Кроме того, филиалы банка в Западном Забайкалье содействовали деятельности российских промышленных компаний в Монголии.

Помимо помощи в транзите драгоценных металлов Кяхтинское отделение принимало участие в их добыче на территории Монголии в сотрудничестве с российскими золотопромышленниками. Наиболее тесным было взаимодействие банка с акционерным обществом рудного дела Тушетухановского и Цеценхановского аймаков в Монголии, кратко именуемого «Монголор». Данная

компания, основанная в 1900 г. благодаря полученной российским подданным В.Ю. фон Гротом у китайских властей концессии, занималась разработкой залежей полезных ископаемых в Монголии, Северном Китае и России. В создании «Монголора» Русско-Китайский банк принимал непосредственное участие. В числе его учредителей значились члены правления банка Э.Э. Устомский, А.Ю. Ротштейн и А.А. Давыдов. Первоначальный капитал общества составлял 3 млн. руб. [Фурман, 2017: 137] Согласно условиям договора о концессии «Монголор» уплачивал в пекинскую казну 15% от стоимости добытого золота [Московская..., 1912: 92]. Самостоятельно «Монголор» золотодобычей практически не занимался, однако сдавал в аренду свои золотоносные участки другим промышленникам или просто старателям. Одним из крупнейших арендаторов «Монголора» был кяхтинский купец М.А. Лушников. Согласно условиям договора, он уплачивал «Монголору» 10% от стоимости добытого золота и принимал на себя обязательство об уплате 15% сбора в пользу Пекина [Ширапов, 2020: 35]. Добытое золото отправлялось в Ургу, где сдавалось в местное отделение Русско-Китайского банка по цене 5 руб. за один золотник [Новицкий, 1911: 33–34]. Затем драгоценный металл из Урги отправлялся сотрудниками банка в Россию, где его принимали служащие Кяхтинского отделения. Три раза в неделю представитель Кяхтинского офиса сопровождал партию золота «из Урги, в слитках» [Ширапов, 2020: 35].

Помимо скупки драгоценных металлов у российских промышленников Русско-Китайский банк содействовал их снабжению различным оборудованием и продуктами питания. В соответствии с сопроводительным документом 1901 г. «О выпуске инструментов заграничных для золотопромышленных работ акционерного общества Тушетухановского и Цеценхановского аймаков в Монголии» на адрес отделения Русско-Китайского банка в Кяхте из Санкт-Петербурга был отправлен груз, содержащий косилки, чугунные, медные и фаянсовые изделия. В другой товарной накладной, также адресованной Кяхтинскому отделению, значились маслобойки и сепараторы. Кроме того, в

Монголию при помощи банка были отправлены коньяк, рыбные консервы и сушеные яблоки [ГАРБ, ф. 102, оп. 1, д. 127, л. 6 об, 8об, 9, 10 об, 11, 14].

Вплоть до начала русско-японской войны Русско-Китайский банк развивался весьма успешно. Общий оборот учреждения вырос с почти 3,5 млрд. руб. в 1900 г. [Отчет Русско-Китайского..., 1901: 3] до 17 млрд. руб. в 1904 г. [Отчет Русско-Китайского..., 1905: 25]. Филиалы банка в Западном Забайкалье также демонстрировали весьма неплохие показатели своей деятельности (см. табл. 8).

Таблица 8. Сравнительные показатели размеров чистой прибыли Читинского, Верхнеудинского и Кяхтинского отделений Русско-Китайского банка в 1902–1906 гг. (в тыс. руб.) *

	1902	1903	1904	1905	1906
Чита	14	11	8	8	6
Верхнеудинск	59	58	56	39	33
Кяхта	3	–	10	43	15

* Таблица составлена по: РГИА, ф. 632, оп. 1, д. 155, л. 19 об, 20.

Данные таблицы 8 наглядно демонстрируют, что Верхнеудинское и Кяхтинское отделения Русско-Китайского банка развивались достаточно успешно. Более того, несмотря на постепенное снижение уровня дохода, Верхнеудинский филиал вплоть до 1905 г. заканчивал год с прибылью свыше 50 тыс. руб., заметно опережая не только Кяхтинский, но и Читинский офис банка, расположенный в столице Забайкальской области. Значительный, но кратковременный, рост доходов Кяхтинского филиала в 1905 г. был вызван событиями русско-японской войны и как следствие – спадом грузовых перевозок по Великому Сибирскому пути.

Ситуация для всего Русско-Китайского банка, в целом, и его отделений на территории Западного Забайкалья, в частности, резко изменилась в негативную сторону после поражения России в войне с Японией. Проигрыш радикально изменил содержание российской политики на Дальнем Востоке, что существенно

сказалось на положении Русско-Китайского банка. Уже в марте 1906 г. Министерство финансов отказалось от использования банка в качестве инструмента для реализации своих политических целей на Дальнем Востоке и приступило к продаже принадлежащего ему пакета акций учреждения. Контроль над банком перешел в руки французов. Деятельность банка в Китае была подвергнута санации: закрыт ряд бездоходных к тому моменту отделений в Гирине, Мукдене, Калгане и др. (в 1911 г. их число сократилось до 27) [Лукоянов, 2008: 187–188]. Убыток учреждения только за 1907 г. составил более 7 млн. руб. [Отчет Русско-Китайского..., 1908: Доклад Правления]. В итоге Русско-Китайский банк не смог оправиться от потерь. В ходе слияния с Северным банком в 1910 г. учреждение было преобразовано в Русско-Азиатский банк (1901–1926) [Watson, 1993: 39].

Таблица 9. Состояние активов и пассивов Верхнеудинского и Кяхтинского отделений Русско-Китайского банка в 1907–1908 гг. (в тыс. руб.)*

	Верхнеудинск		Кяхта	
	1907	1908	1907	1908
Учтенные векселя	2011	1470,2	136	93,6
Ссуды, выданные под залог ценных бумаг и товаров	225,2	182,4	15,2	34,5
Покупка и продажа процентных бумаг по поручению	–	6,4	15,2	34,5
Принадлежащие отделению процентные бумаги	64,4	51,5	14	1,9
Товарно-комиссионные операции	175,5	7,7	7,3	4,7
Текущие счета и вклады	9053,5	6835,2	7897,2	7276,2

*Таблица составлена по: РГИА, ф. 632, оп. 1, оп. 283, л. 81, 121.

В результате войны и изменения политики банка существенно пострадали практически все группы отделений банка, в том числе и Иркутская группа. Как видно из данных, приведенных в таблице 9, после относительно удачного 1907 г.

в следующем году оба отделения ждало существенное снижение практически всех показателей. Результаты операций по учету векселей показали падение на 27% у Верхнеудинского и на 31% у Кяхтинского офисов. Однако по некоторым позициям у Кяхтинского отделения наблюдался рост. Почти на 100% вырос годовой оборот по операциям, связанным с выдачей ссуд под залог процентных бумаг и товаров. В то же время показатели Верхнеудинского филиала испытали значительное снижение – примерно на 19%. Предположительно причиной данной ситуации стала временная невозможность перевозки товаров, принадлежащих российским и китайским купцам, железнодорожным транспортом, ввиду чего им пришлось вновь проводить свои операции через Кяхту. В результате, если в предвоенный 1903 г. годовой оборот кяхтинской торговли равнялся 4663665 руб., то по итогам 1905 г. эта цифра составила 11725162 руб. Затем, после некоторого снижения в 1906 г. – 8323307 руб., в 1908 г. снова наступил период роста – 12038056 руб. [Обзор..., 1909: 42]. По остальным позициям наблюдалось значительное снижение основных показателей.

Наиболее тяжелым последствием поражения России в войне с Японией для Иркутской группы отделений стало изменение политики банка в отношении своих зарубежных филиалов. Часть отделений, приносивших прибыль и расположенных в больших городах, таких как Париж или Шанхай, продолжили свою работу. Другая часть филиалов была расформирована (как упоминалось выше, это были офисы учреждения в Гирине, Мукдене и Калгане). Подобная судьба ждала и монгольские представительства банка в Урге и Улясутае. Изменение политики банка и тяжелые финансовые потери, вызванные рядом ошибок сотрудников монгольских отделений, привели к тому, что уже в начале 1910 г. был ликвидирован Ургинский офис [Плеханова, Ширапов, 2020: 122–122]. Утрата позиций на финансовом рынке Монголии болезненно отразилась на забайкальских отделениях Русско-Китайского банка, особенно Кяхтинском. Основным следствием ликвидации филиала в Монголии стало введение Правлением банка временного моратория на кредитование монгольских клиентов,

в результате чего была потеряна часть клиентуры учреждения [РГИА, ф. 630, оп. 1, д. 405, л.43]. Кроме того, как отмечал в своем докладе Правлению банка летом 1908 г. Г.М. Левин, «особенно плохие дела нынешнего года в Монголии в связи с общим неослабевающим застоём в торговле, несомненно продолжают отражаться и на делах Кяхтинского отделения» [Там же: ф. 632, оп. 1, д. 283. л. 78.]. Как следствие, падение оборотов активов отделения составило почти 185 тыс. руб. – с 284 тыс. руб. в 1907 г. до 100 тыс. руб. по итогам 1908 г. Общая задолженность филиала в Кяхте центральному отделению в 1908 г. составила 58 тыс. руб. [Там же: л. 79].

К началу 1910 г. отделения Русско-Китайского банка в Западном Забайкалье находились в достаточно непрестом положении. Поражение России в войне с Японией и вызванные ее последствиями серьезные финансовые потери, общероссийский экономический кризис 1905–1907 гг. нанесли существенный урон деятельности Верхнеудинского и Кяхтинского отделений. С ликвидацией Ургинского и Улясутайского офисов забайкальские отделения банка стали значительно ограничены в своей деятельности на территории Монголии. Выходом из сложившейся кризисной ситуации могли стать только возобновление экономического роста в стране и изменение стратегии развития банка, что и произошло в начале 1910 г.

Деятельность Верхнеудинского и Кяхтинского отделений Русско-Китайского банка оставила заметный след в истории Западного Забайкалья. Благодаря их работе местное население получило доступ к широкому спектру финансово-кредитных услуг. Наряду с приемом вкладов у населения, учетом векселей, выдачей ссуд, осуществлением денежных переводов, приемом на хранение имущества и ценных бумаг филиалы банка обеспечили своих клиентов возможностью страхования движимого и недвижимого имущества и содействовали их торговым операциям за рубежом. Филиалы Русско-Китайского банка оказали заметное влияние на экономическую жизнь Западного Забайкалья. Благодаря их работе местные предприниматели, используя материальные и

информационные ресурсы банка, смогли улучшить свою конкурентоспособность как на внутреннем рынке Российской империи, так и в ходе осуществления своей деятельности в Китае и Монголии. Привлечение банком свободных денежных средств населения обеспечило вливание в финансовую систему региона капиталов, ранее активно не участвовавших в обороте. Деятельность отделений Русско-Китайского банка в Западном Забайкалье сыграла важную роль в интеграции региона в общеэкономическое пространство Российской империи.

Хорошо организованная работа Верхнеудинского и Кяхтинского филиалов в тесной кооперации с монгольскими офисами банка способствовала продвижению российского влияния в регион Внутренней Азии. Активный обмен банковской информацией с Ургинским отделением, сбор и обработка сведений о потенциале внутреннего рынка Монголии, содействие российским горнодобывающим компаниям – все это значительно ускорило развитие российско-монгольских торгово-экономических отношений.

Заккрытие временного отделения Государственного банка в Верхнеудинске (1906 г.) Попытка казначейств составить конкуренцию частным учреждениям на кредитном рынке региона

Начало XX столетия привнесло в организацию работы временного отделения Государственного банка в Верхнеудинске ряд изменений. Заметно увеличилась доля в штате сотрудников служащих из других офисов банка (не только из Иркутского и Читинского филиалов). В 1901 г. обязанности управляющего исполнял сотрудник Вятского филиала банка И.К. Филиппович. Контролер прибыл из Пермского офиса, а помощник кассира был штатным сотрудником Тюменского отделения [ГАИО, ф. 154, оп. 1, д. 21, л. 2]. Работу отделения во время ярмарки 1903 г. возглавлял директор-управляющий Елецкого офиса Н.П. Полянский, отмечавший, что основными клиентами офиса стали золотопромышленники, торговцы пушниной и сырьем. Векселя, принимаемые к

учету, были привозные, а не выходящие из ярмарочной торговли [Из века в век..., 2012: 22–23].

Во время проведения ярмарки в 1905 г. управляющим был назначен директор Уральского филиала банка надворный советник Г.П. Салеман. Обязанности контролера исполнял сотрудник Мариупольского офиса титулярный советник Палтов, кассой заведовал служащий Тюменского отделения коллежский советник Попов [ГАРБ, ф. 225, оп. 1, д. 470, л. 18].

Произошли существенные изменения в размере и составе операционного капитала учреждения. Вместо 500 тыс. руб. кредитными билетами и 3 тыс. руб. серебром устанавливалась сумма в размере 372100 руб., из которых 300 тыс. приходилось на банкноты, 50 тыс. – золотыми монетами, 22 тыс. – серебром и 100 руб. – медной монетой [ГАИО, ф. 154, оп. 1, д. 15, л. 9]. Вероятно, столь сильное сокращение размера и изменение видов, направляемых для обеспечения работы отделения, финансовых средств, было вызвано стремлением привлечь к банковским услугам более широкий круг клиентов. Если для крупных и средних купцов и промышленников, привыкших оперировать значительными суммами, было выгодным использовать купюры крупного номинала, то у мелких предпринимателей и горожан в ходу были металлические деньги.

Сокращение суммы оборотного операционного капитала временного отделения стало свидетельством угасания Верхнеудинской ярмарки. Начиная с 1899 г. наблюдалось ежегодное снижение объемов ее торговли. Если в 1898 г. было привезено товаров на сумму 2912560 руб., а продано на – 1645116 руб., то по итогам 1902 г. показатели рухнули более чем вдвое, составляя 1076000 руб. и 604160 руб. соответственно [Обзор..., 1903: 49].

Спад оборотов торговой активности на Верхнеудинской ярмарке напрямую отразился на результативности временного отделения Государственного банка. Если в 1900 г. было учтено векселей на 198227 руб. [ГАИО, ф. 154, оп. 1, д. 15, л. 83], то спустя всего год эта цифра уменьшилась на 15%, составляя 167047 руб. [Там же: д. 21, л. 103]. И хотя прибыль офиса по итогам 1901 г. составила 4989

руб. [Там же: л. 111], становилось ясно, что в скором времени работа отделения не сможет окупать затрат на его содержание. Это подтвердило дальнейшее развитие событий. После непродолжительного удачного периода 1902–1904 гг., когда отделение получило в общей сложности более 22 тыс. руб. чистой прибыли, произошло резкое падение показателей. Так, в 1905 и 1906 гг. доход филиала составил всего 2000 руб. [Из века в век..., 2012: 24].

В апреле 1903 г. А.М. Михайловский направил докладную записку руководству банка, в которой подчеркивал, что падение оборотов отделения в Верхнеудинске неизбежно в связи с появлением надежного и быстрого железнодорожного сообщения с Иркутском [ГАИО, ф. 154, оп. 1, д. 32, 25–28 об]. Получив круглогодичный доступ к необходимым товарам, предприниматели уже не видели смысла в крупных закупках раз в год на ярмарке, что обусловило снижение объемов кредитных операций отделения. Было явно заметно, что, например, крупнейшие российские мануфактурные компании, поставлявшие прежде на ярмарку свою продукцию, уже на протяжении трех лет – с 1900 г. – сокращали свою активность.

Приближающееся закрытие временного отделения в Верхнеудинске в связи с упадком ярмарочной торговли отмечал и управлявший в 1903 г. его делами Н.П. Полянский, писавший, что «ярмарочная жизнь Верхнеудинска падала, а потому дела было мало...» [Из века в век..., 2012: 23].

Железная дорога подорвала еще одну из важных доходных сфер – извозный промысел. Если в 1891 г. доход населения от транспортных перевозок оценивался примерно в 2 млн. руб. [Обзор..., 1891: 4], то уже к 1896 г. этот вид деятельности оказался практически полностью заброшенным в связи с оттоком населения на заработки, связанные со строительством Забайкальской железной дороги [Обзор..., 1897: 5]. Сокращение доходов населения региона вело к снижению его покупательной способности, что так же значительно влияло на результаты работы ярмарки.

Все эти обстоятельства прекрасно осознавал стоявший у истоков создания отделения А.М. Михайловский, в апреле 1903 г. рекомендовавший руководству банка развернуть работу временного отделения банка в 1904 г. в последний раз [ГАИО, ф. 154, оп. 1, д. 32, 25–28 об].

Последним фактором, который привел к свертыванию деятельности временного отделения банка в Верхнеудинске, стали события русско-японской войны (1904–1905 гг.). Сокращение объемов коммерческих перевозок по железной дороге, массовая мобилизация населения и тяглового скота привели к общему застою в торговле. Не стала исключением и Верхнеудинская ярмарка – ее оборот в 1905 г. оценивался как «очень неудовлетворительный» и составил всего около 50 тыс. руб. [Обзор..., 1906: 44]. В итоге валовая прибыль офиса банка составила всего 5300 руб., а чистая – 1000 руб. Ситуация полностью повторилась в следующем 1906 г., что окончательно решило судьбу Верхнеудинского отделения. В 1907 г. Совет Государственного банка принял решение о его окончательной ликвидации [Из века в век..., 2013: 26].

Необходимо отметить, что деятельность временного отделения Государственного банка в Верхнеудинске была стеснена сроками проведения ярмарки и не могла в полной мере удовлетворить постоянные запросы местных клиентов. Для устойчивого поступательного развития торгово-промышленного сектора Западного Забайкалья требовалось наличие не временной, а бесперебойно и стабильно действующей кредитной организации. Открытие отделения Государственного банка на время действия Верхнеудинской ярмарки произошло слишком поздно, когда уже начались процессы, которые неминуемо вели к постепенному ее угасанию (смещение торговых маршрутов, прокладка Великого Сибирского пути, появление стационарных круглогодичных форм торговли современного вида – магазинов). После успешных для отделения 1890-х гг. наступило время падения оборотов ярмарки и, как следствие, сокращения торговой активности клиентов отделения, что привело к снижению рентабельности Верхнеудинского офиса. Таким образом, открытие временного

отделения Государственного банка в Верхнеудинске оказалось очень необходимым и полезным, но слишком запоздалым.

На финансовом рынке Западного Забайкалья сложилась ситуация, когда главенствующее положение заняли частные кредитные организации, в первую очередь, офисы Русско-Китайского банка. По факту конкуренцию Верхнеудинскому и Кяхтинскому филиалам вплоть до начала 1910 г. составляли только казначейские отделения, однако ввиду ряда обстоятельств их деятельность была существенно ограничена.

Система региональных казначейских отделений окончательно сложилась лишь летом 1904 г., когда был открыт филиал учреждения в Баргузине [Бреславская, Филиппова, 2019: 204].

Необходимо особо отметить тот факт, что долгое время казначейские отделения не оказывали населению кредитные услуги (в связи с чем их деятельность в XIX столетии не анализировалась нами в рамках ранних этапов становления банковской системы Западного Забайкалья). Лишь с 1885 г. казначейства начали оказывать некоторые виды банковских услуг. При отделениях стали открываться сберегательные кассы [Фадеекина, Воронов, 2005: 32]. Однако подобная практика вводилась не повсеместно и ее распространение шло достаточно медленными темпами. Первое упоминание о их появлении на территории Западного Забайкалья датировано только 1895 г. В статистическом справочнике, посвященном российским финансово-кредитным институтам, отмечается наличие касс в Кяхте и Верхнеудинске [Голубев, 1896: 68]. В подчинении сберегательных касс находились аналогичные по своим функциям учреждения, действовавшие при почтово-телеграфных конторах. К Верхнеудинской кассе № 741 было приписано 13 почтово-телеграфных касс [ГАРБ, ф. 282, оп. 1, д. 158, л. 1, 30 об].

Следующий шаг по наделению казначейств банковскими функциями был сделан в 1897 г., когда им было разрешено принимать изделия из драгоценных металлов для отправки в окружные пробирные управления с целью экспертизы на

подлинность, обратно выдавать изделия мастерам и взимать с последних пробирные пошлины. Они должны были вести книги и отчетность по данным операциям. В городах, где отсутствовали филиалы Государственного банка, на казначейства возлагались полномочия по размену денег, покупке и продаже государственной ренты, уплате процентов и капиталов по процентным бумагам, переводу, получению денег по учтенным и комиссионным векселям, приему и выдаче сумм, уплате процентов по вечным вкладам [Фадеекина, Воронов, 2005: 33].

Штат казначейств был невелик – собственно сам казначей, бухгалтер и их помощники. Даже в 1912 г., спустя 8 лет после открытия, в списках Баргузинского казначейского отделения значились казначей В.В. Рязановский, бухгалтеры А.Д. Новиков и А.Я. Терентьев, помощник С.И. Козулин [Памятная книжка..., 1912: 47]. Немногим больше сотрудников работало в Кяхте – казначей А.Л. Занадворов, три бухгалтера, два помощника и кассир [Там же: 91]. Наиболее многочисленным было Верхнеудинское отделение учреждения, где помимо казначея С.М. Темникова, значились пять бухгалтеров, три помощника и один кассир [Там же: 50]. Сотрудники казначейских отделений в целях защиты вверенных им ценностей располагали огнестрельным оружием. В Верхнеудинском офисе имелось 12 револьверов со 106 патронами. Кроме того, впервые на территории региона в помещении казначейства была установлена электрическая сигнализация [ГАРБ, ф. 282, оп. 1, д. 197, л. 30].

Казначейские отделения оказывали своим клиентам следующие виды банковских услуг: учет векселей, продажа ценных бумаг, перевод денежных средств, прием вкладов, открытие и ведение текущих счетов [Там же: д. 97, л. 1 об, 2, 2 об, 3]. По состоянию на начало 1907 г. Верхнеудинским казначейством было получено от продажи ценных бумаг более 89 тыс. руб., осуществлено переводов на сумму в 2 млн. 700 тыс. руб., учтено векселей – 177884 руб. На текущих счетах разных лиц и учреждений находилось свыше 237 тыс. руб., на депозитных – 117131 руб. [Там же: л. 1 об, 2, 2 об]. Поступление средств в

сберегательную кассу составило 16339977 руб. наличными деньгами и 120100 ценными бумагами. Расходные операции составили 1294148 руб. и 71000 соответственно. На начало 1907 г. на счетах сберегательной кассы оставалось 3345829 руб. наличными и 49100 руб. ценными бумагами. Данные цифры свидетельствуют об успешной деятельности сберегательной кассы в привлечении вкладов населения и ее надежности.

Услугами казначейских отделений пользовались как частные лица, так и различные учреждения. По состоянию на начало 1907 г. в кладовых Верхнеудинского офиса находились на реализации временное свидетельство 2-го внутреннего 5% займа 1905 г. на сумму в 7000 руб., размещенное Управлением 9-го Мортирного Артиллерийского дивизиона, и аналогичная облигация стоимостью в 100 руб., принадлежавшая А.Я. Вайгласу [Там же: л. 5].

Казначейские отделения выполняли еще одну очень важную функцию, содействуя продвижению российских интересов на территорию Монголии. Как упоминалось выше, Русско-Китайский банк и российские промышленники активно участвовали в разработке золотых месторождений в Монголии. Добытый металл, за исключением установленной доли китайских властей, отправлялся в пределы Российской империи. Согласно положениям закона, промышленники были обязаны сдавать весь полученный металл за установленную плату государству [ПСЗРИ, 1874, т. 45: 686], при этом золото требовалось ввезти на территорию России и в дальнейшем переправить в Санкт-Петербург в главное отделение Государственного банка. Вопрос был решен следующим образом. 19 января 1901 г. в адрес Кяхтинского казначейства поступило распоряжение Министерства финансов, в котором на него возлагались обязанности по приему и транспортировке монгольского золота, добытого «Монголором», в Санкт-Петербург. Из Монголии драгоценный металл доставлялся сотрудниками Русско-Китайского банка и сдавался в Кяхтинское отделение учреждения. Затем служащие местного казначейства принимали золото, упаковывали в специальную тару и отправляли по месту назначения. Особо оговаривался график отправок

– не более трех раз в неделю (не больше 2 пудов). На почтовые расходы казначейству выделялось 5 тыс. руб. [ГАРБ, ф. 225, оп. 1, д. 442, л. 1, 3, 6]. Отправляемое золото страховалось компанией «Надежда». За страховку отправленной в мае 1901 г. партии весом в 6 пудов 32 фунта было уплачено 170 руб. [Там же: л. 76]. Уже в апреле 1901 г. была принята первая партия золота – более 12 пудов. Всего с апреля по сентябрь 1901 г. в Санкт-Петербург было предположительно отправлено свыше 53 пудов золота [Там же: л. 15, 36, 42, 62, 77, 97, 113, 122, 135, 143, 150, 157, 165, 170, 175, 185, 189].

Таким образом, казначейские отделения Западного Забайкалья смогли занять место на кредитном рынке, несмотря на конкуренцию со стороны филиалов частных банков. Единственным региональным отделением, которое не имело соперников, было Баргузинское казначейство, однако ввиду отсутствия данных о его деятельности нельзя оценить степень успешности его работы. Возможными конкурентами отделения на финансовом рынке района были созданный в 1904 г. Баргузинский уездный банк и общество взаимного кредита местных золотопромышленников [Из века в век..., 2013: 17]. Период работы данных кредитных организаций был непродолжителен, согласно информации финансового издания «Русские банки» за 1912 г. в г. Баргузине значилось только казначейское отделение [Русские банки..., 1912: 3]. Это подтверждают данные приведенные А.К. Старицким в справочном пособии «Река Баргузин в Забайкальской области», где отмечается, что в 1909–1910 гг. в г. Баргузине в числе «правительственных установлений» и «общественных учреждений» никаких банков и обществ взаимного кредита не значится [Река Баргузин..., 1913: 55].

Необходимо отметить, что успехи казначейств в деле оказания банковских услуг населению были достаточно скромными. Демонстрируя хорошие показатели в деле аккумуляции денежных средств населения, в области кредитования казначейства не имели столь явных успехов. Ограничение круга кредитных операций лишь учетом векселей без выдачи ссуд существенно сужало

их возможности. При этом согласно данным региональных отделений Русско-Китайского банка (см. табл. 9) именно ссуды под различное обеспечение пользовались большой популярностью в среде местных предпринимателей. В целом по Российской империи банковские операции казначейских отделений долгое время не были прибыльными. С 1897 по 1909 гг. чистый убыток по ним составил 4661 тыс. руб. [Государственный банк..., 1910: 126].

Оказываемые казначейскими отделениями услуги способствовали развитию финансового сектора экономики региона. Особенно ценным является вклад Кяхтинского казначейства, который в тесной кооперации с Русско-Китайским банком содействовал развитию российской золотопромышленности на территории Монголии.

*Ярославско-Костромской земельный банк в Западном Забайкалье:
попытка создания рынка недвижимости в регионе*

В Западном Забайкалье в ходе формирования кредитного рынка развивались разнообразные банковские услуги. Особой популярностью пользовались при этом ссудные операции под различные виды обеспечений – векселя, ценные бумаги, товары и товарные документы. Однако один из наиболее распространенных в европейской части Российской империи кредит под залог недвижимого имущества в Западном Забайкалье не получил широкого распространения. Казначейские отделения не производили каких-либо ссудных операций, а филиалы Русско-Китайского банка согласно положениям устава, в отношении недвижимости ограничивались куплей-продажей за счет третьих лиц [Устав..., 1895: 14]. В сложившейся ситуации Ярославско-Костромским банком в 1900-е гг. была предпринята попытка вовлечения территории Западного Забайкалья в общероссийский рынок сделок с недвижимым имуществом.

Акционерные земельные банки появились на территории Российской империи в начале 1870-х гг. как результат крестьянской реформы 1861 г., в ходе которой произошли серьезные изменения на земельном рынке страны: появилось

большое число новых участников, изменились правила купли-продажи объектов недвижимого имущества и др. Необходимо отметить тот факт, что земля являлась главной ценностью в Российской империи, в сельском хозяйстве создавалась половина ее национального дохода, обеспечивалась занятость 70% населения [Саломатина, 2010: 122].

В целях решения проблемы урегулирования проблемных моментов, возникающих в ходе развития капиталистических отношений на земельном рынке страны, властями империи была разработана система ипотечного кредитования [Проскурякова, 2001: 475]. В ее состав наряду с акционерными земельными банками входили городские кредитные общества, Земской банк Херсонской губернии, Общество взаимного поземельного кредита, государственные земельные Крестьянский и Дворянский банки и ряд других учреждений. Главную роль в системе ипотечного кредита играли акционерные и государственные ипотечные банки. Всего с 1871 по 1917 гг. на территории Российской империи действовали 10 акционерных земельных банков – Московский, Петербургско-Тульский, Виленский, Киевский, Бессарабско-Таврический, Донской, Харьковский, Полтавский, Нижегородско-Самарский и Ярославско-Костромской [Она же, 2014: 131–132].

Акционерные земельные банки предоставляли долгосрочные ссуды – от 10 до 66 лет – под залог земельных участков, а также жилых домов и строений. Средства для долгосрочного кредитования привлекались банками посредством эмиссии ипотечных облигаций – закладных листов, обеспеченных заложенной в банке недвижимостью. При этом обязательства по ним нес не клиент, а банк. Закладные листы выпускались на сроки, сопоставимые со сроками кредитования. Данные облигации имели фиксированный годовой доход от 3,5 до 6% [Саломатина, 2010: 122].

Ярославско-Костромской земельный банк был создан в 1872 г. с уставным капиталом в 1 млн. руб. Основной задачей являлась выдача долгосрочных и краткосрочных ссуд под залог земель и городского недвижимого имущества,

принадлежащих заемщикам на правах полной собственности. Долгосрочные ссуды выдавались под залог земель на 43,5 года и под залог городского недвижимого имущества на 18 лет и 7 месяцев. Время действия краткосрочных ссуд составляло от одного года до трех лет [ПСЗРИ, 1874, т. 47: 461]. Кредит выдавался после заключения особой Оценочной комиссии, проводившей анализ ликвидности закладываемого имущества. Всего к 1908 г. Оценочной комиссией Ярославско-Костромского земельного банка была проведена оценка (с осмотром и без) 1465 имений (6060463 дес. пахотной земли) на сумму в 100234474 руб. [Отчет Ярославско-Костромского..., 1909: Приложение 7]. Краткосрочные ссуды занимали в операциях банка в сравнении с долгосрочными небольшое место. По итогам 1906 г. учреждение выдало долгосрочных ссуд на сумму 1383400 руб., краткосрочных почти в десять раз меньше – 134100 руб. [Отчет Ярославско-Костромского..., 1907: Доклад Правления]

Первоначально полем действия Ярославско-Костромского земельного банка рассматривались только Владимирская, Костромская, Ярославская, Вятская и Вологодская губернии [ПСЗРИ, 1874, т. 47: 461]. С развитием железнодорожного сообщения между европейской и азиатской частями империи банк начал расширять поле свое деятельности. Если еще в 1896 г. на территории азиатской части страны не было ни одного представительства Ярославско-Костромского земельного банка, то уже к 1900 г. его агенты действовали во Владивостоке, Благовещенске, Иркутске, Красноярске, Семипалатинске, Чите, Хабаровске и др. [Отчет Ярославско-Костромского..., 1900: Приложение 6]. В Западное Забайкалье Ярославско-Костромской земельный банк привел Великий Сибирский путь. Согласно данным ведомости комиссией банка в 1899 г. в г. Верхнеудинске был оценен один объект (классифицируемый как «городское имение»). Сумма оценки составила 1000 руб. [Отчет Ярославско-Костромского..., 1901: Приложение 6].

В отличие от многих других финансово-кредитных учреждений (Государственный банк, акционерные коммерческие банки) Ярославско-Костромской земельный банк зачастую не имел постоянных филиалов-отделений

с большим количеством сотрудников. Распространением услуг банка на всей территории страны занимались его агенты, осуществлявшие прием и оформление заявок клиентов на получение ссуды. Агенты проводили оценку объектов недвижимого имущества, предлагаемых в качестве залога. Для этих целей ими порой совершались достаточно длительные поездки. В 1906 г. банком была потрачена на оплату командировочных расходов и премий агентам, совершившим поездки во Владивосток, солидная сумма в размере 20132 руб. [Отчет Ярославско-Костромского..., 1907: 16].

Однако на территории Западного Забайкалья агенты Ярославско-Костромского банка не смогли достичь успеха. Согласно данным отчетов, банк проводил в регионе операции достаточно нерегулярно и в сравнительно скромных размерах (табл. 10).

Таблица 10. Количество и стоимость, оцененного комиссией Ярославско-Костромского земельного банка недвижимого имущества в городах Верхнеудинск, Иркутск и Чита (в руб.)*

Город	Количество объектов			Сумма оценки		
	1899	1900	1901	1899	1900	1901
Верхнеудинск	1	0	0	1000	0	0
Иркутск	6	14	7	109700	175600	65600
Чита	12	14	12	195250	70770	68850

*Таблица составлена по: Отчет Ярославско-Костромского..., 1900: Приложение 6; Отчет Ярославско-Костромского..., 1901: Приложение 6; Отчет Ярославско-Костромского..., 1902: Приложение 6.

Как показывают данные таблицы, деятельность Ярославско-Костромского земельного банка в Западном Забайкалье не была активной. Даже в 1908 г. агентом банка была оформлена всего одна ссуда под залог городского имения (в г. Верхнеудинске) на сумму в 6000 руб. Для сравнения, в соседней Чите за тот же период было выдано четыре ссуды более чем на 60 тыс. руб. Всего же на 1 января 1909 г. за Ярославско-Костромским банком в Чите числился 51 объект

недвижимого имущества стоимостью 779720 руб. [Отчет Ярославско-Костромского..., 1909: Приложение 2]. Что же стало причиной столь незначительных результатов учреждения, специализирующегося на выдаче ссуд под земельные участки в сельскохозяйственном регионе?

Первая причина заключалась в том, что, несмотря на начатую банком в конце XIX столетия экспансию в азиатскую часть империи, его главным полем действия оставались губернии центральной части страны. Наглядным доказательством тому служат показатели долгосрочных ссуд, выданных банком под залог земельных имений (табл. 11.)

Таблица 11. Долгосрочные ссуды, выданные Ярославско-Костромским земельным банком (остаток на 1 января 1909 г., в руб.)*

Наименование региона	Количество заложенных имений	Число десятин земли	Сумма ссуды
Европейские губернии	480	615632	9546100
Пермско-Уральский регион	15	1695052	12552900
Азиатские области	25	53117	512300

*Таблица составлена по: Отчет Ярославско-Костромского..., 1909: Приложение 1.

Анализ таблицы показывает, что в основном деятельность банка в области долгосрочного кредитования под обеспечение земельными участками была сосредоточена в европейской части Российской империи и на Урале. Высокие цифры показателей Пермско-Уральского региона объясняются большим количеством заложенных земельных участков. Являясь по факту продуктом крестьянской реформы 1861 г., банк предпочитал действовать на территориях с развитым землевладением, где раньше действовало крепостное право. Регионы Сибири и Дальнего Востока, в отличие от европейской части страны практически не затронутые практикой крепостного хозяйствования, после крестьянской реформы не ощутили на себе заметного влияния изменений в земельно-правовых отношениях. В большинстве своем местные собственники-землевладельцы располагали сравнительно небольшими участками. Единственным регионом в

Сибири, где Ярославско-Костромским банком оказывались услуги более активно, была Тобольская губерния, поскольку там наблюдалась сравнительно большая концентрация крупных землевладельцев – клиентов, на которых ориентировался банк [Проскуракова, 2014: 271].

Вторая причина столь незначительной активности Ярославско-Костромского земельного банка в Западном Забайкалье объясняется особенностями местного земельного фонда. По состоянию на 1909 г. только 34,6% земельного фонда региона являлось сельскохозяйственными угодьями, остальные 65,4% классифицировались как «пустопорожные земли», в большинстве своем – таежные и горные территории, не представлявшие ценности в качестве объектов интереса земельных банков. Земельные участки, пригодные для использования в сельском хозяйстве, использовали следующие группы населения: крестьяне – 12,2%; казаки – 35,9%; государственные крестьяне – 6,2%. Автохтонное население региона – буряты – занимали 45,7% всего полезного земельного фонда Западного Забайкалья [Река Селенга..., 1913: 49–50]. При этом вплоть до 1900 г. права на землю у населения не имели четкого юридического оформления. После принятия 5 июня 1900 г. законодательного акта «Об утверждении главных оснований поземельного устройства населения Забайкальской области» было определено, что основным собственником земли в регионе становится сельская община. Устанавливалась норма в 15 десятин земли на каждого ее члена. За право пользования земельными угодьями община уплачивала государству налог. При этом земли, принадлежащие общине, не могли быть отчуждаемы или обременяемы долгами, соответственно, выпадали из оборота на земельном рынке и уже не могли рассматриваться банками как объект коммерческой недвижимости [ПСЗРИ, 1902, т. 20: 598–601].

Третьей причиной, существенно ограничившей деятельность Ярославско-Костромского земельного банка в Западном Забайкалье, как, впрочем, и на всей азиатской части Российской империи, стало ужесточение законодательства в области операций с городской недвижимостью. Широкое развитие городских

ипотечных операций негативно отражалось на стоимости ценных бумаг – закладных листов, приводя к их удешевлению. Падение цен на земельные облигации наносило урон главным клиентам банков – земельным заемщикам, удорожая оказываемый им кредит [Проскурякова, 2014: 254]. В итоге 29 апреля 1902 г. был принят закон «Об утверждении правил об упрочнении деятельности частных банков», который закреплял следующее положение: «В акционерных земельных банках сумма ссуд под залог городских недвижимых имуществ не должна превышать одной трети общего итога остающихся непогашенными ссуд. Если в банке превзойдено это соотношение, то впредь до его восстановления ссуды под городские недвижимые имущества могут быть ежегодно выдаваемы на сумму не свыше одной пятой доли всех выданных в течение года ссуд» [ПСЗРИ, 1904, т. 22: 247]. Данное положение существенно ограничивало деятельность земельных банков в операциях с объектами городского недвижимого имущества.

Вероятно, Ярославско-Костромской земельный банк выдавал ссуды под залог городских объектов недвижимости в Сибири и на Дальнем Востоке, но только в населенных пунктах, находящихся вблизи железных дорог. Этим можно объяснить отсутствие интереса учреждения к недвижимости в других городах региона, таких как Кяхта-Троицкосавск и Баргузин.

Таким образом, располагая солидными ресурсами, большими возможностями и длительным опытом работы Ярославско-Костромской земельный банк не смог реализовать свой потенциал в финансовом секторе Западного Забайкалья. Отсутствие в регионе развитого земельного рынка и введение в начале XX столетия ограничительных мер на операции с городскими объектами недвижимости стали главными причинами неуспеха. Самостоятельно же сформировать региональный рынок недвижимости учреждение не смогло.

Подводя итоги первого этапа второго периода (1900-е гг.) в истории развития банковской системы Западного Забайкалья можно выделить следующие его особенности:

1. В процессе формирования банковской системы региона продолжилось развитие заложенных в 1890-е гг. основ – укрепление позиций частных финансово-кредитных институтов в лице Русско-Китайского банка и постепенная сдача позиций государственными учреждениями (ликвидация Верхнеудинского отделения Государственного банка). Попытки казначейских отделений навязать конкурентную борьбу были обречены на провал в виду ограниченности их оперативных возможностей на кредитном рынке.

2. В лице Русско-Китайского банка население и деловые круги Западного Забайкалья получили полноценный финансово-кредитный институт, не стесненный временными рамками как Верхнеудинское отделение Государственного банка. Наличие разветвленной и развитой сети офисов по всему миру, доступ к современным финансовым продуктам сделали Русско-Китайский банк основной силой в регионе. Деятельность банка не только способствовала развитию экономики Западного Забайкалья, но и активно содействовала продвижению российского влияния в страны Внутренней Азии.

3. На данном этапе, как никогда ранее, особенно остро обозначилась зависимость экономики региона и ее финансового сектора от внешнеполитических условий. Поражение России в войне с Японией нанесло огромный урон банковской системе Западного Забайкалья, затормозив ее развитие и значительно усложнив распространение экономического влияния империи на территорию Монголии.

4. Опыт 1900-х гг. показал ограниченность кредитного сектора региона, вызванную особенностями его социально-экономического развития. Обозначился явный уклон в сторону товарно-ссудных операций, при этом потенциально выгодный рынок недвижимости не был включен в общий финансовый оборот. Данное обстоятельство, на наш взгляд, значительно ограничивало развитие кредитного сектора экономики Западного Забайкалья. Даже приход в регион крупного и влиятельного игрока в лице Ярославско-Костромского земельного банка не смог переломить ситуацию.

5. Несмотря на сложную экономическую ситуацию в стране, вызванную последствиями поражения в войне с Японией и революционными событиями 1905–1907 гг., кредитные организации региона смогли достаточно эффективно обеспечить местных предпринимателей необходимыми услугами. В 1900 г. в г. Троицкосавске действовало 26 фабрик, располагавших 106 рабочими. Стоимость произведенной ими продукции составила всего 89 тыс. руб. [Обзор..., 1901: Ведомость 5] В 1910 г. в городе работало 31 предприятие. Число рабочих выросло до 323 человек. Продукции было выпущено на 288 тыс. руб. [Обзор..., 1911: Ведомость 3]. Безусловно, промышленный сектор региональной экономики все еще находился на достаточно низком уровне развития, но обозначились ориентиры его роста.

2.2. Активизация частной инициативы в организации банковских учреждений в предвоенный период (1909–1913 гг.)

Приход на финансовый рынок региона Сибирского торгового банка (1910 г.)

Период 1909–1913 гг. стал в истории Российской империи временем экономического подъема, который наступил после затяжного кризиса 1900–1908 гг. Во многом оживление экономики страны стало результатом проведения Столыпинской аграрной реформы, в ходе которой новые частновладельцы составили достойную конкуренцию старым землевладельцам. За пять лет – с 1908 по 1912 гг. – производство пшеницы возросло на 37,5%, кукурузы – на 44,8%, ячменя – на 62,2%. Независимые крестьянские хозяйства требовали все больше промышленной продукции, что и обусловило промышленный подъем. Столыпинская аграрная реформа, ускорившая дифференциацию сельского населения и развитие капитализма, способствовала увеличению спроса на сельскохозяйственные машины, удобрения и другую промышленную продукцию. Этому способствовало и существенное, на 35%, увеличение мировых цен на зерновые культуры [Муравьева, 2002: 29–30]. В результате, рост производства фабричной промышленной продукции составил 31%, увеличившись с 4443 млн. руб. в 1909 г. до 6522 млн. руб. в 1913 г. Российский экспорт в указанный период возрос на 92 млн. руб., увеличение внутреннего торгового оборота составило свыше 27% [Бовыкин, 2001: 66].

Оживление экономики благотворно отразилось на развитии предпринимательской активности. Количество новоучрежденных компаний возросло со 107 в 1906 г. (с капиталом 87,3 млн руб.) до 409 в 1913 г. (с капиталом 554 млн руб.) [Мошенский, 2011: 70]. С увеличением числа новых предпринимателей резко вырос спрос на финансовые услуги, что спровоцировало подъем в банковском секторе страны. Открывались новые кредитные организации, старые расширяли свою деятельность в новых регионах. По состоянию на 1890 г. в Российской империи насчитывалось 33 акционерных

коммерческих банка [Фадейкина, Демчук, 2007: 115], спустя 24 года, к началу Первой мировой войны, действовали 53 учреждения, располагавшие 778 филиалами по всей стране [Бойко, 2011: 132]. Расширялась деятельность и ранее существовавших банков. Ярким тому примером служит Азовско-Донской коммерческий банк, увеличивший к 1914 г. число своих отделений до 73 офисов [Горбик, 2020: 48]. Поиск перспективных мест для размещения капиталов и расширения зоны влияния требовал от банков открытия новых филиалов не только в крупных торговых и промышленных центрах империи. Ранее бесперспективные из-за удаленности и неразвитости в промышленном отношении небольшие города азиатской части России, ныне связанные с остальной страной железными дорогами и телеграфными линиями, стали представлять немалый интерес для различных кредитных организаций. Не стали исключением и города Западного Забайкалья.

К 1910 г. на территории Западного Забайкалья действовали следующие учреждения, оказывавшие банковские услуги населению: филиалы Русско-Китайского банка в Верхнеудинске и Кяхте и три уездных казначейских отделения (Баргузин, Верхнеудинск, Кяхта). Едва заметную активность на кредитном рынке региона демонстрировали агенты Ярославско-Костромского земельного банка. Указанные учреждения не могли полностью удовлетворить спрос со стороны заинтересованных лиц. Как констатировал на состоявшемся летом 1909 г. собрании городской думы верхнеудинский городской голова И.В. Титов, «услуги Русско-Китайского и Ярославско-Костромского банка были доступны далеко не всем заинтересованным лицам» [ГАРБ, ф. 10, оп. 1, д. 2592, л. 8]. Решение проблемы было возможно в случае увеличения новых, выгодных для клиентов предложений, исходящих от финансово-кредитных институтов, созданных в результате усиления конкурентной борьбы в региональном банковском секторе.

С началом экономического подъема 1909–1913 гг. на финансовом рынке Западного Забайкалья наступило время открытия новых кредитных организаций. Одним из первых в регионе появился филиал Сибирского торгового банка.

Сибирский торговый банк был создан в 1872 г. с уставным капиталом в 4 млн. руб. Центральный офис располагался в г. Екатеринбурге [ПСЗРИ, 1875, т. 47: 61]. В 1903 г. штаб-квартира банка была перенесена в г. Санкт-Петербург [Отчет Сибирского Торгового..., 1904: Состояние счетов СТБ].

Первоначально руководство Сибирского торгового банка не ставило целью увеличение числа своих филиалов. По состоянию на 1894 г. банк имел офисы в Екатеринбурге, Томске, Тюмени [Исторический очерк..., 1911: 28]. В 1873 г. был открыт филиал в Иркутске [Иркутские губернские..., 1873: № 30: 3]. Положение кардинально стало меняться в 1890-е гг., когда в связи с начавшимся экономическим подъемом произошел всплеск активности на финансовом рынке империи. Ускоренное строительство Великого Сибирского пути дало дополнительный импульс развитию экономики Сибири и Дальнего Востока – основных территорий деятельности банка. Уже в 1894 г. были открыты новые отделения в Барнауле и Омске, в 1896 г. – в Благовещенске, Владивостоке, Красноярске и Троицке (Челябинская область) [Исторический очерк..., 1911: 28]. К 1916 г. Сибирский торговый банк располагал 60 отделениями и 7 комиссионерствами. Кроме того, банк открывал свои временные отделения на время действия Ирбитской (25 января – 24 февраля) и Нижегородской (25 июля – 31 августа) ярмарок [Вестник Финансов..., 1916: 924].

В начале XX столетия Сибирский торговый банк демонстрировал достаточно неплохие показатели. Несмотря на сокращение прибыли учреждения в 1901-1903 гг., банк стабильно наращивал обороты деятельности (табл. 12).

Таблица 12. Общий оборот по операциям Сибирского торгового банка в 1899–1910 гг. (в руб.)*

Год	Оборот	Прибыль
1899	2163356419	611621
1900	2372980638	614813
1901	2501670526	493445
1902	2724475739	547340
1903	3006769959	554570
1904	Нет данных	Нет данных
1905	Нет данных	Нет данных
1906	5397707817	924579
1907	6171049911	1563435
1908	7372623487	1567069
1909	9111096456	2081647
1910	12175368066	2238069

*Таблица составлена по: Отчет Сибирского..., 1900: 3, 28; Отчет Сибирского..., 1901: 3, 28; Отчет Сибирского..., 1902: 7, 26; Отчет Сибирского..., 1903: 24; Отчет Сибирского..., 1904: 7, 28; Отчет Сибирского..., 1907: 7, 28; Отчет Сибирского..., 1908: 7, 28; Отчет Сибирского..., 1909: 7, 28; Отчет Сибирского..., 1910: 7, 28; Отчет Сибирского..., 1911: 7, 28.

Причина снижения размеров прибыли заключалась во вступлении российской экономики в указанные годы в полосу кризиса. Как особо отмечалось в отчете Сибирского торгового банка, события в Китае («боксерское восстание» 1899-1901 гг.), финансовый кризис и неурожай зерновых также весьма негативно отразились на деятельности учреждения в начале XX в. [Отчет Сибирского..., 1902: Записка Совета СТБ]. Показатели работы банка в 1906 г. по сравнению с 1903 г. уже демонстрировали существенный рост – почти на 80%.

Специфика деятельности Сибирского торгового банка заключалась в его особом внимании к операциям с драгоценными металлами. В числе учредителей банка значились лица, имевшие свой интерес в золотодобывающей отрасли – генерал-адъютант Г.А. Шувалов, генерал-майор П.П. Дурново, банкиры Г.Е. Гинцбург, Н.Д. Берндаки, Л.М. Розенталь. И хотя со временем банк стал активно развивать ссудные и сберегательные услуги, участие в золотопромышленных предприятиях по-прежнему играло значительную роль в его деятельности. Сибирский торговый банк тесно сотрудничал с Южно-Алтайским золотопромышленным делом, Бийским золотопромышленным товариществом и Обществом Ольховских золотых рудников [Байтемирова, 2004: 271–272]. С целью обслуживания клиентов-золотопромышленников банк развернул сеть золотосплавочных лабораторий, где оперативно и качественно производились сплав, оценка и покупка драгоценных металлов. К 1910 г. лаборатории, принадлежащие учреждению, располагались в городах Благовещенск, Верхнеуральск, Екатеринбург, Иркутск, Красноярск, Семипалатинск и Томск [Исторический очерк..., 1911: 29]. Иркутская лаборатория Сибирского торгового банка была открыта в 1910 г. [Шахеров, 2011: 412–413]. Анализ месторасположения золотосплавочных лабораторий Сибирского торгового банка показывает, что они размещались в городах, находившихся в районах с развитой добычей драгоценных металлов. При этом банк крайне аккуратно и осторожно вел дела с золотопромышленниками, отдавая предпочтение только солидным и успешным предпринимателям. Кредит выдавался лишь после прохождения клиентом тщательной проверки, с учетом данных балансовой отчетности и результативности деятельности предприятия за предшествующие годы. Сотрудники банка проводили анализ предоставляемой промышленником сметы на добычу золота на предстоящую кампанию, а также проверяли кредитоспособность как предприятия в целом, так и всех его собственников или пайщиков в отдельности [Плотникова, 2021: 128].

На территории Западного Забайкалья с его значительными месторождениями золота представительства банка долгое время отсутствовали. При этом добыча драгоценного металла в Баргузинском, Верхнеудинском и Троицкосавском уездах только в 1909 г. составила более семи центнеров [Обзор..., 1910: 49]. Добытое в Забайкалье золото ввиду отсутствия на казенных учреждениях ответственных за его прием и покупку вывозилось предпринимателями в Иркутск, где с 1871 г. действовала государственная золотосплавочная лаборатория Госбанка, принимавшая драгоценный металл и производившая расчеты с поставщиками. Кредитные услуги забайкальским золотопромышленникам вплоть до 1890-х гг. оказывали Иркутское отделение Государственного банка и городской банк Е. Медведниковой.

По поводу даты открытия в Верхнеудинске постоянного отделения Сибирского торгового банка имеются различные мнения. Согласно данным, предоставленным Национальным банком Республики Бурятия, офис учреждения был открыт в 1898 г. [Электронный ресурс: URL: <https://ver.ru/bbl/history/cbr-118.html>]. Однако в ходе работы с общими отчетами банка с 1899 по 1910 гг. было установлено, что филиал Сибирского торгового банка в г. Верхнеудинске был открыт лишь в 1910 г. [Отчет Сибирского..., 1910: 6]. Об этом свидетельствуют данные статистических источников тех лет. Согласно выпуску журнала «Русские банки: Перечень городов и селений, в коих находятся кредитные учреждения и их филиальные отделения» за 1907 г. в Верхнеудинске действовали только временное отделение Государственного и постоянный офис Русско-Китайского банков [Русские банки..., 1907: 5]. В выпуске за 1910 г. уже отмечено открытие в городе полноценного филиала Сибирского торгового банка [Русские банки..., 1910: 7].

Немаловажным обстоятельством, повлиявшим на сравнительно позднее появление отделения Сибирского торгового банка в Западном Забайкалье, была конкуренция со стороны Русско-Китайского банка, который обладал намного более серьезными ресурсами. В 1909 г., перед своей реорганизацией, находясь в

достаточно тяжелой финансовой ситуации, Русско-Китайский банк смог получить прибыль в размере 2354499 руб. [Отчет Русско-Китайского..., 1910: Доклад ревизионной комиссии]. Сибирский торговый банк, будучи в более выгодном положении, закончил год с заметно меньшим доходом – 2081647 руб. (см. табл. 12). Русско-Китайскому банку покровительствовали властные круги Российской империи, что существенно облегчало ведение дел.

Руководство банка прекрасно осознавало степень опасности, которую представлял для них Сибирский торговый банк. Поэтому сотрудники Русско-Китайского банка внимательно следили за действиями своих оппонентов, направленными на расширение влияния в регионах. Сотрудник Кяхтинского отделения Русско-Китайского банка М.И. Громов, получив в сентябре 1910 г. информацию о попытках Сибирского торгового банка развернуть свой офис в соседнем Троицкосавске, незамедлительно известил об этом Правление учреждения. Согласно его письму, в случае проникновения Сибирского торгового банка на финансовый рынок Троицкосавска-Кяхты деятельность Русско-Китайского банка ждал неминуемый крах. С целью принятия упреждающих мер и нивелирования вероятной угрозы М.И. Громов предлагал перенести офис учреждения с территории Кяхтинской слободы в г. Троицкосавск [РГИА, ф. 630, оп. 1, д. 405, л. 7, 8, 9, 10]. Вероятно, лишь временное ослабление позиций соперника, вызванное реорганизацией в 1910 г., способствовало успешному открытию филиала Сибирского торгового банка в г. Верхнеудинске.

Отделение Сибирского торгового банка в Верхнеудинске начало свои действия в 1910 г. Дом, в котором размещался офис учреждения, был арендован у мещанина Я.М. Рубинштейна (см. прил. 10). Внутреннее устройство отделения Сибирского торгового банка не отличалось от аналогичных офисов других кредитных организаций. Руководство офисом осуществлял назначаемый Правлением директор, помимо которого в штат входили кассир, бухгалтер и артельщики. Содействие в определении кредитоспособности клиентов банку

оказывал специальный учетный комитет, формировавшийся из числа уважаемых и успешных местных предпринимателей [Плотникова, 2021: 125–127].

Об условиях труда и материальном обеспечении сотрудников Верхнеудинского офиса Сибирского торгового банка можно судить исходя из общего отчета учреждения за 1910 г., в котором в графе «расходы по управлению и содержанию» значились следующие статьи:

- «1. Оплата (аренда) помещения, отопление и освещение;
2. Книги (бухгалтерские), бланки, канцелярские принадлежности;
3. 10% (*прим: вероятно от прибыли – А.Ш.*) на погашение движимого имущества, обзаведение и устройство;
4. Газеты, отчеты, публикации и курсовые бюллетени;
5. Промысловые (свидетельства), адресные и иные повинности;
6. Разъездные, суточные и расходы по организации новых отделений;
7. Почтовые, телеграфные и разные расходы;
8. Вознаграждение членов Учетных комитетов и ревизионной комиссии;
9. Отчисления в ссудо-сберегательную кассу служащих [Отчет Сибирского..., 1911: 23].

Анализ расходных статей показывает, что в Сибирском торговом банке создание надлежащих условий труда было поставлено на должном уровне. Помимо обеспечения всем необходимым для осуществления повседневной деятельности служащие банка имели ряд дополнительных привилегий, например, располагали возможностью пользоваться услугами ссудо-сберегательной кассы, что позволяло не только иметь гарантированный источник льготного кредита, но и самостоятельно формировать свои собственные финансовые резервы.

Сибирский торговый банк предоставлял своим клиентам весьма широкий спектр услуг: учет и переучет векселей, выдача ссуд и кредитов, переводы денежных средств, покупка-продажа по поручению ценных бумаг, недвижимости, товаров. Учреждение занималось куплей-продажей драгоценных металлов и

ценных бумаг, реализовывало облигации государственного займа, принимало на хранение денежные вклады и ценности [ПСЗРИ, 1875, т. 47: 62–63].

Услугами банка пользовался достаточно широкий круг лиц – это и видные купцы и промышленники и достаточно небольшие предприниматели. В числе верхнеудинских клиентов Сибирского торгового банка значились известный купец Н.Л. Капельман и владелец крупнейшего предприятия региона – пивоваренного завода – А.К. Кобылкин [РГИА, ф. 638, оп. 1, д. 211, л. 52 об]. При этом услуги банка были доступны жителям не только Верхнеудинска, но и достаточно отдаленных районов. Например, клиентами банка были владелец кожевенного завода, расположенного в с. Кабанске, М.И. Вольф и хлеботорговец М.Т. Вельчанский из с. Наушки [Там же: л. 17]. Зачастую клиентами банка становились целые семьи, например, баргузинские торговцы пушниной и поставщики припасов на золотые прииски И.А. и И.М. Дубниковы или торговцы сельскохозяйственной продукцией из с. Куналей Ф.А. и Г.М. Зубицкие [Там же: л. 29, 39 об]. Пользовались услугами Верхнеудинского отделения Сибирского торгового банка и представители автохтонного населения Западного Забайкалья – буряты. Например, торговцы скотом и хлебной продукцией Ц.-Д. Дашеев (с. Шинустуй) и Д.-Ж. и Ц.-Д. Дабдановы, проживавшие в окрестностях Цолгинского дацана [Там же: л. 29].

Благодаря умелой и осторожной финансовой и кадровой политике, Сибирский торговый банк смог занять достойное место в финансовой системе Российской империи. В 1914 г. по объемам основных активов и пассивов учреждение находилось на седьмом месте в десятке крупнейших акционерных банков страны [Гиндин, 1948: 382]. При этом в регионах, например, в Иркутской губернии или Забайкальской области, Сибирский торговый банк зачастую успешно конкурировал с намного более крупными финансово-кредитными институтами (см. табл. 13).

Таблица 13. Основные показатели деловой активности отделений Русско-Азиатского и Сибирского торгового банков в г. Верхнеудинске за 1913 г. (в руб.) *

Наименование позиции	Русско-Азиатский банк		Сибирский торговый банк	
	1.01.1913 г.	2.12.1913 г.	1.02.1913 г.	1.12.1913 г.
Касса	12530	12780	10000	17000
Учетно-ссудные операции	777858	875776	905000	798000
Текущие счета и вклады	741066	807549	225000	212000

*Таблица составлена по: ГАРБ, ф. 282, оп. 1, д. 177, л. 1, 3, 48, 49.

Данные таблицы демонстрируют, что Сибирский торговый банк достаточно быстро – за три года (с 1910 по 1913 гг.) – смог занять достойное место на кредитном рынке Западного Забайкалья, потеснив прежде безусловного гегемона в лице Русско-Китайского (Русско-Азиатского) банка. При этом необходимо обратить внимание на то, что учреждение, заметно уступая своему оппоненту в области привлечения средств клиентов на депозитные счета, практически не уступало ему в объемах кредитования. То есть клиенты в столице Западного Забайкалья предпочитали хранить свои средства в Русско-Азиатском банке, а получать ссуды в Сибирском торговом. Вероятно, условия кредитования для клиентов в Сибирском торговом были намного лучше, кроме того сотрудники банка были намного лучше подготовлены. Об этом свидетельствуют данные, собранные сотрудником Русско-Китайского банка Г.М. Левиным, проводившим ревизионную проверку Иркутской группы отделений в 1908 г. Г.М. Левин отмечал, что в Иркутске учреждение потерпело поражение в борьбе со своим конкурентом в лице Сибирского торгового банка. Благодаря профессиональной работе своих сотрудников, Сибирский торговый банк смог перевести под свой контроль наиболее ценную часть местной клиентуры и свободных капиталов [РГИА, ф. 632, оп. 1, д. 283, л. 150, 151].

Таким образом, несмотря на достаточно позднее появление Сибирского торгового банка на территории Западного Забайкалья, он смог успешно

встроиться в систему кредитных организаций региона. Клиентами учреждения стали не только золотодобывающие компании, но и многие видные промышленники, торговцы, представители аграрного бизнеса. Несмотря на более скромные по сравнению со своим главным конкурентом – Русско-Азиатским банком – ресурсы, Сибирский торговый банк занял видное место на финансовом рынке Западного Забайкалья. Умелое руководство и клиентоориентированная политика способствовали укреплению позиций учреждения в регионе.

*Роль верхнеудинского городского головы И.В. Титова в организации
муниципального банка и общества взаимного кредита в Верхнеудинске.*

*Кяхтинское общество взаимного кредита как конкурент Русско-Азиатского
банка в российско-монгольском приграничье*

В 1909 г. верхнеудинский городской голова И.В. Титов (1907–1915 гг.) сетовал: «В городе же никакого банка, который бы был доступен для жителей нет. Существующее же отделение Русско-Китайского банка доступно лишь коммерсантам, а отделение Ярославско-Костромского земельного банка – крупным домовладельцам, либо для лиц, имеющих многодоходные и многоценные недвижимости» [ГАРБ, ф. 10, оп. 1, д. 2592, л. 8]. Даже после открытия в 1910 г. отделения Сибирского торгового банка ситуация не изменилась. «Для малосостоятельных (жителей г. Верхнеудинска) остается опять только возможность читать вывески (банков) и сетовать, что богатому человеку всюду есть кредит, а для бедного всюду нет», – отмечал И.В. Титов [Там же: л. 36 об]. Именно с личностью главы верхнеудинского самоуправления И.В. Титова напрямую связаны два проекта, направленных на создание на территории Западного Забайкалья финансово-кредитных институтов, чьи услуги были бы доступны широкому кругу лиц. Стартовавшие примерно в одно время проекты И.В. Титова ждала разная судьба. Один проект, направленный на воссоздание городского общественного банка, ждала неудача, второй, предусматривавший

организацию Верхнеудинского общества взаимного кредита (ВОВК), был успешно реализован.

После ликвидации в 1886 г. Верхнеудинского городского общественного банка кредитные организации подобного типа более не появлялись на территории Западного Забайкалья. Появление в конце 1890-х гг. филиалов Русско-Китайского банка в Верхнеудинске и Кяхте и открытие действующего во время проведения Верхнеудинской ярмарки временного отделения Государственного банка смогли существенно снизить потребность экономики региона в кредитных услугах. В то же время, как упоминалось выше, данные финансовые учреждения были доступны только представителям крупного бизнеса или действовали непродолжительное время (временное отделение Госбанка). Основная масса жителей региона, даже его административной и экономической столицы – Верхнеудинска, не имела возможности пользоваться на регулярной основе банковскими услугами.

С целью решения данной проблемы власти г. Верхнеудинска решили воссоздать в городе общественный банк. Однако долгое время в связи с дефицитом средств в городской казне не было возможности сформировать необходимый для организации учреждения уставной капитал. Ситуация изменилась в 1909 г. с избранием на пост городского головы купца 2-й гильдии И.В. Титова, бывшего крайне энергичным сторонником создания в городе собственного финансово-кредитного института. На состоявшемся 4 июня 1909 г. заседании городской думы И.В. Титовым было предложено в качестве капитала банка использовать полученные от Военного ведомства 18 тыс. руб. Данные средства появились благодаря продаже ведомству под устройство интендантских складов 75 десятин городской земли. И.В. Титов, будучи предусмотрительным человеком, заранее – еще в апреле 1909 г. – получил одобрение проекта у Иркутского военного генерал-губернатора А.Н. Селиванова (1906-1910 гг.). Рассмотрев предложение И.В. Титова, члены городской думы постановили возбудить ходатайство перед властями страны об учреждении городского

общественного банка. Для этого городской управе поручалось составить проект устава учреждения и подготовить все остальные необходимые документы [Там же: л. 8, 8 об]. С целью ознакомления с особенностями делопроизводства и выявления эффективности финансовой деятельности городского общественного банка Верхнеудинская городская управа направила своим коллегам в Томск, Иркутск и Читу прошения о предоставлении отчетов местных городских банков. Были получены отчеты Томского и Читинского городских общественных банков, позволившие прояснить многие моменты в функционировании банка [Там же: л. 14, 16]. И.В. Титов предпринял огромные усилия для привлечения к созданию городского банка представителей местного казачьего населения. Обращаясь в письме к Верхнеудинскому станичному атаману И.П. Дружинину, он просил его поддержать создание банка, призывая «сплотиться и идти совместно на всякое улучшение городской жизни» [Там же: л. 36, 36 об].

Проект И.В. Титова по созданию Верхнеудинского городского общественного банка не увенчался успехом. Причиной тому стал постоянный дефицит средств в городской казне, для покрытия которого муниципальные власти были вынуждены тратить капитал проектируемого учреждения. По итогам 1910 г. городские расходы превышали доходы более чем на 10 тыс. руб. К концу июня 1910 г. из имевшихся в распоряжении городской думы 18 тыс. руб. 4400 руб. было истрачено на выдачу дополнительных квартирных денег офицерским чинам 1-го Сибирского железнодорожного батальона, 10 тыс. руб. – на покрытие дефицита средств городской казны; 3600 руб. – на санитарные мероприятия против холеры и чумы [Там же: л. 29, 29 об]. В результате 29 июля 1910 г. Министерство финансов Российской империи вынесло решение об отказе муниципальным властям г. Верхнеудинска в создании городского общественного банка [Там же: л. 43].

Намного более успешным стал проект И.В. Титова, направленный на создание городского общества взаимного кредита (ОВК) (см. прил. 11). Являясь детищем финансовой реформы 1860–1864 гг., ОVK имели ряд особенностей.

Первое подобное общество в Российской империи – Санкт-Петербургское – появилось 9 апреля 1863 г., когда был утвержден его устав [ПСЗРИ, 1866, т.38: 323]. В отличие от банков, предпочитающих работать с крупными и солидными клиентами, ОВК действовали в интересах мелких и средних торговцев и промышленников. Этому активно способствовало то обстоятельство, что в состав учетно-ссудных комитетов Государственного и акционерных банков входили представители крупного купечества, крайне неохотно допускавшие к учету векселя мелких торговцев [Грузицкий, 2002: 66].

Главной целью деятельности любого ОВК было предоставление его членам оборотных средств на льготных условиях и оказание различных финансовых услуг. Структурно ОВК представляли собой потребительские кооперативы, в которых предусматривалось участие членов общества в получении доли от прибыли учреждения и взаимное ручательство всех членов за каждого и каждого в известных пределах за всех. ОВК являлось кредитным товариществом, за долги которого каждый участник отвечал в размере открытого ему кредита, который мог максимально в десять раз превышать его членский взнос и определял величину долевого участия в прибыли.

Стать членом общества мог любой промышленник, торговец или служащий, желающий пользоваться кредитом и имеющий возможность предоставить соответствующее обеспечение. Вступление и выход из общества были совершенно свободными. Выход из ОВК осуществлялся по собственному желанию клиента и требовал только заблаговременной подачи заявления [Васильева, 2005: 67]. Главной отличительной особенностью ОВК являлось то, что руководство ими могли осуществлять лица, не имеющие отношения к предпринимательской деятельности, и отнюдь не профессиональные финансисты. В 1912 г. председателем совета Верхнеудинского общества был известный городской доктор К.И. Легков, возглавлявший Верхнеудинский лазарет Красного Креста, а с 1915 г. занимавший пост городского головы [Плеханова, Ширапов, 2020: 53].

Выгодные условия кредитования, предоставляемые ОВК своим членам, стали причиной настоящего бума их учреждения по всей территории Российской империи. Если в 1864–1870 гг. было создано 13 ОВК, то уже к 1911 г. их число составило 604. К 1911 г. членами ОВК были 371585 человек. Суммарно оборотный капитал ОВК превышал 74 млн. руб. [Васильев, 2011: 264–265].

На территории Западного Забайкалья первые ОВК появились достаточно поздно – в 1911 г. в Верхнеудинске [Отчет Верхнеудинского..., 1913: 1–2], в 1913 г. в Кяхте [ГАРБ, ф. 222, оп. 1, д. 4. Л. 1]. При этом в соседнем Иркутске первая попытка создания ОВК была предпринята еще во второй половине XIX столетия. Устав Иркутского ОВК был утвержден министром финансов М.Х. Рейтерном 15 ноября 1874 г. Впрочем, согласно данным Е.В. Плотниковой, созданное ОВК так и не смогло начать работу. Фактически Иркутское ОВК развернуло свою деятельность в 1903 г. [Плотникова, 2021: 14–16].

Для реализации своего плана И.В. Титов, начиная еще с 1906 г., проводил активные подготовительные мероприятия [ГАРБ, ф. 10, оп. 1, д. 2236, л. 6.]. В качестве образца городской голова использовал устав Иркутского общества взаимного кредита [Плеханова, Ширапов, 2020: 51]. Заручившись поддержкой местных властей в лице верхнеудинского уездного начальника, городской голова активизировал усилия по созданию общества [ГАРБ, ф. 10, оп. 1, д. 2236, л. 4]. В качестве консультанта к делу создания ОВК И.В. Титовым был привлечен известный читинский финансист И.В. Громов, ранее предпринимавший попытки организовать подобное общество в Чите, но не преуспевший в этом начинании. Будучи убежденным сторонником ОВК, Громов с энтузиазмом откликнулся на предложение о сотрудничестве со стороны верхнеудинского головы. Помимо консультативных услуг И.В. Громов, используя свои связи в финансовом мире Дальнего Востока, получил одобрение Хабаровского ОВК на получение ссуды в размере 25 тыс. руб. для формирования начального капитала будущего общества [Там же: л. 1, 1 об]. Усилия И.В. Титова не были напрасны и уже 28 октября 1908 г. Общество торгующих Верхнеудинска постановило, что учреждение в городе

ОВК крайне желательно. Члены общества просили И.В. Громова приехать в Верхнеудинск для оказания помощи в создании ОВК [Там же: л. 3].

Устройство Верхнеудинского ОВК (ВОВК) не отличалось от структуры аналогичных обществ. Высшим органом управления являлось Общее собрание членов, собиравшееся один раз в год не позднее марта месяца. Каждый член общества имел один голос вне зависимости от размера участия в капитале общества, но мог располагать еще одним голосом по письменному доверию от отсутствующего члена. Решения на Общем собрании принимались голосованием, при этом для кворума необходимо было присутствие одной трети членов ВОВК. Для ведения текущих дел Общее собрание общества избирало подотчетные ему Совет, Правление и Приемный комитет [Плеханова, Ширапов, 2020: 51]. Отбор в члены ВОВК был весьма тщательным. Каждый претендент предоставлял личные сведения о себе, своем имущественном положении, наличии бизнеса и степени его успешности, подтверждающей кредитоспособность. В качестве правдивости предоставленных претендентом данных требовались свидетельства третьих лиц [ГАРБ, ф. 10, оп. 1, д. 2236, л. 7, 7 об]. Несмотря на столь строгие требования к потенциальным кандидатам на вступление в ВОВК, желающих стать его членами было немало, главным образом по причине возможности получения кредита на льготных условиях в весьма солидном размере – от 1 до 50 тыс. руб. [Там же, л. 6].

Открыло свои действия первое общество взаимного кредита на территории Западного Забайкалья только 1 июля 1911 г. [Баланс Верхнеудинского..., 1913: 1–2] Несмотря на столь позднее начало, ВОВК развернуло активную деятельность, направленную на усиление своего присутствия на финансовом рынке региона. Если по состоянию на 1911 г. в обществе состояло 174 членов, то уже в 1912 г. их число выросло до 217. Общий оборот ОВК увеличился с 2147635 руб. в 1911 г. до 10387206 руб. в 1912 г. [Отчет Верхнеудинского..., 1913: 22].

ВОВК оказывало своим клиентам следующие услуги: учет и переучет векселей, купонов, тиражных бумаг и срочных обязательств. Ссуды выдавались

под залог ценных бумаг, товаров и товарных документов. Клиенты ВОВК могли открыть специальные текущие счета (под обеспечение ценными бумагами, векселями, товарами и товарными документами). Кроме того, ВОВК занималось приемом вкладов, хранением ценностей и операциями с ценными бумагами [Баланс Верхнеудинского..., 1913: 1–2], осуществляло прием и отправку денежных переводов в различные города Российской империи и ближнего зарубежья (Китай) [Отчет Верхнеудинского..., 1913: 22]

За короткое время – уже к 1913 г. – ВОВК смогло добиться значительных успехов. Чтобы оценить деятельность общества, достаточно сравнить ряд показателей его деятельности с аналогичными данными Томского ОК (ТОВК) (см. табл. 14).

Таблица 14. Активные и пассивные операции ТОВК и ВОВК по состоянию на 1 января 1913 г. (в руб.)*

Наименование позиции	ТОВК	ВОВК
Касса	13969	10729
Учтенные векселя	895854	146591
Ссуды под залог ценных бумаг	19780	2276
Ссуды под залог товаров и товарных документов	22269	729
Специальные текущие счета, обеспеченные ценными бумагами	21044	534
Специальные текущие счета, обеспеченные векселями	12816	61229
Специальные текущие счета, обеспеченные товарами и товарными документами	–	8966
Срочные вклады	326546	37700
Бессрочные вклады	50579	400
Простой текущий счет	371119	62112

*Таблица составлена по: Отчет Томского..., 1913: 10–18; Отчет Верхнеудинского..., 1913: 4–5.

Исходя из анализа приведенных данных, заметно, что Верхнеудинское общество взаимного кредита заметно уступало практически по всем показателям Томскому. В то же время данные общего оборота средств кассы, учета векселей, ссуд под залог ценных бумаг демонстрируют, что показатели ВОВК составляли в среднем 1/5 часть от аналогичных цифр Томского общества. При этом количество членов ВОВК в 1912 г. составляло 217 [Отчет Верхнеудинского..., 1913: 14], в составе же ТОВК их насчитывалось 2230 [Отчет Томского..., 1913: 1]. Оборотный капитал Верхнеудинского общества к 1 января 1913 г. составлял 39250 руб. [Отчет Верхнеудинского..., 1913: 5], Томского – 163559 руб. [Отчет Томского..., 1913: 11]. Таким образом, показатели деятельности Верхнеудинского ОВК выглядят очень достойно. Согласно данным за тот же 1912 г., общество в Томске смогло получить прибыль в размере 11026 руб. [Отчет Томского..., 1913: 3], ВОВК закончило год с чистым доходом в размере 2644 руб., что составляло четверть от показателя ТОВК [Отчет Верхнеудинского..., 1913: 22].

Особый интерес представляют данные таблицы в графе «Специальные текущие счета, обеспеченные товарами и товарными документами», демонстрирующие подавляющее превосходство по этому показателю ВОВК над Томским ОВК. Возможной причиной столь скромных результатов ТОВК являются особенности состава членов обществ. Из 2230 членов ТОВК 1419 составляли служащие различных учреждений и 519 были предпринимателями [Отчет Томского..., 1913: 5]. В Верхнеудинском обществе из 217 членов торговцами и промышленниками были 156 человек [Отчет Верхнеудинского..., 1913: 11]. Таким образом, если для большинства членов ТОВК участие в обществе подразумевало во многом получение положенных дивидендов из общего дохода общества, то в Верхнеудинске ситуация была несколько иной. Участники ВОВК рассматривали свое участие в обществе в первую очередь как подспорье в развитии собственного бизнеса путем получения необходимых кредитов. На 1 января 1913 г. 138 членов ВОВК получили кредиты на сумму 289500 руб. [Там же]. Не располагая достаточным количеством ликвидных

средств (валюты или ценных бумаг), необходимых для открытия и ведения специального текущего счета, верхнеудинские предприниматели активно использовали в качестве обеспечения товары, векселя и товарные документы.

На финансовом рынке Западного Забайкалья успехи ВОВК были еще более заметными. На начало 1913 г. ситуация выглядела следующим образом (см. табл. 15).

Таблица 15. Состояние счетов кредитно-финансовых учреждений г. Верхнеудинска на начало 1913 г. (в руб.) *

Составляющие	Русско-Азиатский банк	Сибирский торговый банк	ВОВК
Касса	12530	10000	10400
Текущие счета	47500	41000	6900
Учетно-ссудные операция	777858	905000	249800
Вклады и текущие счета	741066	225000	131800

*Таблица составлена по: ГАРБ, ф 282, оп. 1, д. 177, л. 1, 3, 4.

Как видно из указанных выше данных, всего за один год ВОВК в условиях сильной конкурентной борьбы с намного более сильными соперниками смогло занять заметное место на финансовом рынке Западного Забайкалья. Все еще уступая практически по всем показателям филиалам Русско-Азиатского и Сибирского торговых банков, общество смогло продемонстрировать неплохие результаты. Особенно успешной стали для ВОВК кредитные и сберегательные операции, что объясняется выгодными условиями, которые учреждение предлагало своим членам.

Успешная работа ВОВК была обусловлена во многом грамотной и продуманной организацией дела. Для общества арендовалось отапливаемое и хорошо освещенное помещение, его сотрудники полностью обеспечивались всеми необходимыми принадлежностями [Там же: 18].

Эффективная деятельность общества в Верхнеудинске не осталась без внимания со стороны заинтересованных лиц и в других населенных пунктах Западного Забайкалья. 1 февраля 1913 г. открыло свою работу ОВК в Кяхте (КОВК) [ГАРБ, ф. 222, оп. 1, д. 4, л. 1]. Первоначально его членами были всего 51 человек, наличный оборотный капитал составлял 27400 руб. [Там же: л. 3]. Первым председателем Правления общества был избран купец 1-й гильдии, совладелец знаменитой фирмы «Коковин и Басов» М.А. Коковин [Там же: 4 об]. Всего за один год своей работы Кяхтинское общество смогло продемонстрировать достаточно серьезные успехи. К началу 1914 г. в нем состояло 124 члена с наличным оборотным капиталом в 66550 руб. [Там же: л. 13].

Деятельность КОВК стартовала вполне успешно (см. табл. 16).

Таблица 16. Активные операции ВОВК и КОВК в 1913 г. (в руб.)*

Наименование операции	ВОВК (по состоянию на 1.12. 1913 г.)	КОВК (по состоянию на 1.01.1914 г.)
Учет векселей	223382	162399
Ссуды под залог товаров и товарных документов	3517	8780
Специальные текущие счета, обеспеченные векселями	80758	166685
Специальные текущие счета, обеспеченные товарами и товарными документами	60267	145430

*Таблица составлена по: ГАРБ, ф. 222, оп. 1, д. 4, л. 2, 3 об; д. 117, л. 50.

Исходя из анализа данных таблицы 16, можно сделать вывод о том, что в первый год работы КОВК по ряду показателей значительно превзошло действовавшее уже два с половиной года общество в Верхнеудинске. Уступив ВОВК в количестве учтенных векселей, Кяхтинское общество сильно опережало

его по показателю специальных текущих счетов, что объясняется в первую очередь массовым вступлением новых членов в КОВК. Располагаясь вдали от главной транспортной и торговой магистрали – Транссибирской железной дороги, Кяхта в отличие от Верхнеудинска не имела большого разнообразия финансово-кредитных институтов. Действовавшее там с 1898 г. отделение Русско-Китайского (Азиатского) банка ввиду фактического свертывания деятельности учреждения в Монголии переживало не лучшие времена и не могло в полной мере удовлетворить потребности местных клиентов. Отделение Сибирского торгового банка, которое могло бы составить конкуренцию Русско-Китайскому, так и не появилось в Кяхте. Открытие собственного ОВК, несомненно, было встречено кяхтинскими предпринимателями с воодушевлением, что наглядно демонстрируют данные о составе членов общества. Из 124 членов КОВК торговцами и промышленниками значились 92 человека [Там же]. Для них открытие ОВК не только давало возможность получать ссуды на льготных условиях, но и существенно облегчало их деятельность на территории Монголии.

Помимо кредитования ОВК предоставляло своим членам услуги по приему и переводу денежных средств как внутри Российской империи, так и в странах Внутренней Азии. В 1913 г. КОВК осуществило прием 394 денежных переводов на общую сумму в 1064381 руб., из них почти половина – 166 стоимостью в 213245 руб., была отправлена из Монголии (Урга) [Там же: л.12].

Как уже упоминалось выше, основным конкурентом КОВК на местном кредитно-финансовом рынке являлось отделение Русско-Азиатского банка. Несмотря на существенную разницу в финансовых возможностях, Кяхтинское ОВК сумело значительно потеснить своего соперника. К сожалению, мы не имеем данных о динамике развития кредитных операций Кяхтинского отделения Русско-Азиатского банка с целью сопоставления их с аналогичными показателями КОВК. В качестве сравнения можно использовать данные по текущим счетам и вкладам по состоянию на 1 января 1914 г. Так, на начало года на депозитных счетах КОВК находилось всего 70986 руб., на текущих – 227188 руб. [Там же: л. 3, 4]. Эти

цифры были существенно ниже показателей Кяхтинского офиса Русско-Азиатского банка, которые составляли – 525990 руб. и 784486 руб. соответственно [РГИА, ф. 630, д. 406, л. 54]. Однако, необходимо особо подчеркнуть, что данный результат был достигнут КОВК всего за один год работы. Более того, учитывая, что в отличие от Верхнеудинска, где помимо филиалов Русско-Азиатского и Сибирского торгового банков, на финансовом поле действовали еще ВОВК и казначейское отделение, в Кяхте ситуация была несколько иной. Показатели деятельности КОВК в деле консолидации денежных средств на своих счетах свидетельствуют о том, что они были получены учреждением за счет перехода к нему части клиентской базы банка. Из-за отсутствия данных о состоянии депозитных и текущих счетов Кяхтинского казначейства мы не можем утверждать это с полной уверенностью.

Общества взаимного кредита на территории Западного Забайкалья сыграли заметную роль в развитии торгово-промышленного сектора региона. Став новым центром притяжения как предпринимателей, так и свободных капиталов, ОВК смогли достойно конкурировать с отделениями крупнейших российских банков. Непосредственное участие в управлении делами обществ местных жителей, льготное кредитование и взаимная ответственность стали слагаемыми успеха ОВК. Доступность ссуд не только для крупных и средних, но и для мелких предпринимателей стала важным фактором экономического развития.

Процесс создания ОВК на территории Западного Забайкалья стал своего рода ренессансом частной инициативы в деле развития банковской системы региона. Период некоторого затишья 1900-х гг., когда главные потребности местных предпринимателей удовлетворялись казначейскими отделениями, а также филиалами Русско-Китайского и Государственного банков, завершился. Экономический подъем 1909–1913 гг., пришедший на смену затяжной депрессии 1900–1908 гг., создал новый импульс для активизации местного бизнес-сообщества в деле создания новых кредитных организаций. Впрочем, подъем экономики дал возможность поправить свои дела и уже существовавшим в

регионе финансово-кредитным институтам, в первую очередь – Верхнеудинскому и Кяхтинскому отделениям Русско-Азиатского банка.

*Верхнеудинское и Кяхтинское отделения Русско-Азиатского банка в
предвоенный период: поиск новых путей развития*

К началу 1909 г. положение дел Русско-Китайского банка было сложным. Поражение России в войне с Японией обернулось для учреждения огромными убытками. Китайско-Восточная железная дорога, владельцем которой являлся банк, оказалась разделенной между Россией и Японией. Коммерческий престиж России в Китае, возвращаемый С.Ю. Витте, который надеялся за счет русской торговли на Востоке расплатиться по займам, заключенным на Западе, оказался поколеблен. Потери Русско-Китайского банка только за один 1907 г. превысили 11 млн. руб. [Петров, 2005: 83]. Общий оборот банка в 1905 г., составлявший более чем 23 млрд. руб. [Отчет Русско-Китайского..., 1906: 3], спустя четыре года, в 1909 г., снизился до 17 млрд. руб. [Отчет Русско-Китайского..., 1909: 3].

Как и у всего учреждения в целом, дела отделений Русско-Китайского банка в Западном Забайкалье находились в состоянии стагнации, усугубленной общим экономическим кризисом. Некоторые сотрудники отделений оказались в тяжелой жизненной ситуации. Согласно письму артельщика-кассира Кяхтинского отделения А.М. Иванова, датированному 19 августа 1910 г., условия жизни в слободе и до русско-японской войны «не отличались дешевизной и удобством». Артельщик, получавший хорошее жалованье в размере 1800 руб. в год, был вынужден просить у руководства банка денежную помощь, так как указанных средств ему и его семье не хватало [Ширапов, 2020: 36].

Спасением для банка стало назначение в начале 1908 г. на пост директора-распорядителя А.И. Путилова, который справедливо видел единственный путь спасения обескровленного банка в слиянии с каким-либо другим кредитным учреждением. В 1909 г. он вступил в переговоры с руководством Северного банка в Петербурге, который по форме был русским банком, но фактически представлял

собой филиал французских кредитных организаций – Генерального общества содействия развитию коммерции и промышленности во Франции (*Societe Generale pour favoriser le developement du Commerce et de l'industrie en France*) и Парижско-Нидерландского банка (*Banque de Paris et des Pays-Bas*). В результате в 1910 г. Путилову удалось реализовать свой проект: на базе двух прежних банков возник новый под названием Русско-Азиатский. В обмен на 3/4 акций французские партнеры обеспечили учреждение необходимыми капиталами [Петров, 2005: 83–84].

В основе стратегии развития банка А.И. Путилов видел не экономическую экспансию в страны Азиатско-Тихоокеанского региона, а переориентацию активности учреждения на внутренний рынок империи. Приоритет при этом отдавался вхождению банка в промышленный сектор страны. Перед началом Первой мировой войны банк выступил в роли организатора мощной военно-промышленной группы из восьми контролируемых им металлообрабатывающих предприятий, в которую вошли такие промышленные гиганты, как Общество Путиловских заводов, Товарищество Невского судостроительного и механического завода, Русское общество для изготовления снарядов и военных припасов и др. Общий акционерный капитал группы составлял 85 млн. руб., а сумма балансов – 230 млн. руб. Группа сосредоточила в своих руках частное производство артиллерии в России, часть производства судов для Балтийского флота, значительную долю выпуска снарядов и мин [Бойко, 2011: 132]. К 1917 г. благодаря созданному Путиловым консорциуму, включавшему три ведущих петербургских банка – Частный, Русский торгово-промышленный и Сибирский торговый, учреждение контролировало 160 акционерных компаний. Сумма их акционерных капиталов превышала 1 млрд. руб. [Петров, 2005: 84]. К 1 января 1914 г. Русско-Азиатский банк по совокупности основных активов и пассивов занял первое место в рейтинге российских коммерческих банков [Гиндин, 1948: 382].

Успешный выход банка из состояния кризиса и стагнации положительно отразился на состоянии его филиальной сети. Так, оборот Мервского филиала вырос с 80 млн. руб. в 1911 г. до 108 млн. руб. в 1914 г. [Алимджанов, 2018: 158]. Однако деятельность в Иркутской группе отделений развивалась не столь успешно. Головной офис группы в Иркутске демонстрировал значительный рост показателей. Его общий оборот в 1911 г. составил 121 млн. руб. [ГАИО, ф. 342, оп. 1, д. 2, л. 2], в 1913 г. эта цифра выросла до 190 млн. руб. [Там же: д. 4, л. 2]. В то же время отделения банка в Западном Забайкалье после удачного 1911 г. оставшиеся два года переживали падение практически всех показателей (см. табл. 17).

Таблица 17. Оборот основных операций с активами и пассивами Верхнеудинского и Кяхтинского отделений Русско-Азиатского банка в 1911–1913 гг. (в руб.)*

Наименование операций	Верхнеудинск			Кяхта		
	1911 г.	1912 г.	1913 г.	1911 г.	1912 г.	1913 г.
Общий оборот	65551935	72066726	58008776	100522840	Нет данных	Нет данных
Учтено векселей, имеющих не менее 2-х подписей	1640692	1267343	1325718	185296	96150	Нет данных
Учтено торговых обязательств	184029	21415	19765	–	–	Нет данных
Выдано до востребования под залог ссуд	20735	37232	22548	209956	145955	Нет данных

ценных бумаг						
Выдано ссуд под залог жел.-дор. дубликатов, коносаментов и товаров	120577	212798	286409	139747	2616	Нет данных
Выдано ссуд под обеспечение векселей	729576	795077	849515	123504	91714	Нет данных
Выдано срочных ссуд под залог ценных бумаг	55455	21250	26945	10565	10135	Нет данных
Выдано срочных ссуд под залог товаров и товарных документов	99765	59527	23547	–	1800	Нет данных
Принято вкладов на текущие счета	2578608	2076413	1998407	1135868	893657	Нет данных
Принято срочных вкладов	272400	293600	290505	89171	436600	Нет данных

Принято бессрочных вкладов	18320	27410	8600	3390	10300	Нет данных
----------------------------------	-------	-------	------	------	-------	---------------

*Таблица составлена по: РГИА, ф. 630, оп. 1, д. 276, л. 2 об, 4, 6 об, 7, 8, 12, 20 об, 22, 23, 24 об, 25, 26, 30, 37 об, 38, 40, 41 об, 42, 47; РГИА, ф. 630, оп. 1, д. 406, л. 3, 4, 5, 6 об, 7, 8, 12, 27, 28, 29 об, 30, 31, 35.

Материалы таблицы показывают, что общий оборот Верхнеудинского филиала упал с 72 млн. руб. в 1912 г. до 58 млн. руб. в 1913 г. Аналогичные данные Кяхтинского отделения за 1912 и 1913 гг. неизвестны, однако рассматривая остальные показатели можно предположить, что после солидных 100 млн. руб. в 1911 г. последовало неизбежное значительное падение.

Вероятной причиной сложившейся ситуации стало, как уже говорилось выше, резкое изменение состава участников на кредитном рынке региона. При этом круг потенциальных клиентов банка был достаточно небольшой и увеличение его шло недостаточно быстрыми темпами. Появление конкурентов, несомненно, привело к тому, что часть потребителей банковских услуг, предоставляемых Верхнеудинским и Кяхтинским отделениями, перешла к их соперникам.

Кроме того, в связи с переориентацией направлений китайского транзита с сухопутного кяхтинского маршрута в пользу более быстрого и дешевого железнодорожного деятельность Кяхтинского офиса банка резко усложнилась. Кяхтинская слобода, где располагалось отделение, все больше теряла свое значение в качестве приграничного центра торговли в регионе. Деловая активность местных предпринимателей сместилась в соседний Троицкосавск, где находились все крупные лавки, транспортные конторы, склады сырья и товаров, а также, нотариус и административные учреждения. Из 220 клиентов банка в Кяхте проживало только 27 человек [Ширапов, 2020: 36].

К тому же после ликвидации монгольских отделений Русско-Китайского банка деятельность Верхнеудинского и Кяхтинского отделений на данном направлении сильно осложнилась. Как уже упоминалось, каждый региональный офис любой кредитной организации Российской империи в своей деятельности делал упор на несколько главных направлений. Так, отделение Русско-Азиатского банка в г. Петровске (совр. Махачкала) в Дагестане активно сотрудничало с нефтяными магнатами и рыбопромышленниками [Губаханова, 2009: 63–64]. Наманганское агентство Волжско-Камского коммерческого банка финансировало хлопковые фирмы [Алимджанов, 2018: 402]. У отделений Русско-Китайского банка в Западном Забайкалье в начале 1910-х гг. возникла проблема поиска новых путей развития.

Как демонстрируют данные таблицы 17, наиболее успешной операцией Верхнеудинского филиала стало кредитование клиентов под залог железнодорожных дубликатов, коносаментов и товаров. Эта услуга вызывала большой интерес у местных предпринимателей. Являясь важным транспортным узлом Транссибирской железнодорожной магистрали, г. Верхнеудинск был с ней тесно связан экономически. В годовом отчете городской управы за 1909 г. указывалось, что главный промысел горожан — «около железной дороги и торговля». Верхнеудинские купцы активно пользовались услугами железнодорожного транспорта, в том числе используя железнодорожные дубликаты и товары в качестве залога для получения ссуд до востребования. В 1908 г. предпринимательница В.А. Козьмина в качестве обеспечения своей ссуды предложила 554 пуда восковых свечей. Основной причиной популярности у клиентов банка данной услуги были выгодные условия кредитования. Заемщик снимал средства со специально открытого для ссуды счета по мере надобности, возвращал их банку по мере возможности, причем процент за полученный кредит уплачивался только за ту сумму, которой клиент воспользовался [Плеханова, Ширапов, 2020: 423–424]. Таким образом, Верхнеудинское отделение Русско-Азиатского банка в период предвоенного экономического подъема 1909–1913 гг.

активно развивало кредитно-товарные операции, связанные с железнодорожным транспортом, используя свое географическое положение.

В отношении Кяхтинского филиала учреждения проблема поиска пути развития не стояла так остро. Ввиду своего географического положения, на границе с Монголией, офису было предопределено вести обслуживание транзитной торговли как это и было во времена Русско-Китайского банка. Однако в отличие от 1900-х гг. основная ориентация с китайских клиентов должна была смениться в пользу монгольских. Это отлично понимал директор филиала И.Д. Сеницын, писавший осенью 1910 г. в адрес Правления банка следующие строки: «Кяхтинское отделение Банка, по своим задачам, предназначено обслуживать известный обширный приграничный район, реагируя соответственно на прилегающий обширный заграничный монгольско-китайский район, но не на отдельный пункт, в котором он играл бы роль мелкой банковской конторы. В этой основной задаче и прочих целях своего учреждения оно и было открыто именно в Кяхте, как в главнейшем международном торговом центре и единственных на обширной и дикой границе открытых ворот в Монголию» [РГИА, ф. 630, оп. 1, д. 405, л. 27.] И.Д. Сеницын особо отмечал растущий экономический потенциал региона, «с постоянной и растущей торговлей, превращающейся в осенний и зимний период в сплошную ярмарку по прогону туда десятков тысяч голов крупного рогатого скота, сотни тысяч баранов, привозу десятков тысяч пудов шерсти, овчин, пушнины» [Там же: л. 28]. При этом большинство клиентов офиса, как подчеркивал директор отделения, были в той или иной степени связаны с монгольской торговлей [Там же], в связи с чем он просил Правление банка разрешить кредитные операции с монголами под залог сырья и товаров [Там же: л. 30].

Вероятно, слова И.Д. Сеницына не были приняты во внимание членами Правления, о чем косвенно свидетельствуют крайне скромные показатели в графе «выдано срочных ссуд под залог товаров и товарных документов» (см. табл. 17) за 1911 и 1912 гг. В 1911 г. ссуд не было выдано вовсе, а в следующем – всего на

1800 руб., что в столь богатом товарами и сырьем регионе составляло совершенно ничтожную сумму.

В 1912 г. И.Д. Сеницын попытался поправить дела отделения путем реализации полученной осенью указанного года у монгольского правительства концессии на добычу золота, которая, впрочем, не увенчалась успехом [Коростовец, 2009: 186].

Наибольший интерес представляют данные о динамике роста количества средств на депозитных счетах клиентов Кяхтинского отделения Русско-Китайского банка (см. табл. 17). За 12 месяцев произошло увеличение внесенных в течение года денежных средств более чем в пять раз – с 89171 руб. в 1911 г. до 436600 руб. в 1912 г. Для клиентов банк стал выполнять роль скорее сберегательного нежели кредитного учреждения.

Таким образом, период экономического подъема 1909–1913 гг. в истории Верхнеудинского и Кяхтинского отделений Русско-Азиатского банка стал достаточно неоднозначным. С одной стороны, благодаря реорганизации банка в 1910 г. вкупе с оживлением торговли и промышленности филиалы смогли выйти из затяжного послевоенного кризиса 1905–1908 гг. С другой стороны, ввиду появления на региональном финансовом рынке новых игроков обострилась конкурентная борьба за клиентскую базу. Конечно, банк смог сохранить лидерские позиции, но при этом они уже не были столь бесспорными, как в 1900-е гг. Предвоенный период стал для отделений Русско-Азиатского банка временем поиска новых путей развития, вызванных сменой вектора развития учреждения. На смену экономической экспансии в страны Азиатско-Тихоокеанского региона выдвинулась на передний край идея масштабного освоения внутреннего рынка России со специализацией отделений учреждения на определенных отраслях хозяйства. В Верхнеудинском отделении ставка была сделана на развитие кредитно-товарных услуг, связанных с транспортными перевозками. Кяхтинский филиал ввиду скептической позиции Правления банка в отношении кредитных

операций на монгольском рынке не могло в полной мере развить свой огромный потенциал.

Анализ второго этапа второго периода (1909–1913 гг.) в истории развития банковской системы Западного Забайкалья позволяет сделать следующие выводы:

1. Период с 1909 г. и до начала Первой мировой войны стал для банковской системы региона эпохой бурного роста. Причиной этому стал подъем, который переживала экономика Российской империи. На финансовый рынок Западного Забайкалья наряду с действовавшими ранее кредитными организациями пришли новые участники – общества взаимного кредита в Верхнеудинске и Кяхте, Верхнеудинское отделение Сибирского торгового банка (см. прил. 12). Благодаря этому повысилась доступность банковских услуг для заинтересованных лиц, что положительно отразилось на экономическом развитии региона.

2. Данный этап характеризуется активизацией инициативы частных лиц в деле создания новых финансово-кредитных институтов, которая заметно снизилась в 1900-е гг. Причиной этому стали результаты деятельности филиалов Русско-Китайского и Государственного банков, а также казначейских отделений. После удовлетворения первичного спроса на банковские услуги клиентам указанных учреждений стали понятны как плюсы, так и минусы их работы. Основным недостатком стала недоступность кредитных услуг для основной части населения региона. В целях решения этой проблемы инициативными частными лицами были организованы общества взаимного кредита и предпринята, правда, не совсем удачная, попытка реставрации Верхнеудинского городского банка.

3. Рост числа новых кредитных организаций привел к постепенной утрате господствующих позиций на финансовом рынке региона отделений Русско-Азиатского банка. В то же время банковская система региона сохранила свою модель с преобладанием частных кредитных организаций над государственными.

4. Результатом работы региональной сети финансово-кредитных институтов стал рост показателей ряда отраслей промышленного сектора экономики Западного Забайкалья. В указанный период в региональной экономике на первое

место вышли мукомольные предприятия (более 712 тыс. руб. произведенной продукции), цементное производство (550 тыс. руб.), винокуренное (530 тыс. руб.), лесопильное (377 тыс. руб.) и кирпичное (265 тыс. руб.) В дальнейшем эти отрасли не уступали своих ведущих позиций [Раднаев, 1989: 173] Таким образом, наметилась постепенная трансформация промышленной модели региона, ориентированной на добычу полезных ископаемых и поставки необработанного сырья, в сторону выпуска готовой продукции.

В 1909–1913 гг. кредитные услуги стали активно распространяться не только в городах, но и в сельской местности. К 1914 г. в Забайкалье действовал ряд маслодельных артелей, организованных представителями автохтонного населения региона – бурятами, располагавшими 200 механическими сепараторами. Произведенная ими продукция в размере около 13 тыс. пудов шла на экспорт в Китай и Японию [Головачев, 1914: 114]. Указанные достижения, несомненно, во многом стали возможными благодаря услугам, оказанным своим клиентам региональными кредитными организациями.

2.3. Влияние Первой мировой войны на развитие банковского сектора

Кяхтинское отделение Государственного банка как инструмент российской политики в приграничном регионе

Период 1914–1917 гг. стал для истории России временем тяжелых испытаний и потерь. Три года глобального кровопролития принесли России миллионы погибших граждан, разорение ряда западных губерний, рост недовольства среди населения. Экономике страны был нанесен тяжелый удар. Бюджет державы в начале войны только из-за введения сухого закона и лишения таможенных сборов в результате закрытия западных границ потерял свыше одного миллиарда рублей [Обухов, 2009: 162–165]. За время боевых действий произошло значительное сокращение выплавки стали – с 290 млн. пуд. в 1914 г. до 188 млн. пуд. в 1917 г. Вдвое упало производство сахара – со 105,4 млн. пуд до 55,9 млн. пуд соответственно. Сильно просела добыча нефти – с 9,9 млн. т. до 9,0 млн. т. [Черемисинов, 2014: 8]. Мобилизационные мероприятия изъяли из трудового оборота страны к 1917 г. в общей сложности свыше 15 млн. человек [Кондратьев, 1991: 123]. Произошло снижение площади посевов хлеба и размера урожая. Если в 1914 г. было засеяно 83,5 млн. десятин, то к 1917 г. площадь посева сократилась до 78 млн. десятин. Падение урожая составило почти 2 млн. пудов [Черемисинов, 2014: 10]. Государственный долг России иностранным кредиторам за годы войны возрос на 8,5 млрд. руб. [Обухов, 2009: 172].

На экономику Западного Забайкалья война оказала двоякое воздействие. В промышленном секторе региона наблюдалось, с одной стороны, уменьшение добычи в отраслях, не работавших на войну, и даже закрытие предприятий этой группы. С другой, сохранились прежние объемы добычи, а в некоторых случаях и увеличились на предприятиях, добывающих стратегически важное сырье. Так, золотопромышленность региона первые два года войны реагировала сокращением добычи золота, в 1916 г. произошло увеличение. Но эти колебания не были значительными, они составляли примерно 1–2 пуда. Росло число

разрабатываемых приисков, при этом количество рабочих сократилось на 1/3, поскольку они не являлись постоянными и не имели отсрочек. Увеличение заказов железной дороги, интенсифицировавшей свою работу в военное время, стимулировало развитие угледобывающей промышленности Забайкалья. Как пример, на Хилокском угольном разрезе всего за один год, с 1916 по 1917 гг., добыча угля выросла с 8 до 10 млн. пуд. При этом добыча мрамора и известкового камня практически полностью прекратилась, так как перестал работать главный потребитель – Брянский цементный завод [Балдано, Кальмина, Санжиева, 2015: 18–17].

Понесла потери и обрабатывающая промышленность региона. В 1914 г. на территории Верхнеудинского уезда было 124 предприятия, в 1915 г. 22 закрылись, три перешли в низший разряд, открылось лишь одно предприятие. Закрылась хлебопекарня П.И. Родовского, ежегодный оборот которой составлял примерно 20 тыс. руб. Его конфетно-кондитерская фабрика значительно снизила объемы выпускаемой продукции из-за недостатка сахара. Наиболее крупное и технически развитое предприятие в регионе – пивной завод А.К. Кобылкина – после объявления 27 сентября 1914 г. постановления Совета министров о прекращении продажи алкогольных напитков на время войны стал постепенно сворачивать свою деятельность, которая полностью прекратилась в 1916 г. [Санжиева, 2017: 30–31]

Стабильное развитие получили лишь те предприятия, которые обслуживали нужды военного ведомства. Например, мастерские по пошиву одежды и обуви (351 сапожных, 12 портных и 1 шапочная) с первых месяцев войны были обеспечены заказами и поэтому работали бесперебойно [Там же: 17].

Тяжелый удар ощутила и региональная торговля, основанная на принципе – отправка в европейскую часть страны сырья и получение взамен готовой промышленной продукции и оборудования. Учитывая, что морские пути ввиду закрытия Черного и Балтийского морей противником были недоступны, Великий Сибирский путь оставался единственной связью между европейской и азиатской

частями страны. В феврале 1915 г. для железной дороги был установлен суточный план перевозок армейских грузов – 732 вагона в сутки [Добровольский, 2014: 67]. На долю коммерческих грузов не оставалось практически никаких ресурсов, что имело весьма негативные последствия для местного бизнеса, занимавшегося поставками товаров. Прекрасным примером тому служит случай, произошедший с кяхтинской компанией «Монгольский кожевенник», заказавшей еще в октябре 1914 г. на одном из заводов Екатеринбурга специальный станок для обработки сырья. Из-за транспортного коллапса Великого Сибирского пути, вызванного военными перевозками, оборудование завода прибыло в Кяхту только в марте 1917 г. [ГАРБ, ф. Р-577, оп. 1, д. 10, л. 6]. Нарушение вследствие войны механизма торговых маршрутов привело к упадку деловой активности многих местных предпринимателей.

Каким же образом война отразилась на банковской системе Западного Забайкалья?

В целом, для банков Российской империи военный период стал временем серьезных успехов. Повсеместно открывались новые учреждения. Если в 1914 г. в России было 3427 кредитных организации [Русские банки..., 1914: Предисловие: 1–2], то в 1916 г. их число составило 3611 [Русские банки..., 1915: Предисловие: 1–2]. Контролируя промышленные предприятия посредством выкупа пакетов акций, получая государственные заказы, банки существенно увеличили свое влияние. К 1917 г. крупнейшие российские финансово-кредитные институты господствовали в железнодорожных обществах, машиностроении, контролировали до 60% акционерных капиталов в черной и цветной металлургии, нефтяной, лесной и многих иных отраслях промышленности [Балдано, Кальмина, Санжиева, 2015: 15]. К 1917 г. один только Русско-Азиатский банк контролировал 124 торгово-промышленных предприятия, 20 железнодорожных обществ, семь мукомольных и маслособойных компаний, четыре пароходства, три страховые компании, два земельных банка. Военно-промышленная группа Русско-Азиатского банка включала восемь крупнейших акционерных обществ с

капиталом 85 млн. руб., в том числе такие знаменитые предприятия, как Путиловский завод, Невский судостроительный, Русско-Балтийский судостроительный, и другие [Петров, 2005: 84]. Как отмечает И.М. Пушкарева, «зависимые от учреждений коммерческого кредита торговые фирмы зачастую превращались в товарные отделы банков, использовались в качестве подставных компаний при оформлении товарных сделок. На сахаре, хлопке, угле и других товарах массового потребления многие банки также в войну получали огромные барыши» [Пушкарева, 2018: 147].

Для банковской системы Западного Забайкалья начало войны ознаменовалось долгожданным событием – открытием 24 марта 1914 г. постоянного отделения Государственного банка в Кяхте. Управляющим был назначен К.И. Зевальд, в подчинении которого находилось девять человек [ГАРБ, ф, 222, оп. 1, д. 23, л. 96]. Штат сотрудников офиса был составлен из числа опытных и хорошо подготовленных служащих подразделений банка, располагавшихся в западных губерниях страны. Так, инспектор мелкого кредита банка Ф.М. Стоянов прибыл из Архангельска, счетный чиновник 1-го разряда М.П. Глотов работал в Ярославском офисе банка, помощник кассира Е.И. Щербанков был направлен в Кяхту Пензенским филиалом. В 1915 г. К.И. Зевальда на должности управляющего отделением сменил М.И. Шувалов, заместителем которого стал контролер 1-го разряда В.И. Ермоленко, призванный из Варшавской конторы Государственного банка [Из века в век..., 2013: 29–30].

Организационно отделение в Кяхте входило в Сибирский район, наряду с офисами в Тобольске, Тюмени, Петропавловске, Омске, Томске, Барнауле, Красноярске, Иркутске, Ново-Николаевске, Чите, Благовещенске, Хабаровске, Владивостоке и Николаевске на Амуре [ГАРБ, ф, 222, оп. 1, д. 17, л. 40 об].

Отделение предоставляло своим клиентам стандартный набор услуг: учет векселей, выдача ссуд под залог, открытие и ведение текущих счетов, прием вкладов, продажа ценных бумаг, обмен денежных средств и прием-отправка переводов. В 1914 г. отделением было учтено векселей, ценных бумаг и выдано

ссуд на 264 тыс. руб. На депозитные и текущие счета привлечено 225 тыс. руб. Денежных переводов было принято на сумму 152 тыс. руб., отправлено – 233 тыс. руб. [Там же: л. 40 об, 42, 50, 51].

Приемом денежных средств клиентов банка занималась и действовавшая при отделении сберегательная касса. В течение первого года работы, с апреля по декабрь 1914 г., кассой было получено с зачислением на депозитные счета клиентов более 12 тыс. руб., выплачено около 11 тыс. руб. [Там же: д. 27, л. 75 об, 75 об, 77 об, 78 об, 79 об, 80–107].

Оборотный капитал отделения по состоянию на апрель 1914 г. составлял более 174 тыс. руб. золотыми и серебряными монетами, а также слитками. Ассигнаций насчитывалось 323 тыс. руб. [Там же: д. 14, л. 1]. На текущих счетах клиентов филиала к началу 1915 г. находилось более 195 тыс. руб. [Там же: д. 43, л. 5, 14 об, 20, 27, 28, 29, 31, 32, 33, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 42 об, 55, 57 об, 66, 68, 93, 94].

В числе клиентов банка числились государственные учреждения, золотопромышленники, торговцы сырьем и бакалейными товарами, поставщики металлических фабричных изделий [Там же: д. 102, л. 22] Так, в начале 1916 г. владелец золотых приисков Д.А. Могильников взял кредит в отделении в размере 1000 руб. [Там же: л. 24 об].

Одним из направлений деятельности Кяхтинского отделения помимо оказания обычных банковских услуг было осуществление контроля и обслуживание работы сельских кредитных товариществ [Там же: д. 221, л. 13].

Кредитные товарищества, как учреждения мелкого кредита основанные на принципах кооперации, были введены Положением об учреждениях мелкого кредита от 1 июня 1895 г. [ПСЗРИ, 1899, т. 15: 354–358]. Главной целью кредитных товариществ было обеспечение доступа к мелкому кредиту малообеспеченных слоев населения, в первую очередь – жителей сельской местности. Капитал товариществ составлялся из кредитов, выданных Государственным банком, а также пожертвований земских, общественных,

частных учреждений и лиц. Товарищества могли выдавать своим членам ссуды, оформлять займы и принимать вклады. Ссуды, как правило, выдавались на срок не более 12 месяцев [Там же: 335–356]. Услуги кредитных товариществ пользовались большим успехом и к 1913 г. их насчитывалось 7578 [Кооперация на..., 1914: 4].

На территории Западного Забайкалья кредитные товарищества появились достаточно поздно. Первые товарищества – Кабанское, Корсаковско-Дуланское и Степновдворецкое – начали свои действия в 1909 г. [Памятная книжка..., 1914: 256]. К 1914 г. в регионе насчитывалось 37 товариществ, число членов в них равнялось 11169 чел. [Там же, 254–256]. Как правило, собственный капитал товариществ был невелик. К 1 января 1918 г. капитал Шарагольского товарищества (367 членов) составлял всего 5894 руб. [ГАРБ, ф. 222, оп. 1, д. 221, л. 4].

Кяхтинское отделение Государственного банка активно содействовало развитию товариществ посредством выдачи ссуд. Всего в ведении Кяхтинского отделения Государственного банка к началу января 1918 г. находилось 19 кредитных товариществ. Сумма выданного на осуществление их деятельности капитала составляла 40800 руб. [Там же: л. 13].

Таким образом, Кяхтинское отделение Государственного банка смогло достаточно быстро развернуть деятельность и стало оказывать своим клиентам разнообразные финансовые услуги. Однако главной задачей отделения в регионе было отнюдь не оказание кредитных или сберегательных услуг. В течение 1916 г. отделением было выдано ссуд под залог векселей всего на 74 тыс. руб. [Там же: д. 102, л. 24 об]. При этом кредитов под залог товаров и товарных документов, наиболее популярных среди местных предпринимателей, практически не выдавалось. С августа 1916 г. по январь 1917 г. указанных ссуд не было предоставлено вообще [Там же: л. 29. 32. 34. 41, 47, 49].

Для чего же тогда было создано отделение банка в Кяхте, если не для содействия развитию местных торговли и промышленности? Известно, что

долгое время Министерство финансов игнорировало просьбы инициативных лиц из числа местных купцов и муниципальных чиновников об открытии банка. Красноречивым примером является отказ министра финансов В.Н. Коковцова на поданное в 1906 г. прошение от верхнеудинских городских властей. По мнению министра, в империи имелось еще много пунктов, которые по торговому своему значению ощущают более настоятельную необходимость в открытии банка, чем г. Верхнеудинск [Кальмина, Плеханова, 2020: 204]. Так же регулярно игнорировались многочисленные прошения кяхтинских купцов, которым требовалась значительная денежная наличность для осуществления торговли с Китаем. По их словам, «за недостаточностью денег расчеты затягиваются на продолжительное время, и услужливые китайские ростовщики выручают из затруднений наших купцов высокие проценты...» [Из века в век..., 2013: 29].

На наш взгляд, открытие постоянного отделения Государственного банка именно в Кяхте говорит о цели его создания – служить проводником интересов России на территории Монголии. Об этом свидетельствует и время открытия офиса – начало 1914 г. При этом Правление банка еще в августе 1913 г. анонсировало по всей сети своих филиалов о скором открытии Кяхтинского отделения [ГАРБ, ф. 222, оп. 1, д. 23, л. 2]. Что же послужило толчком для активизации политики банка, и, соответственно, властей империи в российско-монгольском трансграничье?

В 1911 г. на территории Китая произошла Синьхайская революция, уничтожившая империю Цин. Монголия, входившая в ее состав, уже в декабре 1911 г. объявила о своей независимости и ее власти стали настойчиво искать контакты с российским правительством в целях поиска защиты и поддержки в случае попытки Китая восстановить свое господство. Уже в августе 1912 г. в Монголию прибыл специальный дипломатический представитель России И.Я. Коростовец. В результате переговоров с правительством Монголии осенью 1912 г. было подписано «Соглашение о дружбе между Россией и Монголией». Согласно его положениям, российская сторона обязывалась оказывать поддержку

Монголии в сохранении ее суверенитета и препятствовать китайской колонизации или военной агрессии. Взамен Россия получила ряд выгодных привилегий на территории страны. Русским гражданам разрешалось вести торговлю, свободно передвигаться, заниматься производством, обслуживанием, заключать любые виды контрактов, вывозить и ввозить через границу товары без уплаты таможенной пошлины, свободно развивать частную собственность, открывать филиалы банковских организаций [Байтсайхан, 2012: 129–131].

Российская сторона довольно быстро принялась пользоваться полученными правами. Еще 1912 г. торговый дом «А.В. Швецов и сыновья» развернул в месте Цзаин-Шаби (совр. Цэцэрлэг) массовую скупку шерсти и построил там шерстомойку. Ввоз товаров из России в этом году составил 2,5 тыс. руб., а вывоз сырья – 138 тыс. руб. В Улясутайском округе фирма имела два отделения: одно в городе, другое – в хошуне. После подписания соглашения в 1912 г. фирма еще шире развернула свою деятельность. В 1914 г. только в Улясутайский округ компания ввезла товаров на 332 тыс. руб., серебра и кредитных билетов – на 330 тыс. руб., а вывезла сырья и пушнины – на 489 тыс. руб., Общий оборот фирмы в операциях с монголами составил 1 млн. 151 тыс. руб. [Старцев, 2015: 154].

В рамках выполнения положений Соглашения относительно создания монгольских вооруженных сил и укрепления своего влияния в стране российское правительство активно включилось в процесс создания вооруженных сил Монголии. Для выполнения этой миссии в страну были направлены русские военные инструкторы. Первый набор в кавалерийскую бригаду новобранцев-монголов был произведен 12 и 13 мая 1913 г., следующий – в начале июля в составе 558 чел. Всего было сформировано два конных полка, пулеметная команда и батарея [Жалсапова, 2008: 121]. Обеспечение и выплата жалования русским военным должны были производиться из бюджета Монголии, однако ввиду хронического дефицита в нем средств часть денег выплачивалась российской стороной. При этом в связи с отсутствием в стране российских кредитных учреждений российские дипломатические работники в Монголии

были вынуждены прибегать к разного рода ухищрениям. Еще в начале 1914 г. российское консульство в Урге направило в адрес кяхтинского казначейства запрос о выдаче Троицкосавскому отделению Русско-Азиатского банка по переводному билету от 11 февраля того же года 32 тыс. руб. Согласно секретной телеграмме Министерства иностранных дел данная сумма была одолжена осенью 1913 г. из кассы консульства для выплаты жалования русским военным инструкторам [ГАРБ, ф. 222, оп. 1, д. 28, л. 37]. Полученные из казначейства средства впоследствии отправлялись агентом Русско-Азиатского банка в Монголию. Ситуация, когда дипломатические сотрудники вынуждены были задействовать налоговое учреждение и частный банк, выглядела недостаточно удобной. Вероятно, именно в целях решения подобных вопросов и создавалось отделение Государственного банка в Кяхте. Посредством налаженного сообщения между филиалами учреждения по всей стране появлялась возможность быстрой доставки любых необходимых сумм.

Отделение Государственного банка в Кяхте должно было способствовать формированию банковской системы Монголии под российским контролем. В марте 1913 г. министр финансов В.Н. Коковцов предложил создать монгольский национальный банк при российском участии. Так как прямое участие Государственного банка в этом проекте исключалось по политическим соображениям, решено было использовать частный банк – Сибирский торговый. Средства для формирования капитала создаваемого учреждения должен был предоставить Сибирскому торговому Государственный банк [Коростовец, 2009: 332]. Таким образом, на Кяхтинское отделение ложилась обязанность приема, учета, отправки и контроля значительных средств из России в Монголию.

Монгольский Национальный банк начал свою работу в 1915 г. Штаб-квартира была открыта 5 мая в Урге. Были учреждены агентства в Улясутае, Кобдо, Улангоме, Тарятах, Дзаин-Шаби и Гоби-Тушету-ване. Основной задачей и залогом своей успешной деятельности банк считал содействие в распространении российской продукции на местном рынке [Старцев, 2015: 162].

Еще одной из причин создания Государственным банком своего филиала в Кяхте послужили его интересы в области золотодобычи в Монголии. Как упоминалось выше, российские компании еще в начале XX в. развернули там добычу драгоценного металла. Полученное золото посредством агентов Русско-Китайского банка поступало в кяхтинское казначейство, откуда отправлялось в Санкт-Петербургский офис Государственного банка. После ликвидации в 1910 г. Ургинского офиса Русско-Китайского банка налаженная система доставки сильно пострадала. Проблему было призвано решить отделение Государственного банка в Кяхте. Исключение из цепочки посредников лишних элементов позволило бы сократить накладные расходы и время доставки.

Кяхтинское отделение весьма успешно выполняло возложенные на него задачи по приему монгольского золота. Процедура приема драгоценного металла банком у промышленника выглядела следующим образом: клиент составлял в адрес отделения письмо, в котором помимо личных данных указывал количество драгоценного металла и место его добычи. Затем золото отправлялось в Иркутск, где в золотосплавочной лаборатории производилась его оценка (вес и проба), изготавливался слиток с присвоением номера. Расчет с клиентом производился после получения из лаборатории оценочного заключения. При получении оплаты клиент составлял расписку, в которой подтверждал получение денежных средств за свое золото. Так, В.И. Бухольцев в конце 1915 – начале 1916 гг. сдал в Кяхтинское отделение пять партий монгольского золота на сумму 19106 руб. [ГАРБ: ф. 222, оп. 1, д. 1, л. 35, 37, 41].

Добыча золота в Монголии шла достаточно успешно. Несмотря на сложности, вызванные Первой мировой войны, российские промышленники продолжали получать драгоценный металл с монгольских приисков в приличных объемах. Например, с октября по декабрь 1916 г. в Кяхтинское отделение банка было сдано свыше 36 пудов золота на сумму более чем 23 тыс. руб. [Там же: д. 1, л.1].

Таким образом, в основе создания в Кяхте отделения Государственного банка лежали причины политического и экономического характера. Властям страны понадобилось создать на территории российско-монгольского пограничья надежный инструмент для поддержки как политической, так и экономической экспансии.

С началом Первой мировой войны Кяхтинское отделение расширило круг своих операций, в первую очередь связанных с обменом валюты, в связи с появлением на территории Западного Забайкалья большого количества военнопленных. К 1916 г. только в окрестностях Троицкосавска располагались 6700 военнопленных [Греков, 1997: 155]. В августе 1915 г. Петроградской конторой Государственного банка в Кяхтинское отделение была направлена инструкция по покупке у военнопленных иностранной валюты. Согласно расценкам, установленным Правлением, за одну золотую монету (номиналом десять германских марок) уплачивалось 4 руб. 90 коп., за одну серебряную монету (достоинством в одну германскую марку) – 17 коп., за аналогичную австрийскую крону – 15 коп. Банкноты Германской и Австро-Венгерской империй принимались по курсу: 1 марка – 30 коп., 1 крона – 25 коп. Медные, никелевые и бронзовые монеты обмену не подлежали. Все полученные ценности Кяхтинское отделение отправляло в центральный офис банка в Петрограде [ГАРБ, ф. 222, оп. 2, д. 1, л. 23].

Еще одним направлением работы Кяхтинского отделения Государственного банка стало его содействие благотворительным акциям. Во время Первой мировой войны в Российской империи была развернута кампания по оказанию помощи как военным, так и пострадавшим от боевых действий лицам. Данные мероприятия затронули все слои общества – от правящей династии до представителей всех сословий. Царской семьей за время войны было пожертвовано на различные благотворительные цели 20 млн. фунтов стерлингов, хранившихся в Лондонском банке.

Не стали исключением и жители Троицкосавска-Кяхты, где основным центром по приему у населения пожертвований стало отделение Государственного банка. Например, ветеринарный врач Н.Н. Александров в марте 1917 г. пожертвовал три золотых самородка, Ю.О. Шевелева – серебряные солонку, чайные ложки и десертный нож [Там же: л. 2, 19]. На нужды войны и благотворительность местное население приносило в банк даже личные награды. В марте 1917 г. надворным советником Селивановым были пожертвованы орден Святого Станислава 2-й степени и орден Святой Анны 3-й степени, губернским секретарем Назимовым – орден Святого Станислава 3-й степени и серебряная медаль «За усердие», есаулом Батуриным – вместе с гражданскими орденами еще и боевые награды – два серебряных Георгиевских креста и медаль «За поход в Китай» (1900–1901 гг.) [Там же: л. 1, 2, 6].

Кяхтинское отделение Государственного банка Российской империи смогло оставить заметный след в истории Западного Забайкалья. Оказание ссудно-кредитных услуг местным предпринимателям способствовало развитию экономики региона и содействовало развитию международной торговли со странами Внутренней Азии. Кяхтинское отделение было во многом организовано как инструмент по проникновению и закреплению российского влияния на территории Монголии.

Филиал Государственного банка в Кяхте в ходе революций 1917 г., как и вся финансовая система страны, вступил в эпоху серьезных испытаний и перемен. Впереди его ждали годы лихолетья Гражданской войны, разорение войсками барона Унгерна и последующее переименование в отделение Народного банка РСФСР.

Верхнеудинское и Кяхтинское отделения Русско-Азиатского банка в годы Первой мировой войны. Состояние кредитно-финансовой системы Западного Забайкалья накануне революционных событий 1917 г.

К началу Первой мировой войны банковская система Западного Забайкалья практически полностью сформировалась. В регионе действовали офис

Государственного банка в Кяхте, два филиала Русско-Азиатского банка – в Верхнеудинске и Кяхте, три казначейских отделения – в Баргузине, Верхнеудинске, Кяхте. Свои услуги населению предоставляли два общества взаимного кредита – Верхнеудинское и Кяхтинское. Активно развивало свою деятельность Верхнеудинское отделение Сибирского торгового банка. В сельской местности банковские услуги предоставляли 37 кредитных товариществ. Указанные финансовые учреждения предоставляли населению региона полный спектр банковских услуг.

Негативное влияние Первой мировой войны банковский сектор региональной экономики ощутил сразу же после начала боевых действий. Уже первый военный год казначейские отделения Западного Забайкалья закончили со значительными потерями. Баргузинский офис понес убытков на 1,4 тыс. руб., Верхнеудинский – 5 тыс. руб. Особенно значительно выглядят потери отделения в Баргузине, учитывая его весьма скромные объемы деятельности. Суммарная стоимость его активов в 1914 г. была не более 50 тыс. руб., на депозитарных счетах хранилось всего 27 тыс. руб. Для сравнения – стоимость активов Верхнеудинского отделения превышала 650 тыс. руб., а средств на текущих счетах и вкладах клиентов насчитываюсь 424 тыс. руб. [ГАРБ, ф. 222, оп. 1, д. 17, л. 68, 69] Кяхтинский офис Государственного банка так же закончил 1914 г. с убытками – свыше 112 тыс. руб. [Там же: л. 40 об].

Схожим образом развивалась ситуация и у негосударственных кредитных организаций. Так, в начале 1914 г. баланс основных финансово-кредитных институтов региона – Верхнеудинского (ВОРАБ) и Кяхтинского (КОРАБ) отделений Русско-Азиатского банка, ВОВК, КОВК, Верхнеудинского отделения Сибирского торгового банка (ВОСТБ) – выглядел следующим образом (см. табл. 18).

Таблица 18. Состояние счетов ВОРАБ, КОРАБ, ВОВК, КОВК
в начале 1914 гг. (в тыс. руб.)*

Наименование позиции	ВОРАБ	КОРАБ	ВОВК	КОВК	ВОСТБ
Касса	12	49	30	6	17
Учетно-ссудные операции	967	124	343	91	793
Прочие активы	219	1258	183	578	570
Вклады и текущие счета	834	1310	207	388	212
Прочие пассивы	374	120	255	287	1213

*Таблица составлена по: РГИА, ф. 630, оп. 1, д. 406, л. 58, 58 об, 59, 59 об, 60; ГАРБ, ф. 282, оп. 1, д. 177, л. 49, 52, 55; д. 4, л. 2, 3, 3 об, 4, 4 об, 5.

Можно констатировать, что перед началом Первой мировой войны региональные кредитные организации находились в достаточно неплохом положении. По-прежнему лидирующие позиции занимал Русско-Азиатский банк, однако заметную конкуренцию ему уже составлял Сибирский торговый. Особое внимание обращают на себя цифры превалирования учетно-ссудных операций в верхнеудинских банковских учреждениях над депозитами и текущими счетами, что говорит о стремлении предпринимателей – клиентов банка к ведению активных операций. В Кяхте-Троицкосавске наоборот наблюдалась тенденция к осторожному ведению дел в пользу сохранения капиталов. Вероятно, одной из причин этого являются проблемы монгольской экономики, вызванные массовым изгнанием китайских торговцев из Монголии после событий 1911 г. Только из одного Улясутайского округа выехало свыше 1000 китайских бизнесменов. В результате обороты русской торговли сократились только в 1911 г. по сравнению с 1910 г. с 12040 тыс. руб. до 10880 тыс. руб., т.е. на 10% [Старцев, 2013: 177–179]. Безусловно, быстрое восстановление даже прежнего уровня торговли после потери такого количества участников рыночных отношений было невозможным, что не могло не отразиться на кяхтинских купцах и, соответственно, результатах работы банка.

Во время войны произошло заметное сокращение числа кредитных организаций. Основные потери пришлись на сектор мелкого кредитования. Если в

начале войны действовали 37 кредитных товариществ, то к 1 января 1917 г. их осталось всего 19 [ГАРБ, ф. 222, оп. 1, д. 221, л. 19].

За тот же период появился и новый финансово-кредитный институт – в 1915 г. открыло свои действия Второе Верхнеудинское Русское общество взаимного кредита [ВВРОВК]. Число его членов составило 112 человек с капиталом в размере 68535 руб. Председателем общества был избран В.Н. Воробьев [Там же: ф. 282, оп. 1, д. 233, л. 6 об]. Инициаторами создания ОВК, по всей видимости, стали торговцы сырьем, которым требовался дешевый и быстрый кредит. Об этом косвенно свидетельствует динамика движения средств, находящихся на специальных текущих счетах членов ОВК, обеспеченных товарами и товарными документами. Если в начале 1917 г. на них числилось всего 97 руб., то спустя 11 месяцев эта сумма уже равнялась 112445 руб. [Там же: 6 об, 7 об]. При этом количество членов ВВРОВК за указанный период выросло незначительно и составляло 121 чел., а капитал 94650 руб.

Из числа всех кредитных организаций, составлявших банковскую систему региона и действующих в исследуемый период, наиболее полные данные о динамике развития операций имеются по местным офисам Русско-Азиатского банка (см. табл. 19).

Таблица 19. Оборот основных операций с активами и пассивами Верхнеудинского и Кяхтинского (Троицкосавского) отделений Русско-Азиатского банка в 1914–1916 гг. (в руб.)*

Наименование операции	Верхнеудинск			Кяхта (Троицкосавск)		
	1914 г.	1915 г.	1916 г.	1914 г.	1915 г.	1916 г.
Общий оборот	63545742	53031590	729044985	71280070	55315344	69370501
Учтено векселей, имеющих не	1224242	1155485	1228712	67680	75130	65076

менее 2-х подписей						
Учтено торговых обязательств	16456	29804	10065	—	—	—
Выдано ссуд до востребования под залог ценных бумаг	21049	48286	54097	815944	1437225	168245
Выдано ссуд под залог жел.-дор. дубликатов, коносаментов и товаров	186046	164132	523155	239459	13119	405453
Выдано ссуд под обеспечение векселей	706037	75773	548614	61714	24460	33015
Выдано срочных ссуд под залог ценных бумаг	14895	5205	6560	4135	4315	4950
Выдано срочных ссуд под залог товаров и	28678	26862	13700	—	—	—

товарных документов						
Принято вкладов на текущие счета	2425439	2892362	4723613	6255425	3994167	5396162
Принято срочных вкладов	331680	2692205	318495	160800	74200	20500
Принято бессрочных вкладов	3780	18250	4000	5000	1000	6300

*Таблица составлена по: РГИА, ф. 630, оп. 1, д. 276, л.58, 60 об, 61, 62, 66, 82, 83, 84, 85 об, 86, 89, 93, 110, 11, 112, 113 об, 114, 114 об, 119; РГИА, ф. 630, оп. 1, д. 406, л. 45, 46, 48 об, 49, 50, 54; д. 558, оп. 1, л. 3, 4, 7 об, 8, 9, 13, 27, 28, 30 об, 31, 32, 36.

К началу войны дела отделений Русско-Азиатского банка в Западном Забайкалье развивались достаточно неплохо. Кяхтинский офис в 1915 г. покинул территорию одноименной слободы и переехал в г. Троицкосавск, что позднее позитивно повлияло на его деятельность. Пережив период сложностей и неудач в 1912 г., Верхнеудинский и Кяхтинский филиалы смогли существенно поправить свое положение в 1913 г. Так, общий оборот Верхнеудинского офиса увеличился более чем на 7 млн. руб.: с 56 млн. руб. в 1913 г. (см. табл. 17) до 63,5 млн. руб. в 1914 г. (см. табл. 19). По сравнению с 1913 г. можно отметить общее снижение показателей учетно-ссудных операций. Рост наблюдался лишь в графах «текущие счета» и «вклады». Это свидетельствует о том, что клиенты банка значительно сокращали обороты своей деловой активности, делая ставку на сохранение средств. Причиной тому, несомненно, стал шок, поразивший экономику империи после того, как стало понятно, что война принимает затяжной характер. Последовавший затем 1915 г. так же стал тяжелым для отделений, продолжилось

снижение показателей практически по всем кредитным операциям. Исключением стали срочные ссуды под залог ценных бумаг, что, вероятно, можно объяснить стремлением клиентов банка в условиях кризиса на бирже избавиться от стремительно дешевающих активов. Кроме того, 1915 г. стал для Западного Забайкалья, как и для всей Восточной Сибири, годом неурожая [Долидович, 2019: 298]. Учитывая, что основными клиентами банка были торговцы сырьем и продовольствием, данный фактор имел большое значение для деятельности учреждения. Немалую роль в спаде активных операций Верхнеудинского и Кяхтинского отделений Русско-Китайского банка сыграло и то, что с 1915 г., как уже упоминалось выше, торговые грузоперевозки по Транссибирской магистрали сокращались в пользу военных. Косвенным тому доказательством служит снижение показателя выдачи ссуд под залог железнодорожных дубликатов, коносаментов и товаров (см. табл. 19). Лишь после относительной стабилизации обстановки на Транссибирской магистрали и хорошего урожая в 1916 г. в деятельности Верхнеудинского и Кяхтинского отделений наступил период роста (см. табл. 19). Свою роль сыграла и повседневная работа сотрудников отделений, которые в условиях военного времени старательно исполняли свои обязанности. При этом численность сотрудников в результате мобилизационных мероприятий сильно сократилась (см. табл. 20).

Таблица 20. Динамика изменения общего объема заработной платы сотрудников Верхнеудинского и Кяхтинского (Троицкосавского) отделений Русско-Азиатского банка в 1914–1916 гг. (в руб.)*

Отделение	1914 г.	1915 г.	1916 г.
Верхнеудинск	21710	18344	17853
Кяхта (Троицкосавск)	15140	16273	9130

*Таблица составлена по: РГИА, ф. 630, оп. 1, д. 276, л.70, 95, 121; РГИА, ф. 630, оп. 1, д. 406, л. 56; д. 558, оп. 1, л.15, 38.

Цифры, приведенные в табл. 20, показывают постепенное снижение общего объема заработной платы сотрудников отделений в военное время. Причиной этому послужил призыв на воинскую службу служащих офисов. Общая сумма жалования сотрудников Троицкосавского отделения в 1916 г. уменьшилась по сравнению с 1915 г. более чем на 7 тыс. руб. В дополнительной ведомости расходов офиса за 1915 г. упоминается выдача пособия служащим банка, призванным в армию – 86 руб. Г.С. Бурлакову и 91 руб. И.П. Басову [РГИА, ф, 630, оп. 1, д. 558, оп. 1, л. 24]. В 1916 г. в смете офиса отдельно прописывалась сумма наградных и пособий мобилизованным сотрудникам – 1580 руб. [Там же: 47]. Необходимо отметить, что подобные благотворительные действия были в обычной практике отделений банка в Западном Забайкалье. Например, директор Верхнеудинского филиала П.Т. Трунев постоянно выделял средства на нужды различных лиц и учреждений родного города. В 1913 г. им ассигновывалось 25 руб. «на покупку для Верхнеудинска полицейских собак», 52 руб. – на наградные почтальонам, разносчикам телеграмм, городовым и монтерам телефонной сети. Во время войны Верхнеудинским отделением Русско-Азиатского банка направлялись средства на «оказание помощи семьям призванных на войну» – 30 руб., на поливку Большой улицы – 25 руб., на устройство «убежища инвалидам войны» – 25 руб., на подарки казакам-забайкальцам – 10 руб., Верхнеудинской торговой школе – 200 руб. [Там же: д. 276, л. 49, 136].

Таким образом, события Первой мировой войны достаточно тяжело отразились на деятельности отделений Русско-Азиатского банка в Западном Забайкалье. Нарушение транспортного сообщения с европейской частью страны негативно сказалось на деловой активности местных торговцев и промышленников, составлявших основной контингент клиентов филиалов. Неурожай 1915 г. и мобилизация части сотрудников также отрицательно отразились на показателях деятельности Верхнеудинского и Кяхтинского филиалов. Несмотря на это, отделения продолжали достаточно эффективно

оказывать своим клиентам необходимые услуги, поддерживали нуждающихся и посильно содействовали социальному развитию региона.

На начало января 1917 г. положение дел основных участников кредитно-финансового рынка Западного Забайкалья – Верхнеудинского (ВОРАБ) и Троицкосавского (ТОРАБ) отделений Русско-Азиатского банка, ВОВК, ВВРОК, Верхнеудинского отделения Сибирского торгового банка (ВОСТБ) и 19 кредитных товариществ (КТ) – выглядели следующим образом (см. табл. 21):

Таблица 21. Состояние счетов ВОРАБ, ТОРАБ, ВОВК, ВВРОК, ВОСТБ и 19 КТ в начале 1917 гг. (в тыс. руб.)*

Наименование позиции	ВОРАБ	ТОРАБ	ВОВК	ВВРОК	ВОСТБ	КТ
Касса	12	234	12	289	23	–
Учетно-ссудные операции	826	269	156	18	467	95
Прочие активы	1150	–	52	–	857	20
Вклады и текущие счета	1683	1057	243	34	1283	78
Прочие пассивы	366	–	47	–	1128	67

*Таблица составлена по: РГИА, ф, 630, оп. 1, д. 558, оп. 1, л. 41 об, 42; ГАРБ, ф. 282, оп. 1, д. 233, л. 2, 3, 4, 6 об, 7.

В таблице не приведены данные Кяхтинского филиала Государственного банка и Кяхтинского общества взаимного кредита, а также местных казначейских отделений ввиду отсутствия информации.

На первый взгляд состояние основных счетов указанных финансово-кредитных институтов выглядят достаточно внушительно. Однако, если сравнить их с аналогичными данными 1914 г., видно заметное снижение практически всех показателей по кредитным услугам. Баланс учетно-ссудных операций Верхнеудинского отделения Русско-Азиатского банка снизился с 967 тыс. руб. в 1914 г. (см. табл. 18) до 826 тыс. руб. в 1917 г. (см. табл. 21). При этом практически вдвое выросло количество средств на текущих счетах и вкладах – с 834 тыс. руб. до 1683 тыс. руб. соответственно. Подобная картина наблюдалась и

у остальных учреждений. Например, более чем на 100% снизился баланс учетно-ссудных операций Верхнеудинского ОВК – с 343 тыс. руб. в 1914 г. (см. табл. 18) до 156 тыс. руб. в 1917 г. (см. табл. 21). Рост числа средств на текущих счетах и вкладах показывает, что среди клиентов наблюдалась тенденция сокращения деловой активности в пользу сохранения имевшихся в их распоряжении денежных ресурсов. Необходимо отметить, что схожим образом ситуация развивалась практически по всей стране. Размер учетно-ссудных операций во всех отделениях акционерных банков Алтайского региона на 1 января 1916 г. составил около 5700 тыс. руб., общее же количество средств на депозитных и текущих счетах превысило сумму в 9300 тыс. руб. То есть, объем привлеченных средств в 1,6 раз превышал объем учетно-ссудных операций [Банковское дело..., 2010: 82–83].

Единственной кредитной организацией в регионе, которая демонстрировала рост показателей активных операций, стало Кяхтинское отделение Русско-Азиатского банка (см. табл. 18, 21). Со значительным ростом – практически в пять раз – произошло увеличение наличных средств в кассе офиса. Если в начале 1915 г. в ней находилось 43860 руб., то к 1 января 1917 г. количество банкнот и монет в ней возросло до 234 тыс. руб. Скорее всего, это объясняется закупками больших партий монгольских товаров в годы войны российским правительством. При посредничестве созданной в июне 1915 г. компании «Монголэкс» уже к 1 января 1916 г. было закуплено в Монголии до 600 тыс. пудов говядины и баранины. На организацию закупок правительством выделялись огромные суммы – 3438 тыс. руб. в 1915 г., 20639 тыс. руб. в 1916 г., 32165 тыс. руб. в 1917 г. [Оськин, 2014: 37–38]. Как правило, расчеты с монголами велись наличными деньгами. Вероятно, этим и объясняется большое количество денежных средств в кассе Кяхтинского филиала. Кроме того, при оценке состояния балансов кредитных организаций тех лет необходимо учитывать инфляцию, вызванную тяготами военного времени. С 1 июля 1914 г. по 1 марта 1917 г. количество обращающихся бумажных денег возросло в 6,7 раз. Стоимость рубля в 1917 г. к курсу 1914 г.

составляла всего 25 копеек [Васюков, 1993: 17]. Соответственно, ценность всех показателей деятельности финансово-кредитных институтов Западного Забайкалья, как и по всей стране, следует снижать на 75% по сравнению со значениями 1914 г.

Таким образом, события Первой мировой войны весьма неоднозначно отразились на деятельности банковской системы Западного Забайкалья. Снижение активности в среде предпринимательского сообщества, являвшегося главной частью банковской клиентуры, вследствие нарушения торговых связей между европейской и азиатской частями Российской империи, стагнации промышленности, неурожая 1915 г. и инфляции причинили немалый ущерб местным кредитным организациям. В новый 1917 г. банковская система региона вошла ослабленной, но по-прежнему работоспособной. Февральская революция и установление демократической власти ознаменовало собой вступление страны в совершенно новый период ее истории. Формально ликвидация финансовой системы Российской империи состоялась после опубликования декрета Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета от 27 ноября 1917 г. «О национализации банков» [Декреты Советской власти, 1957: 230], согласно которому все существующие кредитные организации вместе со всем имуществом и капиталами поступали в подчинение Государственного банка, что означало введение государственной монополии на осуществление банковской деятельности. И хотя одномоментного закрытия финансово-кредитных институтов на территории государства в целом и Западного Забайкалья в частности не произошло, история имперской банковской системы была фактически завершена.

Результаты заключительного этапа (1914–1917 гг.) в истории развития банковской системы Западного Забайкалья в дореволюционный период позволяют сделать следующие выводы:

1. Первая мировая война стала для сети кредитных организаций Западного Забайкалья тяжелым временем испытаний. Находясь вдали от основного театра

боевых действий, регион столкнулся с рядом проблем, вызванных войной. Нарушение торговых связей из-за закрытия границ и транспортного коллапса нанесло экономике серьезный урон. Вследствие введения ряда ограничений впала в стагнацию и без того слаборазвитая промышленность региона. Неурожай в Восточной Сибири 1915 г., мобилизация и начавшаяся с первых месяцев войны инфляция негативно отразились на развитии всей экономики региона и ее финансового сектора. Несмотря на указанные проблемы, региональные кредитные организации продолжали оказывать населению свои услуги в обычном режиме.

2. Военный период характеризуется усилением роли финансово-кредитных институтов на финансовом рынке региона. Данный процесс был вызван активизацией российской внешней политики в Монголии после обретения ею независимости в 1911 г. С открытием постоянного отделения Государственного банка в Кяхте российские власти получили достаточно эффективный финансовый инструмент для экономической экспансии на территорию Монголии. Открытие Кяхтинского филиала было обусловлено преимущественно политическими интересами, а не стремлением продвигать банковские услуги в регионе и соседней стране.

3. Система финансово-кредитных институтов Западного Забайкалья сохранила присущие ей черты: а) превалирование частных кредитных организаций над государственными; б) значительная роль местного бизнес-сообщества в деле развития региональной банковской системы.

* * *

Таким образом, период 1900–1917 гг. стал временем расцвета финансово-кредитных институтов Западного Забайкалья. Стремительные по сравнению с предыдущим периодом темпы развития местных кредитных организаций стали возможны благодаря активной государственной поддержке и неослабевающей инициативе частных лиц. В результате продвижения России в Китай на территорию Западного Забайкалья вместе с Великим Сибирским путем пришли современные банки. Вторым драйвером развития региональной сети финансово-

кредитных институтов стал начавшийся в 1909 г. общероссийский экономический подъем. В данный период не только окрепли ранее существовавшие кредитные организации, но и открылись новые – ОВК в Кяхте и Верхнеудинске, кредитные товарищества в сельской местности. На волне торгово-промышленного роста в регион пришел Сибирский торговый банк.

В этот период возросла роль государственных кредитных органов. В регионе появился полноценный филиал Государственного банка Российской империи. Причиной его появления стали события Синьхайской революции 1911 г., которые привели к обретению независимости Монголией. Появление в Кяхте филиала Государственного банка было обусловлено интересами России в продвижении своего влияния на территорию стран Внутренней Азии. Таким образом вновь геополитический фактор заметно повлиял на развитие банковской системы Западного Забайкалья.

Первая мировая война стала для банковской системы региона временем тяжелых испытаний и потерь. Но, несмотря на общее падение основных показателей, кредитные организации региона смогли удержать свои позиции. К началу революционных событий 1917 г. банковская система Западного Забайкалья подошла хоть и в ослабленном состоянии, но по-прежнему способная активно содействовать экономическому развитию региона.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

История банковской системы Западного Забайкалья в дореволюционный период – это долгий и сложный процесс формирования и развития кредитных отношений. Частные вещевые займы, заключаемые в устной форме в XVIII столетии, сменились к началу XX в. разветвленной сетью разнообразных, специализирующихся на предоставлении различных финансовых услуг, кредитных организаций.

Процесс формирования банковской системы региона напрямую зависел от специфики его экономической модели, ориентированной на обслуживание международной торговли и обусловленной государственными интересами Российской империи. Являясь одним из главных опорных и перевалочных пунктов из России в Китай, регион испытывал ее влияние на все сферы жизни и деятельности. Обслуживание движения по указанному торговому пути посредством предоставления транспортно-логистических и посреднических услуг приносило доход региону и способствовало формированию местного предпринимательского сообщества.

Длительное время финансовый сектор экономики Западного Забайкалья был представлен в основном институтом частных ссуд. Ближайшим пунктом, где располагались специализированные кредитные организации, был Иркутск, в котором с 1779 по 1788 гг. действовала контора Государственного Ассигнационного банка и местная палата Приказа общественного призрения (1775–1918 гг.), а в 1837 г. открыл свои действия полноценный финансово-кредитный институт – Банк при сиропитательном доме Е. Медведниковой.

В отличие от Приангарья вплоть до середины XIX столетия единственным учреждением, имеющим отношение к финансовым вопросам, было созданное в 1790 г. Верхнеудинское уездное казначейство. Однако по своим функциям оно представляло собой налоговый, а не кредитный орган. Впрочем, подобное положение долгое время было присуще всей финансовой системе Сибири, где к

середине XIX столетия помимо упомянутого банка в Иркутске действовало всего одно подобное учреждение в Томске (1843 г.). Это объяснялось общей неразвитостью системы кредитных организаций Российской империи, начавшей свое полноценное развитие только в XIX столетии.

Еще одним фактором, повлиявшим на позднее появление на территории региона собственных банков, стала политика государства в отношении русско-китайской торговли. Ее бартерный характер, законодательно закрепленный в 1800 г., и неразвитость вексельных операций сильно тормозили эволюцию кредитных операций в регионе. Все это было следствием стремления властей страны сохранить сверхвыгодные коммерческие отношения с Китаем.

Первой попыткой создать собственный банк в Западном Забайкалье стал предложенный в 1844 г. кяхтинскими купцами проект, предполагавший организацию городского банка. Инициатива, получившая поддержку в высших властных кругах империи, не была реализована из-за случившегося в 1845 г. пожара, уничтожившего Кяхту.

Значительный эффект на процесс формирования в регионе банковской системы оказали события в Китае, подтолкнувшие российские власти к принятию ряда мер. В результате поражения Китая в Опиумных войнах и открытия Суэцкого канала резко возрос объем торговли чаем посредством дешевых морских перевозок. Более долгий и затратный сухопутный кяхтинский маршрут грозил прийти в упадок, что повлекло бы за собой обнищание местного купечества и потерю Россией прямого коммерческого пути в Китай. С целью оказания поддержки российско-китайской торговли в 1851 г. был разрешен расчёт с китайскими предпринимателями наличными деньгами, спустя десять лет был введен сверхвыгодный для кяхтинских купцов налоговый тариф на чайные поставки. Получив преференции, кяхтинское бизнес-сообщество оставило идею о создании банка.

История проекта об организации Кяхтинского городского банка и последовавшие за этим события продемонстрировали две главные особенности

эволюции системы финансово-кредитных институтов Западного Забайкалья: первая – ведущая роль принадлежала инициативе частных лиц, а не государственным органам; вторая – сильная зависимость процесса формирования местной банковской системы от внешнеполитических факторов.

Данная специфика сохранялась и после проведения финансовой реформы 1860–1864 гг. Несмотря на то, что общероссийский банковский сектор стремительно развивался, ситуация в Западном Забайкалье не изменилась. Указанные выше обстоятельства – введение ряда льгот на торговлю с Китаем – привели к снижению интереса в среде местного предпринимательского сообщества к идее об организации собственных банков. Введение в 1860-х гг. дополнительных привилегий, в том числе объявление значительной части региона зоной беспошлинной торговли, усугубили положение. Как итог, после смены в середине XIX в. поколений кяхтинских купцов центр частной инициативы в деле создания собственной банковской системы сместился в Верхнеудинск.

Первой реально действовавшей кредитной организацией на территории региона стала открывшая свои действия в 1872 г. ссудная касса при Верхнеудинской городской управе. Созданная на пожертвованный согласно завещанию верхнеудинского купца А.М. Курбатова капитал, касса занималась выдачей мелких ссуд горожанам. Организовать полноценную кредитную поддержку представителям местного бизнес-сообщества данное учреждение не могло ввиду незначительного размера капитала.

Активизация процесса создания в Западном Забайкалье собственного банка стала заметной в начале 1870-х гг. К сожалению, долгое время просьбы к властям со стороны верхнеудинских купцов не находили отклика. Только в 1881 г. было получено разрешение на организацию городского общественного банка. Залогом успеха предприятия инициативных лиц Верхнеудинска во главе с городским головой А.П. Лосевым стала поддержка, оказанная генерал-губернатором Восточной Сибири Д.Г. Анучиным. Именно благодаря консолидации усилий местных купцов и властей удалось успешно реализовать проект. Верхнеудинский

городской общественный банк стал первым специализированным финансово-кредитным институтом на территории Западного Забайкалья. Банк принес в регион современные финансовые услуги, облегчил и улучшил деятельность местного купечества, заложив при этом основы для будущего развития всей системы. К сожалению, история банка была недолгой – с 1882 по 1886 гг. Причинами закрытия послужили ужесточения в действующем законодательстве, регламентирующем деятельность банков. Это стало следствием вступления России в экономический кризис 1882 г., усугубленный паникой на кредитном рынке, вызванной громким крахом Скопинского банка (1882 г.)

Процесс формирования банковской системы Западного Забайкалья получил полноценное развитие только в 1890-е гг. Это стало возможным в связи со сменой внешнеполитического вектора страны в направлении стран Азиатско-Тихоокеанского региона ввиду острой необходимости поиска внешних рынков сбыта товаров и источников сырья, необходимых для развития торговли и промышленности страны. Одним из главных направлений стала территория Китая. Двигаясь на Восток, власти империи попутно решали проблему модернизации отсталых азиатских областей державы. С этой целью правительство страны во главе с министром финансов С.Ю. Витте развернуло масштабный инфраструктурный проект – строительство Транссибирской железной дороги. Вместе с магистралью в Западное Забайкалье пришли и филиалы крупнейших банков страны – временное отделение Государственного в Верхнеудинске (1894 г.), офисы Русско-Китайского в Верхнеудинске и Кяхте (1898 г.) и агент Ярославско-Костромского земельного банков. Значительную поддержку в начинаниях правительства оказали представители местного купечества. Купцы П.Т. Трунев и И.Д. Сеницын возглавили местные агентства Русско-Китайского банка. Необходимо отметить, что только альянс в виде инициативы частных лиц и государственной поддержки привел к достижению успеха – формированию региональной банковской системы.

Развитие банковской системы Западного Забайкалья в 1900-е гг. проходило под знаком господства частных кредитных институтов. Главную роль играл Русско-Китайский банк ввиду закрытия временного отделения Государственного в Верхнеудинске (1906 г.) и фиаско на рынке недвижимости региона агентов Ярославско-Костромского банков. Русско-Китайский банк сделал доступными в регионе современные банковские продукты и услуги. Верхнеудинское и Кяхтинское отделения активно кредитовали торговцев и промышленников, содействовали развитию их бизнеса. В частности, Верхнеудинское отделение способствовало строительству Забайкальской железной дороги (1895–1905 гг.) и оказывало помощь клиентам в ведении дел на территории Китая. Деятельность отделений банка положительно повлияла на развитие региональной экономики. Однако главной задачей, которую выполняли Верхнеудинское и Кяхтинское отделения, было содействие в продвижении российского влияния в страны Внутренней Азии. Действуя совместно с монгольскими офисами учреждения, филиалы способствовали развитию торговых отношений с Монголией и продвижению российских товаров на местный рынок.

Успешную деятельность отделений банка в Западном Забайкалье, как и всего учреждения в целом, подорвали поражение России в войне с Японией и экономический кризис 1905–1906 гг. Понеся большие финансовые потери, банк закрыл часть своих филиалов, в том числе в Монголии, что негативно сказалось на филиалах учреждения в Западном Забайкалье. Как и на более ранних этапах формирования сети кредитных организаций в регионе, проявилась сильная зависимость процесса от геополитического фактора.

Наиболее продуктивным этапом в истории развития банковской системы региона стали годы экономического подъёма 1909–1913 гг. В указанный период на территории Западного Забайкалья появился филиал Сибирского торгового банка (1910 г.), активно способствовавший развитию местной промышленности, в особенности золотодобывающей. Открыли свои действия общества взаимного кредита в Кяхте (1913 г.) и Верхнеудинске (1911 г.), привлёкшие в свои ряды

большую часть населения. В данный период ссудо-сберегательные услуги стали доступны повсеместно, в том числе и в сельских районах. С 1909 по 1914 гг. было основано 37 кредитных товариществ. Во многом данные успехи были заслугой инициативы частных лиц. Особо следует отметить личность верхнеудинского городского головы И.П. Титова, создавшего первое в регионе общество взаимного кредита.

Первая мировая война стала для банковской системы Западного Забайкалья периодом непростых испытаний на прочность. С одной стороны, произошло знаменательное событие – в 1914 г. открылось постоянное отделение Государственного банка в Кяхте. Главной причиной создания филиала учреждения в регионе стали события 1911 г. – Синьхайская революция и последовавшее затем объявление независимости Монголии. Предположительно, главной причиной открытия Кяхтинского офиса стало желание российских властей иметь на границе с Монголией удобный финансовый инструмент с целью продвижения российского влияния.

Несмотря на удаленность от театров боевых действий, регион столкнулся с множеством трудностей. Экономика Западного Забайкалья, основанная на участии в трансконтинентальной торговле, ввиду краха системы торговых маршрутов оказалась в тяжелом положении. Слаборазвитая промышленность региона практически стагнировала. Галопирующий уровень инфляции, неурожайный 1915 г., мобилизация трудовых ресурсов нанесли экономике региона серьезный удар. Сильно пострадал и финансовый сектор. Снижение активных операций клиентов и выведение ресурсов из делового оборота на депозитарные счета заметно отразились на развитии учреждений. Однако региональные отделения банков и иные кредитные организации продолжали оказывать населению свои услуги. В результате войны ни один из крупных игроков на финансовом рынке Западного Забайкалья не свернул свою деятельность.

К 1917 г. Западное Забайкалье располагало развитой системой финансово-кредитных институтов, включавшей филиал Государственного банка, два отделения Русско-Азиатского банка, офис Сибирского торгового банка, три общества взаимного кредита, три казначейских отделения и 19 кредитных товариществ. Они были способны удовлетворить потребности в банковских услугах любого клиента вне зависимости от его социального положения и уровня дохода. Несмотря на открытие Кяхтинского отделения Государственного банка, система финансово-кредитных институтов региона сохранила присущие ей черты – превалирование частных кредитных организаций над государственными, значительная роль купечества в деле развития местных банков.

Революционные события 1917 г. завершили историю банковской системы Российской империи. Новые власти продолжили использование доставшихся им в наследство кредитных организаций, начав следующий период в истории развития банковской системы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

I. Неопубликованные источники:

Российский государственный исторический архив (РГИА)

1. Фонд 630. Русско-Азиатский банк.
РГИА, ф. 630, оп. 1, д. 276, 332, 405, 406, 558.
2. Фонд 632. Русско-Китайский банк.
РГИА, ф. 632, оп. 1, д. 36, 155, 156, 283.
3. Фонд 638. Сибирский Торговый банк.
РГИА, ф. 638, оп. 1, д. 211.

Государственный архив Иркутской области (ГАИО)

4. Фонд 154. Иркутское отделение Государственного банка, г. Иркутск Иркутской губернии, 01.11.1865–1916 гг.
ГАИО, ф. 154, оп. 1, д. 5, 15, 21, 32.
5. Фонд. 342. Иркутское отделение Русско-Азиатского банка, г. Иркутск Иркутской губернии, 1911–1915 гг.
ГАИО, ф. 342, оп. 1, д. 2, 4.

Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ)

6. Фонд 10. Верхнеудинская городская управа, г. Верхнеудинск (1875–1920).
ГАРБ, ф. 10, оп. 1, д. 108, 352, 365, 379, 380, 408, 453, 457, 460, 480, 965, 1026, 1038, 1039, 2236, 2592.
7. Фонд 102. Кяхтинская таможня Министерства финансов, г. Троицкосавск Прибайкальской губернии (1780–1923).
ГАРБ, ф. 102, оп. 1, д. 127.
8. Фонд 221. Верхнеудинское окружное казначейство, г. Верхнеудинск Забайкальской области (1790–1920)
ГАРБ, ф. 221, оп. 1, д. 1, 9.

9. Фонд 222. Кяхтинское отделение Народного банка, г. Троицкосавск Троицкосавского уезда Забайкальской области (1905–1920)
ГАРБ, ф. 222, оп. 1, д. 1, 4, 14, 23, 27, 28, 43, 102, 117, 234; оп. 2, д. 1, 39.
10. Фонд 224. Верхнеудинское отделение Русско-Азиатского банка, г. Верхнеудинск (1898–1919)
ГАРБ, ф. 224, оп. 1, д. 1, 8, 13, 18, 36, 43а, 63, 64, 146, 222.
11. Фонд 225. Кяхтинское уездное казначейство, г. Троицкосавск Троицкосавского уезда Забайкальской области (1775–1918)
ГАРБ, ф. 225, оп. 1, д. 1, 9, 442, 470.
12. Фонд 282. Верхнеудинское городское казначейство, г. Верхнеудинск (1870–1920)
ГАРБ, ф. 282, оп. 1, д. 97, 158, 177, 197, 233.
13. Фонд Р-577. Исполнительный комитет Троицкосавского Совета рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов, г. Троицкосавск, Троицкосавского уезда Забайкальской области (март 1917 – 4 марта 1918)
ГАРБ, ф. Р-577, оп. 1, д. 10.

II. Законодательные и нормативно-правовые акты

14. Манифест «Об учреждении Банковых Контор в Ярославле и во всех тех местах, где более настоят будет нужда в обмене Государственных ассигнаций». 28 июня 1772 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. – 1830. – Т. 19. – № 13833. – С. 540–542.
15. Учреждения для управлений Губерний Всероссийския империи часть первая. 7 ноября 1775 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. – 1830. – Т. 20. – № 14392. – С. 229–304.
16. Грамота на права и выгоды городам Российской империи. 21 апреля 1785 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. – 1830. – Т. 22. – № 16188. – С. 358–384.

17. Устав Государственного Коммерческого Банка. 7 мая 1817 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. – 1830. – Т. 26. – № 26837. – С. 263–274.
18. Высочайше утвержденные правила, по которым Кяхтинская Таможня и купечество, при производстве с Китайцами торго, поступать должныствуют. 15 марта 1800 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. – 1830. – Т. 30. – № 19328. – С. 75–79.
19. Устав Государственного Коммерческого Банка. 7 мая 1817 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. – 1830. – Т. 34. – № 26837. – С. 263–274.
20. Высочайше утвержденное учреждение Департамента Государственного Казначейства. 2 февраля 1821 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. – 1830. – Т. 37. – № 28542. – С. 593–601.
21. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета, опубликованное 9 ноября «Об учреждении в Иркутске Сиропитательного заведения и частного при нем Банка». 20 июня 1836 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. – 1837. – Т. 11. – Отделение 1. – № 9332. – С. 739–752.
22. Высочайше утвержденная инструкция Уездным Казначейам. 10 декабря 1837 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. – 1838. – Т. 12. – Отделение 2. – № 10792. – С. 989–1001.
23. Высочайше утвержденное положение Комитета Министров «Об устройстве в Троицкосавске богадельни, с обращением пожертвованной для сего Кяхтинским купечеством суммы на учреждение в Кяхте общественного Банка». 25 июля 1844 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. – 1845. – Т. 19. – Отделение 1. – № 18099. – С. 461–463.
24. Высочайше утвержденное положение Комитета Министров, объявленное Министром Финансов «О оказании Троицкосавским

- купцам, пострадавшим от пожара, некоторых облегчений по торговле». 6 ноября 1845 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. – 1846. – Т. 20. – Отделение 2. – № 19437. – С. 111.
25. Высочайше утвержденное положение Сибирского Комитета, опубликованное 25 августа «Об изменении правил Кяхтинского торгового поста». 1 августа 1855 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. – 1856. – Т. 30. – Отделение 1. – № 29554. – С. 528–529.
26. Высочайше утвержденный Устав Государственного банка. 31 мая 1860 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. – 1862. – Т. 35. – Отделение 1. – № 35847. – С. 644–659.
27. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета, опубликованное 1 мая «О торговле с Китаем, и о дозволении ввоза Кантонского чая в Империю и Царство Польское». 30 марта 1861 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. – 1863. – Т. 36. – Отделение 1. – № 36785. – С. 518–520.
28. Высочайше утвержденное Положение о Городских Общественных Банках. 6 февраля 1862 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. – 1865. – Т. 37. – Отделение 1. – № 37950. – С. 111–125.
29. Высочайше утвержденный Устав С-Петербургского Общества Взаимного Кредита. 29 апреля 1863 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. – 1866. – Т. 38. – Отделение 1. – № 39465. – С. 323–327.
30. Высочайше утвержденный Устав Санкт-Петербургского частного коммерческого Банка. 28 июля 1864 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. – 1867. – Т. 39. – Отделение 1. – № 41122. – С. 664–671.
31. Сборник договоров России с Китаем. 1689-1881 гг. / Изд. Д. Пещуров. – СПб.: М-во ин. дел, 1889. – 271 с.

32. Сенатский указ «Об Уставе Ярославско-Костромского земельного Банка». 17 августа 1872 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. – 1875. – Т. 47. – Отделение 2. – № 51229. – С. 461–471.
33. Сенатский указ «Об Уставе Сибирского торгового Банка». 5 июля 1872 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. – 1875. – Т. 47. – Отделение 2. – № 51056. – С. 61–70.
34. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «Об изменении и дополнении нормального Положения о городских общественных банках». 17 июля 1883 г. // Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. Второе полугодие. – 1883. – № 70. – С. 1265–1306.
35. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «Об изменении и дополнении нормального Положения о городских общественных банках». 26 апреля 1883 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. – 1886. – Т. 3. – № 1526. – С. 207–211.
36. Высочайше утвержденный Устав Государственного банка. 6 июня 1894 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. – 1898. – Т. 14. – № 10767. – С. 410–427.
37. Устав Русско-Китайского банка: утв. 10 дек. 1895 г. – СПб: тип. А. Бенке, 1895. – 39 с.
38. Высочайше утвержденное Положение об учреждениях мелкого кредита. 1 июня 1895 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. – 1899. – Т. 15. – № 11756. – С. 354–358.
39. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «Об утверждении главных оснований поземельного устройства Забайкальской области». 5 июня 1900 г. // Полное собрание законов

Российской империи. Собрание третье. – 1902. – Т. 20. – Отделение 1. – № 18735. – С. 598–601.

40. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «Об утверждении правил об упрочении деятельности частных банков». 29 апреля 1902 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. – 1904. – Т. 22. – Отделение 1. – № 21366. – С. 246–248.
41. Декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета от 27 (14) декабря 1917 г. «О национализации банков» // Декреты Советской власти. – М.: Госполитиздат, 1957. – Т. 1: 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. – С. 230.

III. Справочные и статистические издания

42. Баланс Верхнеудинского общества взаимного кредита на 1-е мая 1913 г. – Верхнеудинск, 1913. – 2 с.
43. Баланс Верхнеудинского общества взаимного кредита на 1-е октября 1913 г. – Верхнеудинск, 1913. – 2 с.
44. Военная энциклопедия: в 18 т. / под ред. К. И. Величко и др. – М: Тип. Тов-ва И.Д. Сытина, 1914. – Т. 14. Круковский Ф. А. – Линита. – С. 321–640.
45. Государственный банк: Краткий очерк деятельности за 1860–1910 годы. / Сост. под ред. дир. Гос. банка Е.Н. Сланского. – СПб: Тов-во Р. Голике и И.А. Вильборг, 1910. – 143 с.
46. Кооперация на Всероссийской выставке 1913 г. в Киеве. – Киев: Бюро Кооп. секции выставки, 1914. – 596 с.
47. Краткий очерк возникновения, развития и теперешнего состояния наших торговых с Китаем сношений чрез Кяхту / Издание кяхтинского купечества. – М.: Типо-лит. тов-ва И.Н. Кушнерев и Ко., 1896. – 27 с.
48. Обзор Иркутской губернии за 1904 г. – Иркутск: Губернская типография, 1905. – 43, [27] с.
49. Обзор Забайкальской области за 1884 г. – Чита. 1885. – 64 [51] с.

50. Обзор Забайкальской области за 1885 г. – Чита. 1886. – 63 [54] с.
51. Обзор Забайкальской области за 1891 г. – СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1892. – 48, [2] с.
52. Обзор Забайкальской области за 1897 г. – Чита: Тип. Торгового дома «П.А. Бадмаев и Ко», 1898. – 243 с.
53. Обзор Забайкальской области за 1900 г. – Чита: Тип. Забайкальского Областного Правления, 1901. – 58, [109] с.
54. Обзор Забайкальской области за 1902 г. – Чита: Тип. Забайкальского Областного Правления, 1903. – 119, [83] с.
55. Обзор Забайкальской области за 1905 г. – Чита: Тип. Забайкальского Областного Правления, 1906. – 105, [66] с.
56. Обзор Забайкальской области за 1908 г. – Чита: Тип. Забайкальского Областного Правления, 1909. – 84, [78] с.
57. Обзор Забайкальской области за 1910 г. – Чита: Тип. Забайкальского Областного Правления, 1914. – 281 с.
58. Общества взаимного кредита. Учреждение. Организация. Ведение дел / сост. Э.Э. Барклай-де-Толли. – СПб.: Изд. М.В. Кечеджи-Шаповалова: Кн. склад т-ва «Улей», 1912. – 103 с.
59. Операции коммерческих банков / сост. Е.П. Вознесенский. – СПб.: Изд. М.В. Кечеджи-Шаповалова: Кн. склад т-ва «Улей», 1914. – 192 с.
60. Организация и техника коммерческого банка / сост. В.А. Дмитриев-Мамонов, З. П. Евзлин. – Петроград: тип. М. Пивоварского и Ц. Типографа, 1916. – 383 с.
61. Отчет Верхнеудинского общества взаимного кредита за 1912 г. – Верхнеудинск: Тип. А.К. Кобылкина, 1913. – 23 с.
62. Отчет по операциям Русско-Китайского банка за 1898 г. – СПб.: Тип. А. Бенке, 1899. – 26 с.
63. Отчет по операциям Русско-Китайского банка за 1899 г. – СПб.: Тип. А. Бенке, 1900. – 26 с.

64. Отчет по операциям Русско-Китайского банка за 1900 г. – СПб.: Типо-лит. Ц. Крайз и Ко, 1901. – 36 с.
65. Отчет по операциям Русско-Китайского банка за 1901 г. – СПб., 1902. – 53 с.
66. Отчет по операциям Русско-Китайского банка за 1902 г. – СПб., 1903. – 95 с.
67. Отчет по операциям Русско-Китайского банка за 1903 г. – СПб., 1904. – 98 с.
68. Отчет по операциям Русско-Китайского банка за 1904 г. – СПб., 1905. – 39 с.
69. Отчет по операциям Русско-Китайского банка за 1905 г. – СПб., 1906. – 24 с.
70. Отчет по операциям Русско-Китайского банка за 1906 г. – СПб.: Тип. «Якорь», 1907. – 22 с.
71. Отчет по операциям Русско-Китайского банка за 1907 г. – СПб.: Тип. «Якорь», 1908. – 24 с.
72. Отчет по операциям Русско-Китайского банка за 1908 г. – СПб.: Тип. «Якорь», 1909. – 27 с.
73. Отчет по операциям Русско-Китайского банка за 1909 г. – СПб., 1910. – 23 с.
74. Отчет Сибирского Торгового банка за 1899 г. – СПб.: Тип. СПб. тов-ва печ. и изд. дел «Труд», 1900. – 31 с.
75. Отчет Сибирского Торгового банка за 1900 г. – СПб.: Тип. СПб. тов-ва печ. и изд. дел «Труд», 1901. – 28 с.
76. Отчет по операциям Сибирского Торгового банка за 1901 г. – СПб.: Тип. СПб. тов-ва печ. и изд. дел «Труд», 1902. – 30 с.
77. Отчет по операциям Сибирского Торгового банка за 1902 г. – СПб.: Тип. СПб. тов-ва печ. и изд. дел «Труд», 1903. – 26 с.

78. Отчет по операциям Сибирского Торгового банка за 1903 г. – СПб.: Тип. СПб. тов-ва печ. и изд. дел «Труд», 1904. – 24 с.
79. Отчет по операциям Сибирского Торгового банка за 1906 г. – СПб.: Типо-лит. «Энергия», 1907. – 28 с.
80. Отчет по операциям Сибирского Торгового банка за 1907 г. – СПб.: Типо-лит. «Энергия», 1908. – 28 с.
81. Отчет по операциям Сибирского Торгового банка за 1909 г. – СПб.: Типо-лит. «Энергия», 1910. – 28 с.
82. Отчет по операциям Сибирского Торгового банка за 1910 г. – СПб.: Типо-лит. «Энергия», 1911. – 36 с.
83. Отчет Ярославско-Костромского земельного банка за 1899 год. – М.: Типо-лит. Н.И. Куманина, 1900. – 34 с.
84. Отчет Ярославско-Костромского земельного банка за 1900 год. – М.: Тип. Общества распространения полезных книг, 1901. – 36 с.
85. Отчет Ярославско-Костромского земельного банка за 1906 год. – М.: Тов-во скоропечатни А.А. Левенсон, 1907. – 57 с.
86. Отчет Ярославско-Костромского земельного банка за 1908 год. – М.: Тов-во скоропечатни А.А. Левенсон, 1909. – 65 с.
87. Памятная книжка Забайкальской области на 1901 г. – Чита: Тип. Забайкальского областного правления, 1901. – 427 с.
88. Памятная книжка Забайкальской области на 1912 г.: (С изм., последовавшими к 1 мая 1912 г.) – Чита: Электро-тип. Забайкальского областного правления, 1912. – 339 с.
89. Памятная книжка Забайкальской области на 1914 г. – Чита: Тип. Забайкальского областного правления, 1914. – 544 с.
90. Памятная книжка Иркутской губернии 1908 года. – Иркутск: Губернская типография, 1908. – 166 с.
91. Памятная книжка Иркутской губернии 1910 года. – Иркутск: Губернская типография, 1910. – 303 с.

92. Предварительное следствие о злоупотреблениях в Скопинском городском общественном банке / Произведено А.Г. Спиридовым. – Рязань: Тип. насл. З.П. Позняковой, 1883. – Ч. 1. – 440 с.
93. Река Баргузин в Забайкальской области / сост. А.К. Старицкий. – СПб.: Тип. Министерства путей сообщения, 1913. – 96 с.
94. Река Селенга в Забайкальской области / сост. А.К. Старицкий. – СПб.: Тип. Министерства путей сообщения, 1913. – 119 с.
95. Русско-китайские отношения. 1689–1916. Официальные документы / Сост. П. Е. Скачков и В. С. Мясников. – М.: Изд-во восточной литературы, 1958. – 139 с.
96. Русские банки: Перечень городов и селений, в коих находятся кредитные учреждения и их филиальные отделения. К 15 апреля 1907 г. / Издание Комитета Съезда представителей банков коммерческого кредита. – СПб.: Тип. В.Ф. Киршбаума, 1907. – 16 с.
97. Русские банки: Перечень городов и селений, в коих находятся кредитные учреждения и их филиальные отделения. К 15 декабря 1910 г. / Издание Комитета Съезда представителей банков коммерческого кредита. – СПб.: Тип. В.Ф. Киршбаума, 1910. – 24 с.
98. Русские банки: Перечень городов и селений, в коих находятся кредитные учреждения и их филиальные отделения. К 1 февраля 1912 г. / Издание комитета съезда представителей акционерных банков коммерческого кредита. – СПб.: Тип. В.Ф. Киршбаума, 1912. – 49 с.
99. Русские банки: Перечень городов и селений, в коих находятся кредитные учреждения и нотариусы. К 1 января 1914 г. / Издание комитета съезда представителей акционерных банков коммерческого кредита. – СПб.: Тип. тов-ва п. ф. электро-тип. Н.Я Стойковой, 1914. – 191 с.
100. Русские банки: Перечень городов и селений, в коих находятся кредитные учреждения, элеваторы Государственного банка и нотариусы.

- К 1 января 1916 г. / Издание комитета съезда представителей акционерных банков коммерческого кредита. – СПб.: Тип. М. Пивоварского и Ц. Типографа, 1915. – 190 с.
101. Русские банки: справ. и стат. сведения о всех действующих в России государственных, частных и общественных кредитных учреждениях: год первый / сост. А. К. Голубев. – СПб.: Издание Комитета Съезда представителей банков коммерч. кредита, 1896. – 254 с.
102. Сборник государственных знаний / под ред. В.П. Безобразова. – СПб.: Издание Д.Е. Кожанчикова, 1874. – Т. 1. – 469 с.
103. Сборник статистических сведений о России, издаваемый Статистическим отделением Императорского Русского географического общества / Под ред. Е.И. Ламанского. СПб.: Тип. Морского министерства, 1854. – Кн. 2. – 101 с.
104. Сведения о городских общественных банках. – СПб.: Тип. Особ. канцелярия по кредит. части, 1898. – 243 с.
105. Статистические сведения об оборотах сухопутной торговли России с Китаем через Кяхту с 1875 по 1894 год и торговли Китая с другими государствами за последние годы. – М.: Типо-лит. тов-ва И.Н. Кушнерев и Ко, 1896. – 27 с.
106. Экономический словарь: Справочное издание / сост. В.И. Нечаев, П.В. Михайлушкин. – Краснодар: «Атри», 2011. – 464 с.
107. Энциклопедия банковского дела. Руководство для банковских деятелей и лиц, прибегающих к услугам банков / под ред. А. С. Залшупина. – СПб.: Тип. тов-ва Народная польза, 1904. – 346 с.
108. Treaties, &c., between Great Britain and China: and between China and foreign powers; and orders in council, rules, regulations, acts of Parliament, decrees, &c., affecting British interests in China. In force on the 1st January, 1908 / compiled E. Hertslet. – London: Printed for H. M. Stationery off., by Harrison and sons, 1908. – V. 1. – 208 p.

IV. Периодическая печать

109. Вестник финансов, промышленности и торговли. – СПб.: Изд-во Министерства финансов, 1908–1916.
110. Восточное обозрение. – Иркутск: [б. и.], 1882–1906.
111. Иркутские губернские ведомости. – Иркутск: Иркутское губернское правление, 1857–1919.
112. Журнал Министерства внутренних дел. – СПб.: Тип. Министерства внутренних дел, 1845. – Ч. 11. – 504 с.
113. Забайкальские областные ведомости. Чита: Тип. Войскового Хозяйственного Правления Забайкальского казачьего войска, 1894–1902.
114. Прибайкальская жизнь. – Верхнеудинск: Тип. Прибайкальского товарищества кооперативов, 1918.

V. Электронные источники

115. Сайт Центрального банка Российской Федерации: <http://cbr.ru/>
116. Сайт Национального банка Республики Бурятия: <https://cbr.ru/buryatiya/contacts/>
117. Сайт журнала «Бизнес-курс» (Омск): <https://bk55.ru/magazine/>

VI. Статьи и монографии

118. Авенариус, Г.Г. Эмиссия китайских банков и контроль коммерческих обществ / Г.Г. Авенариус // Вестник Маньчжурии. – 1926. – № 11/12. – С. 80–93.
119. Алимджанов, Б.А. История деятельности Мервского отделения Русско-Азиатского коммерческого банка / Б.А. Алимджанов // Экономическая история. – 2018. – Т. 14. – № 2. – С. 155–169.
120. Алимджанов, Б.А. История Наманганского агентства Волжско-Камского коммерческого банка / Б.А. Алимджанов // Историко-экономические исследования. – 2018. – Т. 19. – № 3. – С. 389–405.

121. Алимджанов, Б.А. История деятельности Самаркандского отделения Русско-Азиатского коммерческого банка / Б.А. Алимджанов // Экономическая история: ежегодник. – 2020. – Т. 2019. – С. 170–183.
122. Ананьич, Б.В. Учетно-ссудный банк в Персии в 1894–1907 гг. / Б.В. Ананьич // Монополии и иностранный капитал в России: сб. науч. ст. / под ред. М.П. Вяткина. – Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1962. – С. 274–314.
123. Андриевская, В.А. Финансово-кредитная система в России в XVIII и первой половине XIX века / В.А. Андриевская // Экономические стратегии. – 2000. – Т. 2. – № 1. – С. 69–81.
124. Андриевич, В.К. Краткий очерк истории Забайкалья от древнейших времен до 1762 года / В.К. Андриевич. – СПб.: Воен. тип., 1887. – 249 с.
125. Артемьев, А.А. Основные принципы создания и начала функционирования национальной банковской системы в России с середины XVIII в. до 1860 г. / А.А. Артемьев // Финансы и кредит. – 2008. – № 7. – С. 67–73.
126. Асалханов, И.А. Социально-экономическое развитие Юго-Восточной Сибири во второй половине XIX в. / И.А. Асалханов. – Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1963. – 494 с.
127. Байтсайхан, О. Монголо-русский договор о дружбе 1912 г. и И.Я. Коростовец / О. Байтсайхан // Вестник Бурятского гос. ун-та. Гуманитарные исследования Внутренней Азии. – 2012 – № 1. – С. 126–139.
128. Балдано, М.Н. Экономика Забайкалья (1900–1918): испытание войной / М.Н. Балдано, Л.В. Кальмина, Т.Е. Санжиева // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. – 2015. – № 1. – С. 10–19.

129. Балдано, М.Н. Великий чайный путь: история формирования и перспективы возрождения / М.Н. Балдано // Проблемы социально-экономического развития Сибири. – 2018. – № 4 (34). – С. 93–99.
130. Банковское дело на Алтае. Вторая половина XIX – начало XXI века. В.В. Земсков и др. – Барнаул: Издат. дом «Барнаул», 2010. – 512 с.
131. Барышников, М.Н. Из истории взаимодействия Петербургского учетного и ссудного банка с промышленными компаниями России (конец XIX – начало XX в.) / М.Н. Барышников // Российский журнал менеджмента. – 2014. – Т. 12. – № 4. – С. 99–124
132. Батурицкий, Д.А. Аграрная политика царского правительства и крестьянский поземельный банк / Д.А. Батурицкий. – М.: Новая деревня, 1925. – 142 с.
133. Березницкий, С.В. Караванная торговля России с Китаем и отечественная наука XVIII века / С.В. Березницкий. – СПб.: МАЭ РАН, 2017. – 266 с.
134. Бреславская, Т.С., Филиппова Т.С. История Баргузина: от острога к городу (1648–1927) / Т.С. Бреславская, Т.С. Флиппова. – Иркутск: Оттиск, 2019. – 507 с.
135. Бовыкин, В.И. Финансовый капитал в России накануне Первой мировой войны / В.И. Бовыкин. – М.: РОССПЭН, 2001. – 318 с.
136. Бойко, В.П. Томское купечество в конце XVIII – XIX вв.: Из истории формирования сибирской буржуазии / В.П. Бойко. – Томск: Изд-во «Водолей», 1996. – 309 с.
137. Бойко, П.А. Коммерческие банки и реальный сектор российской экономики конца XIX – начала XX в. / П.А. Бойко // Экономический журнал. – 2011. – № 2. – С. 127–134.
138. Борисов, Ю.Ф. О началах кредитно-денежной политики в России (XVIII в. – середина XIX в.) / Ю.Ф. Борисов // Вестник Финансовой академии. – 2005. – № 2. – С. 112–122.

139. Васильчиков, А.И. Мелкий земельный кредит в России. / А.И. Васильчиков, А.В. Яковлев. – СПб.: Тип. А.М. Котомина, 1876. – 112 с.
140. Ванаг, Н.Н. Финансовый капитал в России накануне Мировой войны. Опыт историко-экономического исследования системы финансового капитала в России / Н.Н. Ванаг. – М. – Тверь: Издание коммунистического университета им. Сверлова; Гостипография им. К. Маркса, 1925. – 191 с.
141. Васюков, А.И. Бумажные денежные знаки России и СССР / А.И. Васюков, В.В. Горшков, В.И. Колесников, М.М. Чистяков. – СПб.: Политехника, 1993. – 216 с.
142. Вдовин, В.А. Крестьянский поземельный банк. (1883–1895 гг.) / В.А. Вдовин. – М. Госфиниздат, 1959. – 107 с.
143. Воропонов, Ф.Ф. Крестьянский банк и его начало. Из личных воспоминаний / Ф.Ф. Воропонов // Вестник Европы. – 1905. – Кн. 12. – С. 507–559.
144. Вязьмитинов, М.Н. Система материального обеспечения и поощрения преподавателей и учителей в образовательных учреждениях имперской России / М.Н. Вязьмитинов // Вестник Ульяновского гос. тех. ун-та. – 2017. – № 7. – С. 4–14.
145. Гаврилова, Н.И., Шахеров, В.П. Государственный банк в Иркутске: от Российской империи до настоящего времени. К 150-летию со дня основания / Н.И. Гаврилова, В.П. Шахеров. – Иркутск: «Оттиск», 2019. – 372 с.
146. Гибадуллин, М.З. Казанский городской общественный банк: создание, деятельность и участие в финансировании межрегиональной торговли / М.З. Гибадуллин // Актуальные проблемы экономики и права. – 2010. – № 1. – С. 73–83.

147. Гиндин, И.Ф. Банки и промышленность в России: к вопросу о финансовом капитале в России / И. Ф. Гиндин. – М.–Л.: АО "ПРОМИЗДАТ", 1927. – 207 с.
148. Гиндин, И.Ф. Русские коммерческие банки: Из истории финансового капитала в России / И. Ф. Гиндин. – М.: Госфиниздат, 1948 – 454 с.
149. Гливиц, И.Б. Железная промышленность России / И.Б Гливиц. – СПб.: Тип. т-ва п./ф. «Электро-тип. Н.Я. Стойковой», 1911. – 104 с.
150. Гребенкин, А.Н. Жалованье и пенсионное обеспечение преподавателей кадетских корпусов Российской империи в начале XX в. / А.Н. Гребенкин // Международный научно-исследовательский журнал. – 2020. – № 6. – С. 23–28.
151. Греков, Н.В. Германские и австрийские пленные в Сибири (1914–1917) / Н.В. Греков // Немцы. Россия. Сибирь: сб. ст. / сост. и науч. ред. Вибе П.П. – Омск: Омский гос. ист. - краевед. музей, 1997. – С. 154–180.
152. Грузицкий, Ю.Л. Городские общественные банки дореволюционной России (история возникновения и развития) / Ю.Л. Грузицкий // Финансы и кредит. – 2002. – № 11. – С. 58–62.
153. Грузицкий, Ю.Л. Минский коммерческий банк (1873–1912) / Ю.Л. Грузицкий // Финансы и кредит. – 2003. – № 1. – С. 88–89.
154. Грузицкий, Ю.Л. Общества взаимного кредита в Российской империи (история появления и этапы развития) / Ю.Л. Грузицкий // Финансы и кредит. – 2002. – № 13. – С. 66–72.
155. Грузицкий, Ю.Л. Первая банковская реформа в России / Ю.Л. Грузицкий // Финансы и кредит. – 2003. – № 11. – С. 55–64.
156. Губаханова, Р.Д. Русско-Азиатский банк в Дагестане в начале XX в. / Р.Д. Губаханова // Вестник института истории, археологии и этнографии. – 2009. – № 3. – С. 60–67.
157. Гурьев, А. Н. К реформе Крестьянского банка / А.Н. Гурьев. – СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1894. – 67 с.

158. Гурьев, А.Н. Очерк развития кредитных учреждений в России / А.Н. Гурьев. – СПб.: Типо-лит. «Якорь», 1904. – 250 с.
159. Демченко, В.В. Боровский общественный банк в условиях рыночной экономики (1862–1917) / В.В. Демченко // Финансы и кредит. – 2004. – № 8. – С.72–77.
160. Дикун, А.С. Династия купцов Сибиряковых у истоков золотопромышленности Восточной Сибири / А.С. Дикун // Проблемы социально-экономического развития Сибири. – 2016. – № 1 (23). – С. 89–93.
161. Добровольский, А.В. Роль Сибирской железной дороги в обеспечении снабжения армии и тыла в годы Первой мировой войны (1914–1916 гг.) / А.В. Добровольский // Вестник Сибирского государственного университета путей сообщения. – 2014. – № 31. – С. 65–72.
162. Долидович, О.М. Продовольственный кризис в Забайкальской области в годы Первой мировой войны (июль 1914 – февраль 1917) / О.М. Долидович // Научный диалог. – 2019. – № 9. – С. 293–307.
163. Езжева, М.Н. Роль Государственного Дворянского земельного банка в сохранении помещичьего землевладения в России / М.Н. Езжева // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2007. – № 2. – С. 16–20.
164. Ермолаев, А.Н. Морская торговля Российско-американской компании с Китаем в 1848–1863 гг. / А.Н. Ермолаев // Вестник Дальневосточного отделения РАН. – 2011. – № 1 (155). – С. 22–27.
165. Жалсапова, Ж.Б. Деятельность русских военных инструкторов в Монголии (1912–1916 гг.) / Ж.Б. Жалсапова // Власть. – 2008. – № 12. – С. 120–124.
166. Жиров, А.А. Провинциальное купечество Сибири (штрихи к социально-психологическому портрету) / А.А. Жиров // Известия

- Омского государственного историко-краеведческого музея. – 1998. – № 6. – С. 310–324.
167. Зак, А. Н. Крестьянский поземельный банк. 1883–1910 / А.Н. Зак. – М.: скл. изд. Н. П. Карбасникова, 1911. – 607 с.
168. Залшупин, А. С. Вопросы банковской политики: к реформе денежного обращения / А.С. Залшупин. – СПб.: Тип. В. С. Балашов и К°, 1896. – 147 с.
169. Иванов, М.А. Нижегородское купечество в конце XVIII – первой четверти XIX века: численность и гильдейский состав / М.А. Иванов // История: факты и символы. – 2017. – № 1 (10). – С. 64–72.
170. Ивонина, Е.В. Предпосылки создания кредитной системы Российской империи в эпохи правления Павла I – Александра I – Николая I (1797–1855 гг.) / Е.В. Ивонина // Актуальные проблемы российского права. – 2009. – № 4. – С. 36–43.
171. Из века в век. Банковское дело в Республике Бурятия / под общ. ред. Э.Б. Дудиной. – Улан-Удэ: НоваПринт, 2012. – 488 с.
172. Иконников, В.С. Ближний боярин Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин / В.С. Иконников // Русская старина. – 1883. – Т. 40. – № 10. – С. 13–63.
173. Ильин, С.В. Залог надельных земель в Крестьянском поземельном банке / С.В. Ильин // Преподаватель XXI век. – 2015. – № 2. – Ч. 2. – С. 271–280.
174. Ильина, Т.Г. Формирование кредитно-финансовых отношений в Западной Сибири в условиях Великого чайного пути / Т.Г. Ильина // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: материалы IX междунар. науч-практ. конф. – Благовещенск: Изд-во Благовещенского гос. пед. ун-та, 2019. – С. 84–94.
175. Кальмина, Л.В. Баргузин – еврейский анклав в Сибири / Л.В. Кальмина // Научные труды по иудаике: материалы XVIII междунар.

- ежегодн. конф. по иудаике. – М.: Изд-во «Пробел-200», 2011. – С. 114–121.
176. Кальмина, Л.В. Верхнеудинский общественный банк в контексте финансовой политики самодержавия // Известия Иркутского гос. ун-та. – 2017. – Т. 21. – № 15. – С. 79-85.
177. Кальмина, Л.В. Верхнеудинская ярмарка как социокультурный феномен / Л.В. Кальмина // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2015: сб. науч. статей. – Иркутск: Изд-во Байкальского гос. ун-та, 2015. – С. 420–426.
178. Кальмина, Л.В. Особенности национальной торговли (Торговое предпринимательство в Верхнеудинске во второй половине XIX – начале XX века) // Историко-экономические исследования. – 2015. – Т. 16. – № 4. – С. 627–641.
179. Кальмина, Л.В. Экономическое пространство провинциального сибирского города на рубеже XIX – XX вв. / Л.В. Кальмина // Власть. – 2011. – № 7. – С. 93–96.
180. Кальмина, Л.В., Курас Л.В. Русско-китайская торговля через Кяхту в 1840–1900-е гг.: печальный детектив / Л.В. Кальмина, Л.В. Курас // Вестник Томского гос. ун-та. – 2019. – № 442. – С. 122–125.
181. Кальмина, Л.В., Плеханова, А.М. Забайкальские города в торговом пространстве трансграничья (1880–1920-е гг.) / Л.В. Кальмина, А.М. Плеханова // Власть. – 2016. – Т. 24. – № 7. – С. 193–198.
182. Кальмина, Л.В., Плеханова, А.М. Золотодобыча в Западном Забайкалье в 1880–1920-е годы: региональная специфика / Л.В. Кальмина, А.М. Плеханова // Гуманитарный вектор. – 2015. – № 3. – С. 29–35.
183. Кальмина, Л.В., Плеханова А.М. Кяхта в 1840–1930-х гг.: блеск и нищета «окна в Китай» / Л.В. Кальмина, А.М. Плеханова // Власть. – 2019. – Т. 27. – № 2. – С. 240–245.

184. Кальмина, Л.В., Плеханова А.М. Формирование банковской инфраструктуры в Верхнеудинске: закономерности и парадоксы / Л.В. Кальмина, А.М. Плеханова // Власть. – 2020. – Т. 28. – № 5. – С. 201–207.
185. Кириллов, А.К. Городские общественные банки Российской империи / А.К. Кириллов // Экономическая история: ежегодник. – 2008. – Т. 2007. – С. 193–236.
186. Коваль, М.В. Пограничная русско-китайская торговля в XIX в. / М.В. Коваль // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. – 2013. – № 3. – С. 20–30.
187. Колюпанов, Н.П. Практическое руководство к учреждению сельских и ремесленных банков по образцу немецких ссудных товариществ. / Н.П. Колюпанов, В.Ф. Лугинин. – М.: Тип. А. И. Мамонтова и К°, 1869. – 269 с.
188. Комлева, Е.В. Взгляды Николая и Петра Басниных на назначение коммерции и обязанности купца / Е.В. Комлева // Научное обозрение Саяно-Алтая. Серия: История. – 2018. – № 4. – С. 18–24.
189. Комлева, Е.В. Енисейское купечество в последней четверти XVIII – первой половине XIX в. / Е.В. Комлева. – М.: Academia, 2006. – 381 с.
190. Комлева, Е.В. Из жизни сибирского купца 1860-х гг.: к биографии Ивана Михайловича Башурова / Е.В. Комлева // Научное обозрение Саяно-Алтая. Серия: История. – 2014. – № 1. – С. 91–96.
191. Комлева, Е.В. Кяхтинская торговля 1830-х гг. в письмах московских купцов Калашниковых / Е.В. Комлева // Кяхта – национальное достояние России: матер. междунар. науч-практич. конф., посвящ. 95-летию Кяхтинского района и 290-летию г. Кяхта, 2018. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та им. Д. Банзарова, 2018. – С. 115–119.
192. Кондратьев, Н.Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции / Н. Д. Кондратьев. – М.: Наука, 1991. – 487 с.

193. Коростовец, И.Я. Девять месяцев в Монголии. Дневник русского уполномоченного в Монголии. Август 1912 – май 1913 г. / И.Я. Коростовец. – Улаанбаатар, 2009. – 440 с.
194. Кочисов, Г.Г. Деятельность городских общественных банков России (вторая половина XIX столетия) / Г.Г. Кочисов // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. – 2010. – № 4. – С. 505–509.
195. Красик, А. В. Крестьянский банк и его деятельность с 1883 по 1905 г. / А.В. Красик. – Юрьев: Тип. К. Маттисена, 1910. – 160 с.
196. Крит, Н.К. Будущность кяхтинской торговли. / Н.К. Крит. – СПб.: Тип. Артиллерийского департамента Военного Министерства, 1862. – 101 с.
197. Курц, Б.Г. Русско-китайские сношения в XVI, XVII и XVIII столетиях / Б.Г. Курц. – Харьков: Гос. изд-во Украины, 1929. – 158 с.
198. Кучинский, Ю. Очерки по истории мирового хозяйства / Ю. Кучинский [пер. с нем. И.А. Басовой]. – М.: Изд-во иностр. лит., 1954. – 191 с.
199. Левин, И.И. Акционерные коммерческие банки в России / И.И. Левин – Петроград: Тип. т-ва Птгр. печ. пр-ва И.Р. Белопольского и К°, 1917. – Т. 1. – 320 с.
200. Ленин, В.И. Грозящая катастрофа и как с ней бороться / В.И. Ленин // ПСС. – Т. 34. – М.: Госполитиздат, 1962. – 584 с.
201. Лизунов, П. В. Санкт-Петербургский Торговый банк: от меняльной лавки до акционерного коммерческого банка / П.В. Лизунов // Новый исторический вестник. – 2019. – № 3. – С. 6–27.
202. Мартенс, Ф.Ф. Россия и Китай. Историко-политическое исследование / Ф.Ф. Мартенс [пер. В. Телесницкий]. – СПб.: Тип. И. Габермана, 1881. – 88 с.

203. Матханова, Н.П. Новые источники о ревизии Восточной Сибири сенатором И.Н. Толстым («Дневник» В.Д. Философова и письма Н.М. Голицына) / Н.П. Матханова // Гуманитарные науки в Сибири. – 2012. – № 4. – С. 56–62.
204. Мигулин, П.П. Русский государственный кредит (1769–1899). Опыт историко-критического обзора / П.П. Мигулин. – Харьков: Типо-лит. «Печатное Дело», 1899. – Т. 1. – 632 с.
205. Молонова, Е.П. Верхнеудинское мещанское общество как орган сословного управления в пореформенный период / Е.П. Молонова // Известия Иркутского гос. ун-та. Серия: История. – 2017. – Т. 22. – С. 32–38.
206. Морозан, В.В. Учетно-ссудный комитет Санкт-Петербургской конторы Государственного банка в конце XIX века: состав и деятельность / В.В. Морозан // Россия и мир в конце XIX – первой половине XX в.: ст. в сб. к 85-летию Б.В. Ананьича. – Санкт-Петербург, 2017. – СПб.: ООО «Информационно-издательская фирма-журнал «Лики России», 2017. – С. 284–294.
207. Мосина, И.Г. Развитие промышленности и товарно-денежных отношений в Сибири / И.Г. Мосина // Вопросы истории Сибири. – 1967. – Вып. 3. – С. 101–116.
208. Муравьева, Л.А. Банки и кредит России во второй половине XIX – начале XX в. / Л.А. Муравьева // Финансы и кредит. – 2013. – № 45. – С. 71–80.
209. Муравьева, Л.А. Банковская система России в первой половине XIX в. / Л.А. Муравьева // Финансы и кредит. – 2011. – № 32. – С. 74–83.
210. Муравьева, Л.А. Банки средневековой Европы / Л.А. Муравьева // Финансы и кредит. – 2015. – № 26. – С. 57–68.
211. Муравьева, Л.А. Кредитно-денежная политика в России (1725–1761 гг.) / Л.А. Муравьева // Финансы и кредит. – 2008. – № 32. – С. 70–79.

212. Муравьева, Л.А. Кредитная политика Екатерины II / Л.А. Муравьева // Финансы и кредит. – 2010. – № 13. – С. 75–83.
213. Муравьева, Л.А. Российское кредитное предпринимательство в первой четверти XVIII века / Л.А. Муравьева // Финансы и кредит. – 2008. – № 9. – С. 72–80.
214. Муравьева, Л.А. Экономика и финансы России начала XX века / Л.А. Муравьева // Финансы и кредит. – 2002. – № 2. – С. 27–36.
215. Муравьева, Л.А. Экономический подъем в России 90-х годов XIX века / Л.А. Муравьева // Финансы и кредит. – 2001. – № 18. – С. 36–44.
216. Назырова, Н.А., Шелкоплясова Н.И. Тульский Александринский банк, как первое общественное кредитное учреждение в Тульской губернии XIX в. / Н.А. Назырова, Н.И. Шелкоплясова // Вестник Тульского филиала Финуниверситета. – 2019. – № 1–1. – С. 279–284.
217. Нарочницкий, А.Л. Международные отношения на Дальнем Востоке / А.Л. Нарочницкий, А.А. Губер, М.И. Сладковский и др. – М.: Изд-во «Мысль», – 1973. – Кн. 1. – 324 с.
218. Никифорова, Н.В. История формирования и деятельности Общества потребителей рабочих и служащих на Забайкальской железной дороге / Н.В. Никифорова // Проблемы социально-экономического развития Сибири. – 2016. – № 2. – С. 103–108.
219. Новицкий, В.Ф. Путешествие по Монголии, в пределах Тушетухановского и Цеценхановского аймаков Халхии, Шилингольского чигулгака и земель Чахаров Внутренней Монголии, совершенное в 1906 году действительными членами Императорского Русского Географического Общества, Генерального Штаба полковником В.Ф. Новицким и Корпуса военных топографов надворным советником М.О. Круковским / В.Ф. Новицкий. – СПб.: Гл. упр. Ген. штаба. Отд. ген.-квартирмейстера, 1911. – 400 с.

220. Обухов, Н.П. Экономический кризис в России в годы Первой мировой войны / Н.П. Обухов // Академия бюджета и казначейства Минфина России. Финансовый журнал. – 2009. – № 2. – С. 161–172.
221. Оль, П.В. Иностранные капиталы в народном хозяйстве довоенной России / П.В. Оль. – Л.: Изд-во Всесоюз. акад. наук, 1925. – 35 с.
222. Ососов, В.Я. Городские общественные банки России: Обзор их деятельности по 1 янв. 1871 г. / В.Я. Ососов. – СПб.: Тип. Майкова, 1872. – 192 с.
223. Оськин, М.В. «Особая» Экспедиция П. К. Козлова в Монголии в период Первой мировой войны (1915–1917) / М.В. Оськин // *Mongolica*. – 2014. – Т. 12. – С. 36–42.
224. Паликова, Т.В. Города Забайкалья второй половины XIX – начала XX в. (социальное, экономическое, культурное развитие) / Т.В. Паликова. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 2010. – 312 с.
225. Петров, Ю.П. Коммерческие банки и экономическое развитие России в конце XIX – начале XX века / Ю.П. Петров // Экономическая история: ежегодник. – 2010. – № 10. – С. 25–33.
226. Петров, Ю.П. Король банкиров / Ю.П. Петров // Родина. – 2005. – № 5. – С. 82–86.
227. Печерин, Я.И. Исторический обзор правительственных, общественных и частных кредитных установлений в России / Я.И. Печерин. – СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1894. – 142 с.
228. Пименов, П.С. Торговля между Российско-Американской компанией и Китаем и роль китайских товаров в жизни Русской Америки / П.С. Пименов // Китай: история и современность: материалы XI междунар. науч.-практич. конф. – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2018. – С. 223–229.
229. Плеханова, А.М., Ширапов, А.А. Верхнеудинское общество взаимного кредита: история создания и начальный этап деятельности в

- условиях трансграничья (1911–1913 гг.) / А.М. Плеханова, А.А. Ширапов // Гуманитарный вектор. – 2020. – Т. 15. – № 3. – С. 416–433.
230. Плеханова, А.М., Ширапов, А.А. Верхнеудинское отделение Русско-Азиатского банка на кредитно-финансовом рынке Западного Забайкалья в 1911–1914 годах / А.М. Плеханова, А.А. Ширапов // Научный диалог. – 2020. – № 6. – С. 416–433.
231. Плеханова, А.М., Ширапов, А.А. Верхнеудинское отделение Русско-Китайского банка: направления, специфика и результаты деятельности в условиях трансграничья / А.М. Плеханова, А.А. Ширапов // Власть. – 2019. – Т. 27. – № 3. – С. 206–211.
232. Плеханова, А.М., Ширапов, А.А. Верхнеудинское отделение Русско-Китайского банка: организация банковского дела в приграничном регионе Российской империи / А.М. Плеханова, А.А. Ширапов // Проблемы социально-экономического развития Сибири. – 2019. – № 4. – С. 168–172.
233. Плеханова, А.М., Ширапов, А.А. «Работа в отделении была горячая днем и ночью...»: из истории деятельности временного отделения Государственного банка в г. Верхнеудинске, 1894-1905 гг. / А.М. Плеханова, А.А. Ширапов // Историко-экономические исследования. – 2021. – Т. 22. – № 2. – С. 322–342.
234. Плеханова, А.М., Ширапов, А.А. Становление банковского дела в Западном Забайкалье в XIX в.: купеческие инициативы / А.М. Плеханова, А.А. Ширапов // Научный диалог. – 2021. – № 6. – С. 392–407.
235. Плеханова, А.М., Ширапов, А.А. Ургинское отделение Русско-Китайского банка (1900–1910 гг.): недлинная история / А.М. Плеханова, А.А. Ширапов // Вопросы истории. – 2020. – № 10-2. – С. 115–125.
236. Плотников, М.А. Дворянский банк / М.А. Плотников // Русское богатство. – 1898. – № 5. – С. 186–190.

237. Плотникова, Е.В. Банк при Сиропитательном доме Е. Медведниковой: правовой аспект и процесс борьбы за независимость от Иркутской городской думы в первой половине XIX – начале XX в. / Е.В. Плотникова // Известия Лаборатории древних технологий. – 2019. – Т. 15. – № 1. – С. 123–132.
238. Плотникова, Е.В. Политика правления Сибирского Торгового банка в отношении региональных подразделений: случай Иркутского отделения, 1873–1920 гг. / Е.В. Плотникова // Историко-экономические исследования. – 2021. – Т. 27. – № 1. – С. 121–139.
239. Попов, Р.И. Экономическое поведение китайского купечества конца XVIII – первой половины XIX в. в записках русских современников / Р.И. Попов // Вестник Дальневосточного отделения РАН. – 2010. – № 2. – С. 40–46.
240. Попова, И.Ф. Торговля России и Китая через Кяхту и Маймайчен / И.Ф. Попова // *Mongolica*. – 2013. – Т. 11. – С. 28–36.
241. Проскурякова, Н.А. Акционерные земельные банки Российской империи в конце XIX – начале XX вв. / Н.А. Проскурякова // Экономическая история: ежегодник. – 2001. – Т. 2000. – С. 475–525.
242. Проскурякова, Н.А. Ипотека в Российской империи / Н.А. Проскурякова. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – 737 с.
243. Птицын, В.В. Селенгинская Даурия: Очерки Забайкальского края: В 2 ч. с 10 рис. и геогр. карт. Забайкалья / В.В. Птицын. – СПб.: Экон. типо-лит., 1896. – 307 с.
244. Пушкарева, И.М. Финансовое положение России. 1914-1917 г. (заметки на полях исторических трудов). Часть 2. / И.М. Пушкарева // Научные ведомости Белгородского гос. ун-та. Серия: История. Политология. – 2019. – Т. 46. – № 1. – С. 138–153.
245. Рабинович, Г.Х. Из истории кредита в дореволюционной Сибири / Г.Х. Рабинович // Вопросы истории Сибири. – 1976. – Вып. 9. – С. 46–62.

246. Раднаев, Б.Э. Пазвитие промышленности Забайкалья в период капитализма / Б.Э. Раднаев // Бурятия XVII – нач. XX в. Экономика и социально-культурные процессы: сб. науч. ст. – Новосибирск: Наука, 1989. – С. 132–144.
247. Роднов, М. И. Уфимское отделение Волжско-Камского коммерческого банка: начало истории (1873–1875 гг.) / М.И. Роднов // Экономическая история. – 2017. – Т. 2016–17. – С. 87–111.
248. Романов, Б.А. Россия в Манчжурии (1892–1906). Очерки по истории внешней политики самодержавия в эпоху империализма / Б.А. Романов. – Л.: Ленинградский восточный институт им. А.С. Енукидзе, 1928. – 631 с.
249. Романова (Сайдукова), М.С. Деньги в бурятской культурной традиции / М.С. Романова (Сайдукова) // Этнографическое обозрение. – 2009. – № 2. – С. 22–27.
250. Ронин, С.Л. Иностранные капиталы и русские банки: к вопросу о финансовом капитале в России / С.Л. Ронин. – М.: Изд-во Ком. ун-та им. Я.М. Свердлова, 1926. – 144 с.
251. Россиина, Н.С. История развития кредитных учреждений России в восемнадцатом столетии / Н.С. Россиина // Ярославский педагогический вестник. – 2004. – № 1–2. – С. 127–135.
252. Саломатина, С.А. Банковская система и фондовый рынок в дореволюционной и советской России / С.А. Саломатина // Российские ценные бумаги. Каталог собрания Музейно-экспозиционного фонда Банка России. В 3 т. / отв. ред. Ю.А. Петров. – М.: СЛОВО/SLOVO, 2010. – Т. 2. – С. 117–137.
253. Саломатина, С.А. Коммерческие банки и сельское хозяйство во второй половине XIX в.: статистический анализ операций Орловского коммерческого банка в сравнении с Государственным банком

- Российской империи / С.А. Саломатина // Исторический журнал: научные исследования. – 2019. – № 6. – С. 151–178.
254. Саломатина, С.А., Тужилина Е.Д. Банк «для своих»: Московское отделение Русско-Китайского банка в 1897–1899 гг. / С.А. Саломатина, Е.Д. Тужилина // Экономическая история. – Т. 35. – № 4. – 2016. – С. 47–62.
255. Санжиева, Т.Е. Народное движение и мероприятия правительства в области винокурения и пивоварения в годы Первой мировой войны / Т.Е. Санжиева // Сибирь в годы Великой российской революции: сб. матер. Всеросс. науч-практ. конф. с междунар. участ. – Улан-Удэ: Изд-во Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления, 2017. – С. 28–33.
256. Санжиева, Т.Е. Почтовая связь Забайкалья в конце XIX – начале XX века / Т.Е. Санжиева // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2016: сб. науч. статей. – Иркутск: Изд-во Байкальского гос. ун-та, 2016. – С.182–188.
257. Санжиева, Т.Е. Формирование системы связи г. Верхнеудинска (вторая половина XIX – начало XX в.) / Т.Е. Санжиева // Вестник Бурятского гос. ун-та. – 2009. – № 7. – С. 19–22.
258. Скворцова, Л.А. Кяхта в системе русско-китайских торгово-экономических отношений / Л.А. Скворцова // Труды молодых ученых Алтайского государственного университета. – 2018. – № 15. – С. 92–95.
259. Соколовский, П.А. Деятельность земства по устройству ссудо-сберегательных товариществ / П.А. Соколовский. – СПб.: С.-Петербург. отделение Ком. о сельск. ссудосберегат. и пром. т-вах, 1890. – 336 с.
260. Соловьева, Е.А. Материальное обеспечение служащих губернского правления Симбирской и Казанской губерний во второй половине XIX – начале XX вв. / Е.А. Соловьева // Власть. – 2013. – Т. 21. – № 1. – С. 154–156.

261. Старцев, А.В. Организация и инфраструктура Русской торговли в Монголии во второй половине XIX – начале XX века / А.В. Старцев // Россия и Монголия: новый взгляд на историю (дипломатия, экономика, культура): сб. науч. тр. – Иркутск: Изд-во Байкальского гос. ун-та, 2015. – С. 143–180.
262. Старцев, А.В. Российско-монгольские торгово-экономические отношения во второй половине XIX – начале XX в. / А.В. Старцев. – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2013. – 414 с.
263. Судейкин, В.Т. Наши общественные городские банки и их экономическое значение / В.Т. Судейкин. – СПб.: Типо-лит. Дома призр. малолет. бедных, 1884. – 50 с.
264. Сунь, И. Эмиссионная политика Русско-Китайского (Азиатского) банка в Китае в конце XIX – начале XX века / Ичжи Сунь // Мавродинские чтения-2018: сб. науч. ст. всерос. науч. конф., посвящ. 110-летию со дня рождения проф. В.В. Мавродина. Санкт-Петербург, 2018. – СПб.: ООО «Нестор-История», 2018. – С. 334–337.
265. Тагирова, Н.Ф. Нижегородско-Самарский земельный банк в Самарской губернии: из истории коммерческого кредитования сельской недвижимости в Российской империи второй половины XIX – начала XX в. / Н.Ф. Тагирова // Вестник Самарского гос. ун-та. – 2012. – № 2/2. – С. 84–87.
266. Теория и практика коммерческого банка / сост. В.А. Дмитриев-Мамонов, З.П. Евзлин. – Петроград: Тип. редакции периодических изданий Министерства Финансов, 1916. – 360 с.
267. Толстой, Д.А. История финансовых учреждений России со времени основания государства до кончины императрицы Екатерины II / Д.А. Толстой. – СПб.: Тип. К. Жернакова, 1848. – 272 с.

268. Томпстон, С.Р. Российская внешняя торговля XIX – начала XX в.: организация и финансирование / С.Р. Томпстон [пер. с англ. Ю.А. Петрова]. – М.: РОССПЭН, 2008. – 470 с.
269. Тригуб, Г.Я. Общественная и частная благотворительность в городах Забайкалья в сфере народного образования (вторая половина XIX – начало XX в.) / Г.Я. Тригуб // Ойкумена. Регионоведческие исследования. – 2009. – № 2. – С. 83–92.
270. Тригуб, Г.Я. Участие городских самоуправлений, благотворительных обществ и частных лиц в развитии системы народного здравоохранения в городах Забайкалья (вторая половина XIX – начало XX вв.) / Г.Я. Тригуб // Ойкумена. Регионоведческие исследования. – 2008. – № 2. – С. 40–48.
271. Улан-Удэ – 350. История и современность. В 2 т. / отв. ред. Б.В. Базаров. – Иркутск: Оттиск, 2016. – Т. 1: XVII – начало XX в. – 369 с.
272. Фадейкина, Н.В., Воронов В.А. История российского казначейства: дореволюционный период / Н.В. Фадейкина, В.А. Воронов // Сибирская финансовая школа. – 2005. – № 2. – С. 24–35.
273. Фадейкина, Н.В., Демчук И.Н. Банковская система Российской империи в период великих реформ / Н.В. Фадейкина, И.Н. Демчук // Сибирская финансовая школа. – 2007. – № 3. – С. 108–118.
274. Фадейкина, Н. В., Демчук И. Н. Банки и кредитное дело в период царствования Елизаветы Петровны и Екатерины Великой / Н.В. Фадейкина, И.Н. Демчук // Инновационная экономика: от теории к практике: сб. науч. тр. по мат. междунар. науч.-практ. конф. – Новосибирск: Сибирская академия финансов и банковского дела, 2014. – С. 568–577.
275. Фадейкина, Н.В. О создании Государственного банка и становлении банковской системы Российской империи / Н.В. Фадейкина, И.Н. Демчук // Сибирская финансовая школа. – 2010. – № 3. – С. 3–4.

276. Фурман, Е.Л. Страницы истории Акционерного общества рудного дела Тушетухановского и Цеценхановского аймаков в Монголии в начале XX в. («Монголор») / Е.Л. Фурман // Экономика и гуманитарные исследования: проблемы, тенденции, достижения: материалы II междунар. науч-практ. конф. 2017. – Новосибирск: ООО «Центр развития научного сотрудничества», 2017. – С. 137–144.
277. Храмцов, А.Б. Городские общественные банки как финансово-кредитные учреждения Тобольской губернии в конце XIX века / А.Б. Храмцов // Университетский научный журнал. – 2014. – № 7. – С. 77–81.
278. Цыденова, Л.Б. Верхнеудинск на Чайном пути / Л.Б. Цыденова // Сибирское купечество: истоки, деятельность, наследие: материалы III всерос. науч. конф. – Томск: Изд-во Томского гос. архит.-строит. ун-та, 2019. – С. 251–261.
279. Черемисинов, Г.А. Макроэкономическая динамика России в годы Первой мировой войны / Г.А. Черемисинов // Вестник волгоградского гос. ун-та. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. – 2014. – № 5. – С. 6–21.
280. Чехов А.П. Дело Рыкова и комп.: (От нашего корреспондента) / А.П. Чехов // Полное собрание сочинений и писем. – М.: Наука, 1979. – Т. 16. – 622 с.
281. Чугунов, В.Е. Исторический очерк развития банковской системы Орловской области / В.Е. Чугунов // Среднерусский вестник общественных наук. – 2008. – № 2. – С. 41–48.
282. Чумакова, А.С. Исторический опыт работы акционерных коммерческих банков в конце XIX – начале XX веков: (на материалах Среднего Поволжья) / А.С. Чумакова // Вестник Чувашского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2011. – № 2. – С. 133–136.
283. Шахеров, В.П. Инвестиционная политика Государственного банка России как фактор монополизации сибирской золотопромышленности /

- В.П. Шахеров // Историко-экономические исследования. – 2011. – Т. 19. – № 3. – С. 406–432.
284. Шахеров, В.П. Русско-китайская торговля и социально-экономическое развитие Байкальской Сибири в конце XVIII – первой половине XIX века / В.П. Шахеров // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2015: сб. науч. статей. – Иркутск: Изд-во Байкальского гос. ун-та, 2015. – С.109–120.
285. Шахеров, В.П. Становление кредитной системы в Иркутской губернии в XVIII – первой половине XIX века / В.П. Шахеров // Историко-экономические исследования. – 2014. – Т. 15. – № 4. – С. 668–694.
286. Шахеров, В.П. Формирование городских поселений Байкальской Сибири в контексте особенностей сибирской урбанизации / В.П. Шахеров // Известия Иркутского гос. ун-та. Серия «История». – 2011. – № 1. – С. 35–49.
287. Шиловский, М.В. Роль сибирского купечества в чайной торговле с Китаем в XVIII – начале XX вв. / М.В. Шиловский // Сибирское купечество: истоки, деятельность, наследие: материалы III всерос. науч. конф. – Томск: Изд-во Томского гос. архит.-строит. ун-та, 2019. – С. 25–36.
288. Ширапов, А.А. Специфика деятельности Кяхтинского отделения Русско-Китайского банка в начале XX в. / А.А. Ширапов // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2020. – № 3. – С. 33–38.
289. Щеглова, Т.К. Ярмарки Западной Сибири и Степных областей во второй половине XIX века: из истории российско-азиатской торговли / Т.К. Щеглова. – Барнаул: Изд-во Барнаульского гос. пед. ун-та, 2002. – 236 с.

290. Эвентов, Л.Я. Иностранные капиталы в русской промышленности / Л.Я. Эвентов. – М. – Л.: Гос. соц. экон. изд-во, 1931. – 103 с.
291. Экономическая география Сибири / сост. П.М. Головачев. – М.: Тип. И.Д. Сытина, 1914. – 183 с.
292. Яго, К. Русско-Китайский банк в 1896–1910 гг.: международный финансовый посредник в России и Азии / К. Яго // Экономическая история: ежегодник. – 2012. – Т. 2011-201. – С. 293–314.
293. Яковлев, А.Ф. Экономические кризисы в России / А.Ф. Яковлев – М.: Госполитздат, 1955. – 404 с.
294. Barzini, L. Peking to Paris. An account of Prince Borghese's journey across two continents in a motor-car / L. Barzini. – London: E. Grant Richards, 1907. – 645 p.
295. Kindleberger, Ch.P. Manias, Panics, and Crashes. A History of Financial Crises / Ch. P. Kindleberger, P. L. Bernstein – New York: John Wiley & Sons, 2005. – 355 p.
296. Gilbert, J.W. The history and principles of banking / J.W. Gilbert. – London: Longman, Rees, Orme, Brown, Green, and Longman, Paternoster-Row, 1834. – 220 p.
297. Watson, D.R. The Rise and Fall of the Russo-Asiatic Bank. Problems of a Russian Enterprise with French Shareholders, 1910–26 / D.R. Watson // European History Quarterly. 1993. – V. 23. – P. 39–49.
298. Zhaojin, Ji. A History of Modern Shanghai Banking: The Rise and Decline of China's Finance Capitalism. / Ji. Zhaojin. – Armonk, N.Y.: M.E. Sharpe, 2003. – 325 p.

VII. Диссертации и авторефераты

299. Ганжов, Е.А. Провинциальные кредитно-финансовые учреждения России и их вклад в развитие народного хозяйства в период с 1861 по 1917 гг.: на материалах Курской губернии / Е.А. Ганжов. Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Белгород, 2013. – 193 с.

300. Горбик, К.А. История банковской системы на территории Области войска Донского (вторая половина XIX – начало XX вв.) / К.А. Горбик. Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Ростов-на-Дону, 2018. – 269 с
301. Ишкинина, А.А. Деятельность Уфимского отделения Государственного банка Российской империи во второй половине XIX - начале XX в.: 1865-1917 гг. / А.А. Ишкинина. Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Уфа, 2010. – 215 с.
302. Кириллов, А.К. Городские банки Западной Сибири во второй четверти XIX – начале XX века / А.К. Кириллов. Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Новосибирск, 2002. – 349 с.
303. Плотникова, Е.В. Становление и развитие частных банков Иркутской губернии в первой половине XIX в. – 1920 г. / Е.В. Плотникова. Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Иркутск, 2021. – 276 с.
304. Соляничко, А.Н. Финансово-кредитная деятельность государственных банков Российской империи в аграрном секторе Саратовской губернии в 80-е гг. XIX - начале XX вв. / А.Н. Соляничко. Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Саратов, 2004. – 246 с.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Здание Верхнеудинской городской управы, где располагалась ссудная касса с 1872 по 1900 гг. [ГАРБ, фотофонд, фото 791]

Приложение 2

П.В. Гирченко, купец 2-й гильдии, директор Верхнеудинского городского общественного банка с 1882 по 1886 гг. [Из века в век..., 2012:15]

Ведомость о наличии капитала в Верхнеудинском городском общественном банке в начале 1883 г. [ГАРБ, ф. 10, оп. 1, д. 380, л. 2]

2

*Ведомость
О наличном капитале по Верхнеудинскому
Городскому общественному Банку.*

№ 1го квартала 1883г.

	Сумма	
	руб.	коп.
<u>Наличные деньги</u>		
Кредитные билеты, серебряного и медного попечения	11,478	73
<u>Вексели</u>		
разных лиц, учтенных банком и обдоченных в книжке по линии, как об этом подписаны	39,741	
<u>Процентные бумаги</u>		
билеты Внутреннего 3 ^{го} процентного из казен- ной заимки по 100 рублей каждая		
1 ^{го} займа	11	билетов,
2 ^{го} " " " " " "	4	билета и
Иркутским Отдѣльным Государственным банком		
1 билет стоимости в 500 руб. принятый в залог банком в сумму	2,110	
Кроме того куплено 1 билет Сибирским Торо- вым банком в 10,000 руб. представляющий предприни- мателя И. И. Курбачева в отношении платежа по векселям И. В. Соколова.		
<u>Разных вещей</u>		
принятых в залог билетов в сумму	2,000	
Итого 20.	53,539	73

По свидетельству Актов означенный капитал в сум-
му пятьдесят три тысячи тридцать девять рублей

Сведения о размерах средств, выделенных Верхнеудинскому временному отделению Государственного банка в качестве операционного капитала в 1894 г. [ГАИО, ф. 154, оп. 1, д. 5, л. 23 об]

телеграфу.

Для образования оборотных операционных средств, Государственный Банк предлагает Временному Верхнеудинскому Отделению: а) по получении из Иркутского Отделения пяти тысяч (500.000) рублей размыиваго капитала, перечислить из оного, в день открытия дѣйствій Отдѣленія, 50.000 рублей въ оборотный капитал, кредитую на эту сумму съ Банкомъ, и о перечисленіи довести по телеграфу въ тотъ же день, съ уведомленіемъ объ открытіи дѣйствій Отдѣленія, размыивую же сумму въ суммѣ 3.000 рублей, которая будетъ выслана из Иркутскаго же Отдѣленія, причислить къ оборотной кассѣ Временнаго Отдѣленія, кредитую на эту сумму съ Банкомъ и б) по окончаніи дѣйствій Отдѣленія перечислить оборотную кассу въ размыивый капитал, въ круглыхъ рубляхъ безъ копейки, и весь этотъ капиталъ отправить въ Иркутское Отдѣленіе общимъ порядкомъ пересылки размыиваго капитала, по почтѣ, а командированныхъ чиновниковъ и нижнихъ служителей направить въ мѣста постоянного ихъ служенія, выдавъ имъ по положенію въ обратный путь, за счетъ расходовъ Временнаго Отдѣленія, на проездъ также и расходы по выдачѣ командированнымъ лицамъ подъемныхъ и прогонныхъ денегъ до гор. Верхнеудинска, произведенные Иркутскимъ и Сибирскимъ Отдѣленіями Банка.

Независимо отъ сего, Государственный Банкъ поручаетъ Верхнеудинскому Отдѣленію, по закрытіи своихъ дѣйствій, дѣла текущаго года, контрактъ на нѣмѣ помѣщенія, равно штемпеля и печати отослать въ Иркутское Отдѣленіе, первые—на случай справокъ, а вторые—для храненія до будущей армарки.

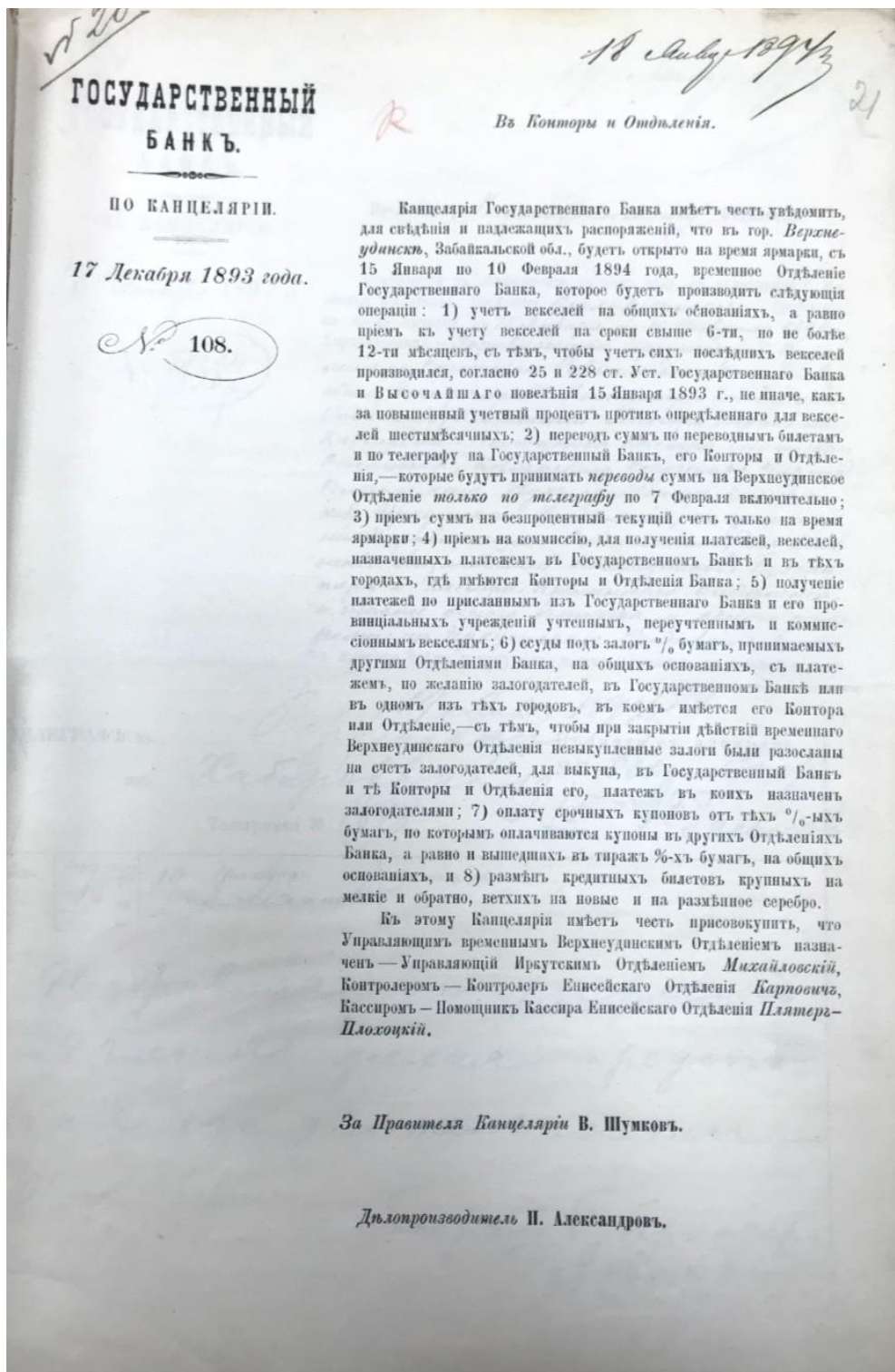
Вексели, напечатанные платящими на Верхнеудинскаго армарка, передать въ Иркутское Отдѣленіе, на Ишимскую армарку—въ Петровпавловское Отдѣленіе, на Амурскую армарку—въ Уфимское Отдѣленіе, а на Ирбитской и Крестовской армарках—въ Самаринбургскую Контору.

При урочіи векселей требовать отъ кредитователя на копейку свободныя записки о томъ, въ какой именно учрежденій Банка самыя кредитователи обязуются платящими, на случай не выкупа векселей въ срокъ векселедательный, и записки эти выслать съ векселями отовѣщая въ подлиннахъ учрежденію Банка.

Товарищъ Управляющій *С. М. Минаевъ*

Управителю Канцеляріи *М. М. М.*

Циркуляр канцелярии Государственного банка Российской империи об
открытии в г. Верхнеудинске временного отделения
[ГАИО, ф. 154, оп. 1, д. 5, л. 21]

Приложение 6

Здание, в котором располагалось Кяхтинское отделение Русско-Китайского (Азиатского) банка с 1898 по 1920 гг. [Электронный ресурс: <https://kartarf.ru/dostoprimechatelnosti/152894-zdanie-byvshego-russko-aziatskogo-banka>]

Приложение 7

Дом купца П.Т. Трунева в г. Верхнеудинске, где располагалось отделение Русско-Китайского (Азиатского) банка с 1898 по 1920 гг.

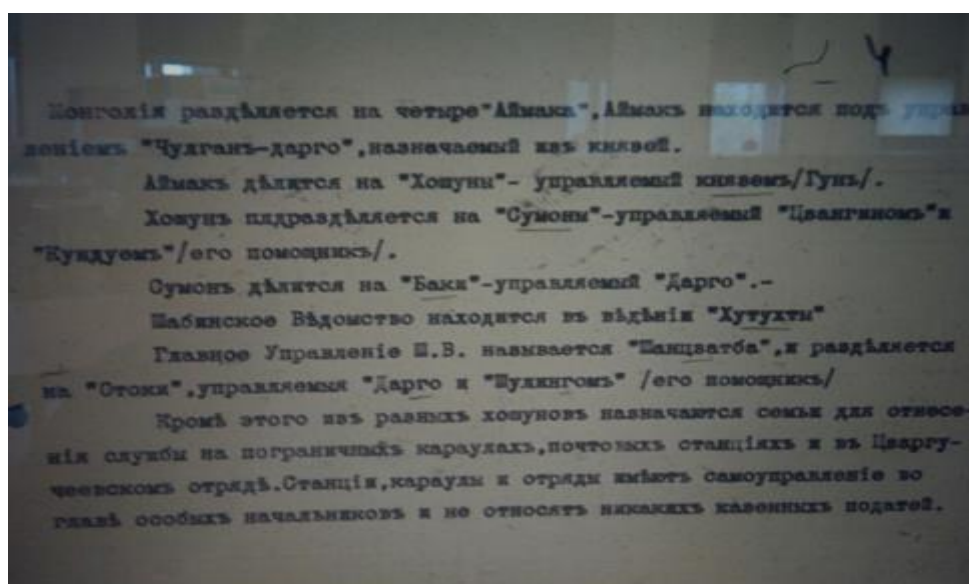
[ГАРБ, фотофонд, фото 6]

П.Т. Трунев, купец 2-й гильдии, директор Верхнеудинского отделения Русско-Китайского (Азиатского) банка [Из века в век..., 2012:16]

Справка об административном устройстве Монголии, подготовленная сотрудниками Кяхтинского отделения для Правления Русско-Китайского банка в 1907 г. [РГИА, ф. 632, оп. 1, д. 282, л. 4]

Дом верхнеудинского мещанина Я.М. Рубинштейна, где располагалось отделение Сибирского торгового банка с 1910 по 1919 гг.

[ГАРБ, фотофонд, фото 1156]

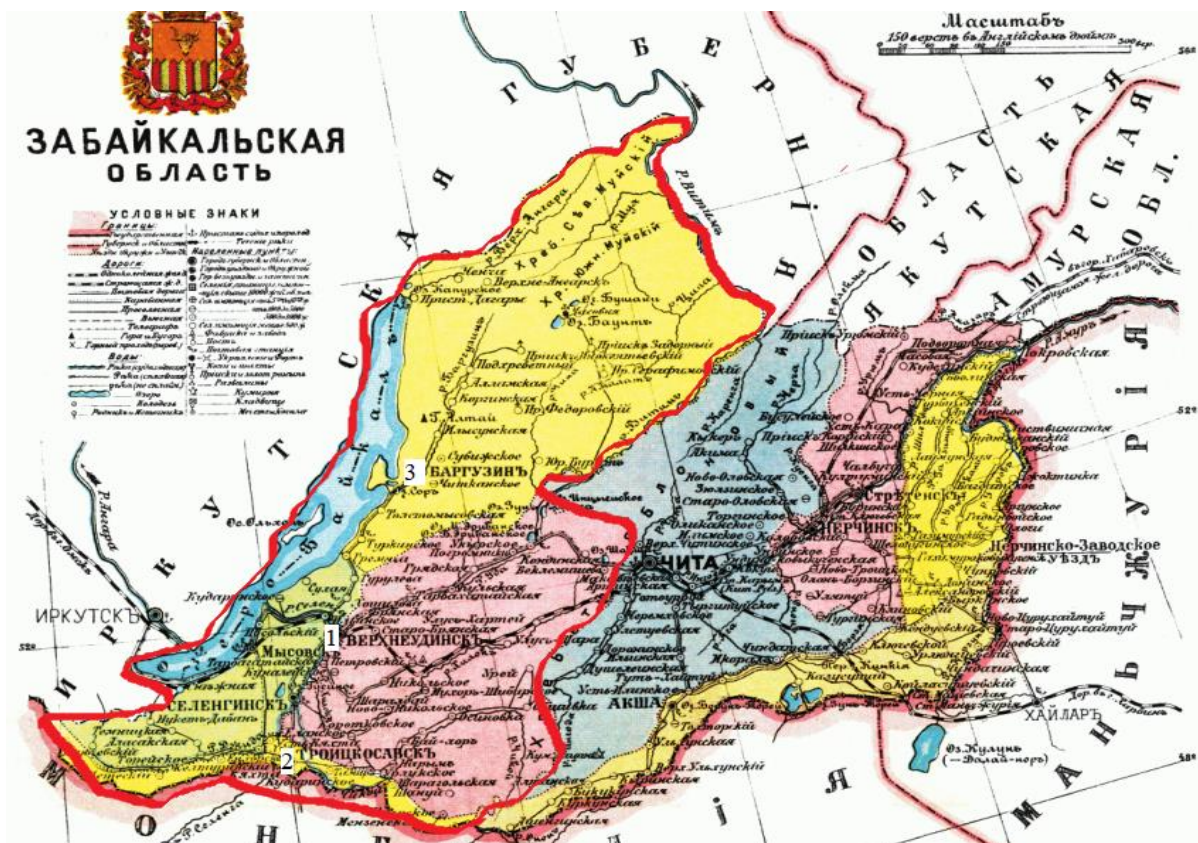

Верхнеудинский городской голова И.Д. Титов – создатель первого в Западном Забайкалье общества взаимного кредита в 1911 г. [Памятная книжка..., 1914]

Карта Забайкальской области. 1913 г.

[Россия. Географическое описание..., 1913]

Условные обозначения:

1. г. Верхнеудинск, где действовали отделения Русско-Азиатского и Сибирского торговых банков, казначейское отделение со сберегательной кассой, общество взаимного кредита;
 2. г. Троицкосавск-Кяхта, где действовали отделение Русско-Азиатского банка, казначейское отделение со сберегательной кассой, общество взаимного кредита;
 3. г. Баргузин, где действовало казначейское отделение.
- Красным цветом выделена территория Западного Забайкалья.